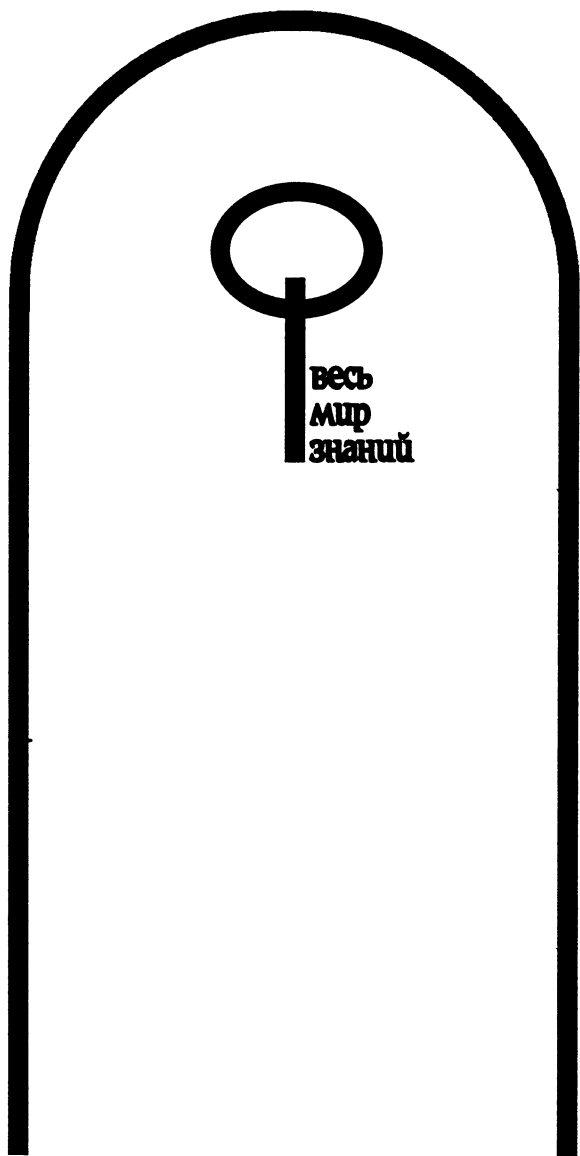

ДМИТРИЙ
ХАРИТОНОВИЧ

МАСОНСТВО

весь
мир
знаний

ВЕСЬ МИР ЗНАНИЙ – разнообразная по тематике образовательная серия. Авторы – ведущие отечественные и зарубежные ученые – дают ключ к пониманию проблем современной науки. Доступные, увлекательные тексты рассчитаны на самую широкую аудиторию и в первую очередь на тех, кто учится и учит.

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

Д. Кеон БУДДИЗМ

К. Кнотт ИНДУИЗМ

Д. Кристал АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ

М. Федорова КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Л. Хахалин ПЕДИАТРИЯ

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

А. Андреев ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

М. Дзюбенко СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Н. Кирсанова ИСТОРИЯ ИСПАНИИ

К. Коначева РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

В. Малахов НАЦИОНАЛИЗМ

Е. Макарова ИСТОРИЯ АНГЛИИ

А. Никифоров ЛОГИКА

А. Патрушев ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИЯ

О. Посконина ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ. I

А. Строганов ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ. II

К. Фараджев РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ДМИТРИЙ
ХАРИТОНОВИЧ

МАСОНСТВО

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕСЬ МИР»
2001

УДК 930.9
ББК 86.42
Х 20

Редактор *Агарева Е Ю*

Харитонович Д.Э.

Х 20 Массонство. М.: Издательство «Весь Мир»,
2001. — 224 с. — (Весь Мир Знаний).
ISBN 5-7777-0146-9

Книга посвящена масонству — заметному явлению в истории и общественной жизни Европы, мифов о котором существует куда больше, чем реальных научных знаний. Автор этой книги отделяет одно от другого, стремится «без гнева и пристрастия» взглянуть на феномен братства масонов, или Ордена вольных каменщиков. Он снимает завесу таинственности с масонства, объясняет причины, вследствие которых время от времени масоны становятся объектом пристального внимания и обостренного интереса.

УДК 930.9
ББК 86.42

Весь Мир Знаний™ — зарегистрированный торговый знак Издательства «Весь Мир» (№ 180520 от 8.10.1999)

ISBN 5-7777-0146-9

© Издательство
«Весь Мир», 2001

Мнения

«Орден свободных каменщиков есть всемирное тайное братство, поставившее себе целью вести человечество к достижению земного Эдема, златого века, царства любви и истины, царства Астреи»¹

(Т.О. Соколовская, историк масонства, 1915 г.).

«Франкмасонство есть учреждение филантропическое, философское и прогрессивное. Оно имеет задачей искание истины, исследование нравственности, упражнение в солидарности»

(Конституция Великого Востока Франции, 1884 г.).

«Масонство – это вселенский союз, покоящийся на солидарности. <...> Его девиз: "Свобода, Равенство, Братство"»

(Конституция Великой Ложи Франции, 1899–1901 гг.).

¹ Астрея – в греческой мифологии богиня справедливости, пребывавшая среди людей Золотого века; наступившая затем порча нравов заставила Астрею удалиться на небо.

«Масонство есть вредная секта, полная лицемерия, притворства, ереси и суеверий... направленная на разрушение Церкви и государственной власти»
(*Буллы папы Климента XII от 7 апреля 1738 г.*).

«Масонство есть тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, христианством, с Церковью, с национальной государственностью, и особенно с государственностью христианской. В этой интернациональной организации первое место по силе влияния и значению принадлежит еврейской нации, которой присуще богоборчество со дня распятия Христа Спасителя»

(*Митрополит Антоний, Председатель Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей, 1932 г.*).

«Масонство – тайное преступное общество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудаистского учения об избранном народе»

(*О.А. Платонов, современный отечественный экономист и публицист, 1996 г.*).

«Одно из самых вредных и поистине сатанинских лжеучений в истории человечества – масонство. <...> Под знаком масонской звезды работают все темные силы, разрушающие национальные государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые применяют большевики для разрушения России, очень близки масонским»

(*Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, 1992 г.*).

«Большевизм – это сумасшедшая и преступная чепуха, измышленная и организованная евреями и масонами и имеющая целью уничтожение европейских народов и установление на руинах мирового господства»

(Й. Геббельс, 1936 г.).

«Самая большая и самая зловещая антихристианская сила – коммунизм – менее всего носит масонский характер»

(Н.А. Бердяев, 1926 г.).

«Необходимо указать на полную, безусловную и абсолютную несовместимость революционного духа с духом масонствующей мелкой буржуазии – этого орудия крупной буржуазии»

(Л.Д. Троцкий, 1922 г.).

«Масонство – это одна из форм прислужничества мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции перед крупным капиталом»

(Постановление Четвертого конгресса Коминтерна, 1922 г.).

«В XIX веке франкмасонство... превратилось в ассоциацию "свободомыслящих" буржуа, борющуюся с клерикализмом и церковью, но враждебную пролетарскому атеистическому движению»

(Малая Советская Энциклопедия, 1931 г.).

«Для либерально-консервативной идеологии масонства типичны определенные формы протеста против общественной несправедливости, религиозной нетерпимости и одновременно аполитичность, проповедь покорности властям. Общественной борьбе как средству

общественных преобразований масонство противопоставляет нравственно-религиозное самосовершенствование человека, общественному равенству – взаимопомощь, любовь между членами лож»
(*Философская Энциклопедия, 1964 г.*).

«С масонством были связаны как реакционные, так и прогрессивные общественные движения»
(*Советский Энциклопедический Словарь, 1977 г.*).

«Масонство – орудие вельможной знати, затем либеральной буржуазии, выступавшей против революционного движения в России. <...> Выполняя лишь роль одного из подсобных инструментов эксплуататорских классов, стремившихся к увековечиванию своей гегемонии... оно не внесло самостоятельного вклада ни в область политики, ни в сферу общественной мысли»
(*О.Ф. Соловьев, современный отечественный историк, 1993 г.*).

«Нет необходимости ни преувеличивать, ни затушевывать значимость свершений "вольных каменщиков" на магистралях цивилизации. Запад добился немало благодаря содействию масонства. Напротив, страны, где оно запрещалось или преследовалось, несли значительные потери, даже поражения, будь то на поле брани или при мирном сопоставлении социальных систем и ценностей»
(*Он же, 1998 г.*).

Что и говорить, спектр мнений о масонстве достаточно широк, настолько широк, что даже один и тот же автор демонстрирует совершенно разные взгляды с разрывом в пять лет. Масонство – братство, стремящееся ко всеобщему счастью человечества; еретическая секта; сообщество, ставящее целью установление всемирного еврейского владычества; отряд мировой буржуазии; учение, подготовившее большевизм; революционная организация; союз проповедующих покорность властям и т.д. и т.п. Уже такой разброд в умах заставляет стороннего наблюдателя, не примыкающего ни к Ордену вольных каменщиков, ни к единомышленникам митрополита Иоанна, не разделяющего – вот так, с ходу, без размышлений – взглядов ни на большевиков как на орудие масонов, ни на масонов как на инструмент «мировой закулисы»; так вот, этот разброд подталкивает одного стороннего наблюдателя к тому, чтобы разобраться: что есть масонство, разобраться основательно и беспристрастно.

Есть еще один повод для этого. Любой человек, в том числе и историк-исследователь, желающий прояснить для себя какую-либо проблему, прекрасно понимает, что это желание не возникает ни с того ни с сего. Побудительной причиной может, конечно, стать простое любопытство, но, как правило, *мы задаем прошлому вопросы, сформулированные настоящим*. Долгое время тема масонства в нашей стране замалчивалась. Не то чтобы она была запрещена, но говорить об этом вслух – как и о многом другом, скажем, о национальных проблемах или тоталитаризме, – было не принято в нашем общест-

ве. Так сказать, «есть мнение, что не рекомендуется муссировать эту тему». Сегодня запреты сняты, что, впрочем, само по себе еще не объясняет того, что указанная масонская тема стала столь животрепещущей. Беды, подлинные и мнимые (но от этого не менее переживаемые), обрушившиеся на Россию, крушение привычного уклада жизни, вошедших в плоть и кровь представлений – все это заставляет задавать извечный российский вопрос: «Кто виноват?» Один из вариантов ответа – масоны (почему именно они – тема дальнейших рассуждений). В числе таких масонов-виновников упоминавшийся выше доктор экономических наук и одновременно ревностный монархист О.А. Платонов видит Горбачева и Ельцина, Буша и Сороса, Примакова и Старовойтову. По его (и не только его) мнению, масоны окружают нас, и уже из-за одного этого надо посмотреть, что же все-таки есть масонство, взглянуть, как советовал еще Тацит, «без гнева и пристрастия».

Немного методологии

Исследование любого исторического и – шире – гуманитарного феномена сразу наталкивается на трудности. Что мы изучаем: реальность или представления об этой реальности? С одной стороны, разделить эти две сферы невозможно и не нужно – ведь представления есть часть самой реальности. С другой стороны, можно и даже необходимо, ибо действительность и ее образ изучаются разными методами. В первом случае мы обязаны включить в

рассмотрение только однозначно установленные факты, с огромной осторожностью подойти к сведениям, не подтвержденным четко и недвусмысленно, отвергнуть заблуждения, пусть и добросовестные, категорически исключить прямую ложь. Но для описания образа мы должны принять во внимание и бесспорную истину, и фантазии, и откровенную клевету, если все это повлияло на формирование соответствующих представлений.

Так (возьмем пример из области, близкой к нашей теме, но не вполне совпадающей с ней), чтобы выявить истинность или ложность известных «Протоколов сионских мудрецов», мы должны провести тщательный источниковедческий анализ этого документа, определить время и место его появления, выяснить особенности этого текста, совпадения или несовпадения с иными текстами и многое иное, после чего заявить: это подделка (с чем, впрочем, и ныне не все согласны, но по причинам внеучным). Если же мы изучаем влияние «Протоколов» на антисемитскую доктрину, то эти писания якобы «сионских мудрецов» есть данность, занимающая свое место в оной доктрине, независимо от их истинности или ложности.

Так и масонство мы будем рассматривать в двух ипостасях – «поэзии» и «правды», в терминах Гёте, пусть «правда» будет далеко не так увлекательна, как «поэзия», пусть «поэзия» будет далеко не всегда правдива.

Начнем с истории масонства, причем истории не легендарной (хотя игнорировать масонские легенды мы не будем, ибо они входят в самую суть ма-

сонского учения), а документально установленной, с истории и даже предыстории.

Предыстория масонства: мастера-строители

Слово «масон» (англ. mason, фр. maçon) значит «каменщик». Фактическая (не легендарная) предыстория масонства начинается во второй половине XI века – в первой половине XII века. Именно в те времена в Западной Европе формируются ремесленные цеховые организации, содружества представителей одной профессии – оружейников, ювелиров, ткачей, пекарей и пр., а также врачей, актеров и многих других (по мнению большинства исследователей, цехи впервые появились в Италии в конце X века; письменная фиксация уставов цехов, их прав и обязанностей началась в XIII веке). Цех – это корпорация представителей одной профессии в пределах одного города. Такая корпорация включает в себя сочленов трех разрядов: ученик, обучавшийся ремеслу за плату; подмастерье, уже овладевший ремеслом и получающий за свой труд деньги от хозяина; мастер, владеющий собственной мастерской. Отношения между мастером и подмастерьем (и учеником) строились на патриархальных принципах, а не как связи работодателя и наемного работника. Цех охватывал не только производственную, но и всю жизнь средневекового ремесленника. Он являлся самоуправляющейся структурой с выборным руководством, причем, как правило, полноправными членами цеха были только мастера.

Цех регламентировал производство: вид и качество изделий, цены на них, продолжительность рабочего времени, число учеников и подмастерьев у мастера. Но точно так же цеховые уставы регламентировали и то, что мы ныне называем частной жизнью (частной жизни в современном понимании в Средние века вообще не существовало): например, мастер мог быть исключен из цеха за позорящие его действия или даже за слухи о таковых; цех следил за тем, чтобы супруги мастеров были честными и добродетельными женщинами; уставы устанавливали порядок проведения цеховых пирушек, допустимые одежды подмастерьев, самих мастеров и их жен. Во многих городах-коммунах городское самоуправление формировалось из представителей цехов, по цехам организовывалось городское ополчение, члены цехов должны были нести службу ночной стражи и т.п.

Религиозная жизнь в средневековых городах также протекала во многом в рамках цеха. Цехи были тесно связаны с религиозными братствами, группами почитателей святого покровителя той или иной профессии (небесный патрон ремесла – обычное явление в Средние века: св. Элигий покровительствовал ювелирам во Франции, св. Дунстан Кентерберийский – кузнецам в Англии, св. Мария Магдалина – представительницам древнейшей профессии во многих землях Европы). Эти братства заботились о достойном погребении своих сочленов, о заупокойных службах, о помощи вдовам, сиротам, иногда разорившимся мастерам (в ряде случаев это делало цеховое руководство), устраивали

процессии, празднества, театральные представления в день своего святого и т.п.

Цех являлся также хранителем секретов ремесла. Как правило, сведения передавались изустно, до нас дошло очень немного рецептурных сборников¹, и дело здесь не только – и даже не столько – в относительно малом распространении грамотности. С древнейших времен, задолго до Средневековья, профессиональное мастерство было тесно связано с магией. Образ первого или одного из первых профессионалов в истории человечества – кузнеца – окутан легендами. Дошедшие до нас ремесленные рецепты наполнены упоминаниями о самых разных магических ингредиентах, вроде пепла василиска, крови дракона или мочи рыжего человека; сами эти рецепты включали в себя нечто вроде заклинаний либо (как показывают современные исследователи, в том числе автор настоящих строк) были построены по законам мифа. В германских языках слова, значащие «мастерство», «умение», «искусность» (древнеангл. *craeft*, древневерхне-нем. *Kraft*, древнесканд. *kraft* и др.), имеют и другой смысл – «сила», «мощь». В Средние века на эту архаическую магию накладывались христианские представления. Познания, в том числе ремесленные, есть дар Божий, переданный Господом Адаму, а от него – всем людям, как утверждал монах, художник и ювелир Теофил Пресвитер, живший на рубеже XI и XII веков. Знание, умение есть то, что

¹ В средневековой практике *рецепты* – это технологические указания или, говоря современным языком, инструкции по эксплуатации.

дает человеку власть над природой, а потому никак не может быть открыто всем, иначе оно рискует попасть в плохие руки. Поэт и натурфилософ Марбод Реннский, современник Теофила, составил поэму «О камнях», где описал, среди прочего, и магические свойства различных минералов. Во введении к поэме он заявляет:

Я изложение мое писал для себя и для близких –
Ибо величие тайн умалется дальней оглаской;
Став уделом толпы, становится важное пошлым,
Самое большее – трем друзьям я дарю эту книгу;
Три – святое число, а я ведь пишу о священном
И обращаюсь лишь к тем, кто к таинствам Божьим допущен,
Строгие нравы хранит и праведной жизнью известен.

(Пер. М.Л. Гаспарова)

Анонимный автор созданного в X веке (существует расширенный вариант XII века) рецептурного сборника «*Marrae Clavicula*» («Ключик к живописи»), посвященного различным составам красок, золочению, обработке стекла и т.п., пишет: «Я клянусь всемогущим Богом, который открыл мне эти вещи, не передавать этой книги никому, кроме моего сына, когда он впервые оценит свой характер и решит, обладает ли он благочестием и разумением и сможет ли он хранить тайну». Тайна, конечно же, должна быть скрыта от людей дурных (именно это, среди прочего, есть причина постоянных требований благонравия для членов цеха), а особенно от еретиков и неверных. «Прячь священный секрет, – утверждает автор «Ключика к живописи», – ибо ты

не должен передавать его никому и не давать ни одному пророку» (пророк, в средневековом словоупотреблении, проповедник лжеучений, ибо после Христа уже не может быть истинных пророков).

Таковы обычаи средневековых цехов вообще, а цехи каменщиков-строителей обладали определенными особенностями. В конце X века в Западной Европе началось мощное движение за религиозное обновление – так называемая Ключийская реформа, сопровождавшаяся значительным подъемом религиозности, и земля «стала облачаться в белые ризы церквей», как писал хронист XI века Рауль Глабер. Эти «белые ризы» суть храмы из белого камня. Именно тогда возникают первые строительные артели, сначала из монахов-рабочих, а по меньшей мере с XII века – из мирян. В том же XII веке, насколько можно судить по косвенным данным, они получают цеховую организацию (но первые цеховые уставы строителей дошли до нас от XIV века), обладающую особыми чертами, – эти артели не были закреплены за определенным местом, они странствовали от монастыря к монастырю, от города к городу. Во время строительства рабочие жили и работали – ведь в число каменщиков входили не только собственно строители, но и скульпторы и камнерезы, создававшие декор храмов, – в специально построенных бараках – «ложах» (фр. *loge*, англ. *lodge*, что первоначально означало «домик, избушка»). В XIV веке, когда началось строительство светских зданий, прежде всего ратуш, из камня, когда организацию возведения храмов взяли на себя во многих местах светские власти, цехи и торго-

вые гильдии, артели становятся оседлыми, в большинстве случаев цеховыми корпорациями, но их мастерские по-прежнему продолжают называться «ложами». В этих ложах живут холостые подмастерья, а в XV веке название «ложа» переносится на саму артель. В городах строители-ремесленники добиваются особых привилегий: в частности, они освобождаются от обязанности нести службу ночной стражи, от некоторых налогов и сборов и потому еще в XIV веке получают наименование «свободные каменщики» (фр. franc maçons, англ. free mason), франкмасоны. Впрочем, еще в XIX веке была выдвинута гипотеза о том, что указанное объяснение есть ложная этимология. В начале XIII века мастера-строители высших категорий именовались по-латыни *sculptores lapidum liberorum*, по-английски *freestone's masons*, то есть «каменотесы свободных камней». («свободными камнями» называли относительно мягкие каменные породы вроде мрамора или известняка, употреблявшиеся для тонких барельефных работ). Сокращение длинного термина «*freestone's masons*» и дало «*free masons*».

Сами свободные каменщики, впрочем, иначе объясняли свое название. Еще в римской Античности слово «*ars*», ныне переводимое как «искусство» и давшее начало именно этому слову в современных европейских языках (например, англ. и фр. *art*), означало некое умение вообще и противопоставлялось знанию, науке, а не, как мы бы сказали ныне, «холодному ремеслу». Не позднее II века н.э. появилось разделение на «свободные» (*liberales*) искусства и «служебные» (*vulgares*), с V века н.э. именовав-

шиеся «механическими» (*mechanicae*). Первые: риторика, диалектика (то есть логика), грамматика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка (как учение о гармонии) – требовали активности разума; вторые: живопись, скульптура, архитектура, музыка (как исполнительство), кузнечное дело, сапожное ремесло и многое, многое другое – деятельности рук. Первые на протяжении всего Средневековья считались социально более возвышенными, чем вторые, – представители «свободных искусств» смотрели на «механиков» свысока. «Архитектурное искусство (*ars aedificatoria*) есть механика геометрии и не есть часть философии», – настаивает знаменитый естествоиспытатель и философ XIII века Роджер Бэкон. Но сами «механики» полагали иначе.

Следует отметить, что строительные ложи отличались от обычных цеховых мастерских. В последних единственным полноправным мастером, обладавшим всеми тайнами ремесла, был владделец мастерской; в ложах же было несколько мастеров разного ранга. За работой следили надзиратели (лат. *magardiani*, англ. *wardens*), общее руководство осуществляли мастера (магистры) каменщиков (лат. *magistri caementariorum*, староангл. *maistyrz masonnes*), которые сами руками не работали, но труд их ценился (в том числе и в буквальном смысле – по заработкам) выше других.

Доминиканец Никола де Биар в XIII веке заявлял: «Примечай: в оных больших зданиях обычно бывает один главный мастер (*magister principalis*), который только устанавливает для иных порядок сло-

вом, но редко или никогда прилагает руку, тем не менее получает большее вознаграждение, чем прочие. <...> Он держит в руках линейку и говорит другим: "Вот здесь мне обтеши", а сам не прилагает никакого труда». Руководство строительными работами требовало определенной суммы познаний, и обладавшие таковыми объявляли себя уже не архитекторами, а геометрами, то есть представителями свободных искусств. В надгробных надписях известных архитекторов присутствует слово «доктор», которое в XIII веке уже утратило первоначальный смысл – «учитель» – и стало обозначать ученого. В конце XIV века французский зодчий Жан Миньо провозглашал: «*Ars sine scientia nihil est*» («Искусство без науки ничто»).

Наука эта, впрочем, имеет свои особенности. Здесь есть и секреты мастерства, как и полагается ревностно хранимые. В 1469 году мастера-каменщики из Южной Германии съехались в Регенсбурге, где, среди прочего, постановили: «Ни один мастеровой, мастер, подрядчик, подмастерье – никто, как бы он ни именовался, не должен обучать умению извлекать ортогональ из плана того, кто не принадлежит к нашему ремеслу и не занимается нашей работой». По ряду косвенных свидетельств можно считать, что обязательное во всех цехах испытание подмастерьев, желавших приобрести звание мастера, происходило у каменщиков – по понятным причинам не путем создания изделия, во всем соответствующего принятым в цехе образцам (фр. *chef d'œuvre* – букв. «главное изделие», отсюда наше слово «шедевр»), но в форме вопросов-ответов, и

это испытание следовало проводить втайне, дабы посторонние не выведали секретов ремесла.

Считается, и не без оснований, что основной наукой для средневековых архитекторов была геометрия. Применение геометрии имело, конечно, и практические основания. Так, известный французский архитектор XIII века Виллар де Оннекур в основу своих чертежей кладет определенные геометрические принципы; выше мы уже упоминали о применении ортогональной проекции. Но все же главное в средневековой геометрии – в другом. Да, в основе строительных конструкций лежали квадрат, прямоугольный и равнобедренный треугольники. Но эти фигуры, известные из писаний не столько Евклида, сколько Платона, понимались скорее как принципы организации бытия, а не как основа для расчетов. Платоновская геометрия – мистическая, а не практическая наука, повествующая о мироздании, а не о здании. Она помогала мастерам осмысливать собор как модель Космоса, но строили они, вопреки общераспространенному мнению, скорее на глазок; отсюда столь нередкие разрушения соборов.

Философские знания в Средние века считались уделом сословия, претендовавшего на исключительное право творить и хранить знания, то есть духовенства. Упомянутый Роджер Бэкон писал: «Всем должно быть известно, что все, находящееся в пользовании мирян, является механикой в сравнении с философией». Но как раз строители-масоны были более, нежели иные цехи, связаны с Церковью. Первые строительные артели, как мы помним, состояли из монахов, но и позднее ложи ка-

менщиков-мирян находились во время строительных работ под руководством специальных уполномоченных от тех или иных монастырей либо капитулов соборов, которые они строили, достраивали или перестраивали (об этом, например, говорится в уставе артели, работавшей в конце XIV века на строительстве собора св. Петра в Йорке). Так что знания свободных каменщиков — это и ремесленные приемы, и богословские принципы, и даже некоторые основы мистической философии. И именно в церковных, но связанных со строителями кругах родились строительные легенды, сыгравшие весьма большую роль в мифологии собственно масонства.

Предыстория масонства: строительные легенды

Уже в XII веке не только (и даже не столько) в ремесленных кругах распространяются представления о Боге как строителе мира, верховном мастере-архитекторе (*summus artifex*) мироздания. До нас дошло немало миниатюр, где Господь изображался с циркулем либо мастерком, строителем Вселенной в буквальном смысле. Поэт и теолог конца XII века Алан Лилльский витийствовал: «Как отменный архитектор мироздания, как златокузнец дивной златокузницы, как дельный издельщик изумительного изделия, как трудотворец великолепного труда... воздвиг Господь дивный образ мирового чертога» (пер. М.Л. Гаспарова). Ранее, в начале того же XII века, другой теолог, Гонорий Августодунский, так восхвалял «механику» (то есть не только строитель-

ное искусство): «Она воздвигла башню Немврода, она же построила храм Соломона. Она же соорудила Ноев ковчег и какие ни на есть стены в мире». Трудно сказать, есть ли здесь зародыш будущей легенды о строительстве Соломонова храма либо Гонорий лишь намекает на известные и вне строительной среды предания, например отсутствующую в Писании, но весьма популярную в Средние века легенду о царе Вавилонском Немвроде – он же Нимрод, «сильный зверолов перед Господом» (Быт., 10, 9) – как строителе Вавилонской башни. Первая известная нам масонская легенда возникла в Англии. Там сложилась анонимная латинская поэма, два дошедших до нас списка которой датируются рубежом XIV–XV веков. В этой поэме рассказывается о том, как Немврод строил Вавилонскую башню, о том, что семь свободных искусств впервые познал праотец Авраам и он научил этим искусствам и особо геометрии и основанной на ней архитектуре Евклида (sic!), каковой передал сии познания египтянам, а от тех через Моисея они перешли к евреям, и при строительстве Соломонова храма вся древняя мудрость была начертана на двух колоннах этого храма, но никто не мог прочесть эти писания, пока не проделали сие Пифагор и Гермес, и от них-то и прознали немногие мудрые, пока один из сих мудрых, обратившийся ко Христу святой Альбан, не перенес эти знания в Англию, где претерпел мученичество, но до этого успел написать первый устав свободных каменщиков, а обнародовали и поддерживали тот устав король Ательстан и сын его Эдвин, каковые созвали в Йорке всех мастеров, а также лордов и ше-

рифов и учредили там союз *liberorum latomorum* (лат. свободные каменщики).

Но и эти легенды не являются чем-то специфически исключительным для строительного дела. Перед нами пока что обычная для Средневековья апология ремесла, в которой полагалось возводить восхваляемый вид деятельности к древнейшим временам, повествовать об особых знаниях у адептов этой деятельности и т.п. Теофил Пресвитер, как мы упоминали, вообще все ремесленные познания возводил к праотцу Адаму, каковой получил их непосредственно от Бога и, «хотя и потерял он привилегию бессмертия, будучи жалким образом обманут дьявольским коварством, однако передал последующим поколениям особое отличие свое – знание и разумение, так что уделяющий заботу и внимание работе может получить как бы по наследственному праву способности ко множеству разных ремесел и дел».

Что касается собственно строительных преданий, то они связаны с так называемыми хирамическими либо адонирамическими легендами. В соответствии с ними, когда царь Соломон задумал строить Иерусалимский храм, он поставил во главе строителей зодчего Хирама (согласно Писанию — 3 Цар., 7, 14 — Хирам был медником и не столько возводил, сколько украшал храм) либо «начальника над податями» Адонирама (это соответствует Библии — 3 Цар., 4, 6; 5, 14). Хирам (или Адонирам) собрал 30 тысяч человек и разделил их на три разряда — мастеров, подмастерьев и учеников; каждый из них обладал особыми знаниями, увеличивавшимися по мере повыше-

ния разряда, и тайными знаками, позволявшими сразу признавать своих. Трое подмастерьев подкараулили Хирама (опять же вариант – Адонирама) и попытались выведать у него тайный знак мастера, но зодчий отказался сделать это и был убит. Этот-то тайный знак и хранят настоящие масоны. Трудно сказать, насколько древней является эта легенда: упоминания о Хираме как строителе Иерусалимского храма бытовали в Средневековье, но сама легенда дошла до нас в текстах начала XVIII века, созданных уже собственно масонами.

Предыстория масонства: новые строительные ложи

Упадок и распад цехов, в том числе строительных, начался еще в XVI веке (в Италии даже ранее). Ремесленное производство, где основную роль играли свободные мастера, начало сменяться мануфактурным, находившимся в руках банкиров. Помимо того, в цехи проникают люди, собственно ремеслом не занимавшиеся. Это объясняется тем, что во многих городах-коммунах, достаточно независимых от центральной власти (подобно вольным имперским городам Германии) либо полностью самостоятельных (как городские республики в Италии), полноправным гражданином мог быть только член цеха, посему к цехам приписывались представители разных профессий. Во Флоренции, например, в цех врачей и аптекарей (*medici e speciali*) входили лица так называемых «свободных профессий», то есть,

говоря современным языком, интеллигенция. Данте, Микеланджело и иные титаны Возрождения состояли в этом цехе.

Англия и Шотландия (в 1603 году они вступили в так называемую личную унию, то есть престолы обеих держав занимал один и тот же монарх; в 1707 году объединились в единое государство Великобритании), то есть те страны, где и возникло позднейшее собственно масонство, имели – в том, что относится к истории строительных организаций, – свои особенности. К сожалению, от XVI–XVII веков до нас дошло не очень много документов, да и те в большинстве из Шотландии, но все же историю строительного дела можно проследить.

Еще в XV веке среди цехов выделяется особая группа так называемых «ливрейных гильдий», чьи члены носили особые парадные ливреи, подобно входившим в свиты знатных лордов. Они составляли городскую аристократию и пользовались исключительным правом участия в выборах в парламент и муниципальные советы. Почетные привилегии «ливрейщиков» привлекали в их ряды и посторонних. Так, городской совет Экзетера в 1466 году направил королю жалобу на то, что местный «ливрейный» цех портных за крупные взносы в цеховую кассу принимал в свои ряды людей, не только не занимавшихся портняжным ремеслом, но и вообще не живших в Экзетере. В 1481 году король Эдуард IV своим указом включил в число «ливрейных» корпорацию лондонских каменщиков.

Помимо того, в Англии и Шотландии, как и во всей Западной Европе, в период сложения абсолю-

тизма государственная власть стремилась поставить под свой контроль либо даже под прямое управление независимые корпорации. В Шотландском королевстве, например, с 1583 года верховный надзиратель каменщиков назначался короной, равно как и надзиратели и судьи каменщиков в округах королевства, причем подбирались они монархом из придворной либо местной знати, и именно эти надзиратели издавали уставы строительных братств. Впрочем, внутри лож-артелей в городах (но не в стране в целом) жизнь текла по-прежнему: избирались старейшины цехов, проводились цеховые празднества (в Шотландии 27 декабря, в день св. Иоанна Богослова, считавшегося покровителем каменщиков), принимались новые ученики и подмастерья, продолжали вступать в цехи новые мастера. Новопринимаемые должны были пройти испытания, ответив на вопросы, им зачитывали устав цеха, и они приносили клятву хранить секреты мастерства, после чего им сообщались тайные знания и знаки, по которым любой мастер-каменщик смог бы узнать своих собратьев, вручались почетные знаки — предметы ремесла (фартук, перчатки, иногда циркуль и наугольник), и все заканчивалось банкетом, который новопринятый за свой счет давал собратьям по ремеслу.

Перемены, и немалые, в жизнь лож внесла Реформация. Выше говорилось о том, что цехи были тесно связаны с религиозными братствами, группировавшимися вокруг святых покровителей профессий. Эти братства и совпадали, и не вполне совпадали с цехами. Так, в конце XV века в Лондо-

не существовал «Святой цех и братство каменщиков». Но в большинстве случаев, хотя цехи и братства состояли из одних и тех же людей, они могли иметь разных руководителей; помимо этого, в братство – как организацию религиозную – могли вступать и не члены цеха (это случалось, впрочем, крайне редко), да и для вступления в братство не требовалось проходить сложных цеховых процедур. Братствам нанесла удар именно Реформация. В Англии в 1529–1536 годах образовалась государственная Англиканская Церковь, Шотландия в 1559 году приняла пресвитерианство. Общим для них, равно как и для протестантства в целом, было категорическое отрицание культа святых. В Англии в 1547 году этот культ был полностью запрещен, уничтожены все часовни, посвященные тому или иному святому, а также запрещены братства, в том числе ремесленные. В Шотландии столь жестких запретов не было, но и там, ввиду полного неприятия культа святых, братства распались.

Однако именно в Англии возникают особые сообщества, также связанные с цехом каменщиков. Имя этим организациям – логи. Как мы помним, логжами назывались помещения артелей мастеров, затем – сами артели. Когда появились логи-организации, заменившие братства, неизвестно, но из ряда документов XVII века явствует, что около 1620 года в Лондоне существовало Почетное общество свободных каменщиков, около 1680 года в графстве Стаффордшир – Общество свободных каменщиков, и эти общества не совпадали с существовавшими там же и тогда же гильдиями строителей. Эти общества еще

не являлись теми религиозно-философскими организациями более или менее тайного толка, каковыми стали позднейшие масонские ложи; они, как и гильдии строителей, занимались профессиональными проблемами, и последнее упоминание о таких, в данном случае об ассигновании средств на профессиональное обучение, относится к ложе города Олнуика в Северной Англии и датировано 1757 годом, когда уже повсюду развивалось собственно масонство.

В чем же состояли суть и смысл этих новых лож? Во-первых, как мы поясняли, прежние братства, да и цехи как таковые, были не просто религиозными либо профессиональными организациями, но также и обществами взаимопомощи и местами социального общения. В цехе, в братстве, в ложе человек находился среди своих, здесь была его семья, его близкие, равные ему. Слово «братство» не зря давалось подобным общинам, да и цеховые мастера обращались друг к другу «брат». Общение могло происходить и в церкви при поклонении своему святому патрону, и во время празднеств, и просто за дружеской пирушкой, которая входила в ритуал цехов.

Новые ложи унаследовали некоторые черты этих братств. Религиозная сторона их была явно запрещена, хотя в реальности она, скорее, модифицировалась, но социальная суть — от взаимопомощи до застолья — сохранялась. Кстати сказать, некоторые ложи носили названия тех трактиров, в которых они собирались, — «Виноградная кисть», «Яблоко» и др. Кроме того, сохранялись и строительные традиции, и посему не удивительно, что в числе членов Лон-

донской ложи в конце XVII века был знаменитый архитектор, строитель собора св. Павла в Лондоне Кристофер Рен.

Однако это не объясняет массового притока в ложи людей, не имевших отношения к строительному делу, «не державших в руках кирки», как говорилось тогда. Через обряды вступления, повторявшие старые цеховые ритуалы, сопровождавшие присвоение званий учеников, подмастерьев и мастеров, завершавшиеся вручением перчаток и фартуков, проходили лица самого разного социального происхождения и положения. Мы говорили, что еще в XVI веке в Шотландии строительные организации возглавлялись людьми весьма высокопоставленными, притом они были не только начальниками, но и сочленами, то есть непереходимой границы между высшей аристократией и простонародьем, во всяком случае горожанами, не существовало. Это вообще особенность Британских островов, ибо невозможно себе представить, чтобы, например, король Людовик XIV назначил капитана своих мушкетеров шевалье д'Артаньяна на пост надзирателя цеха бакалейщиков, в который входил давний друг и бывший слуга нашего мушкетера добрый Планше, равно как невозможно вообразить, чтобы д'Артаньян на это согласился. Но английская и шотландская знать входила в ложи и не по назначению. В документе от 3 июля 1650 года (самое раннее упоминание) значится, что на заседании ложи каменщиков в Эдинбурге присутствовал в качестве сочлена (не руководителя) Джон Босуэлл, лорд Оучинлак. Доля тех, кто не имел отношения к ремеслу каменщиков, в разных ложах была различ-

ной. Например, в 1670 году ложа в Глазго состояла из одних только строителей, но в том же году в Абердине в ложе, состоящей из 49 членов, лишь 12 были профессионалы, а остальные – дворяне (правда, не лорды), протестантские пасторы, коммерсанты, адвокаты, преподаватели. В списке «Древнего и почтенного общества свободных каменщиков города Йорка» за 1705–1706 годы значатся как сочлены виконты и бароны. Нам известно, что членом Эдинбургской ложи был Джордж Монк, генерал армии Кромвеля, восстановитель монархии Стюартов, с 1660 года – герцог Олбермелский, вице-король Шотландии и Ирландии.

Что влекло в ложи людей среднего сословия, понять можно. Сидеть за одним столом с герцогом и именовать его «братом» более чем престижно (хотя, разумеется, только тщеславием людей, не принадлежавших к знати, не все объясняется). Но почему туда стремилась аристократия?

Как уже отмечалось выше, в Англии и – в определенной мере – в Шотландии грань между благородными и рядовыми свободными (но не зависимыми крестьянами, разумеется) была довольно зыбкой, не то что на континенте. Не только лорды, но и простые рыцари и свободные крестьяне-йомены еще с XI века приносили вассальную присягу непосредственно монарху. Помимо того, существенную роль играли особенности политического устройства Англии и Шотландии. В Англии с 1265 года, в Шотландии – с первой половины XIV века существовали парламенты, игравшие немалую роль в жизни этих государств, хотя до середины

XVII – начала XVIII века говорить о парламентском строе еще не приходится. Но все же целый ряд важнейших законов, и в первую очередь финансовых, принимался в парламентах (ни в Англии, ни в Шотландии не знали постоянных налогов, и каждый раз при необходимости монарх вынужден был созывать парламент, чтобы добиться его согласия на эти сборы). Парламент и здесь и там состоял из двух палат. Члены первой из них – палаты лордов – заседали там либо по праву рождения, получая это право по наследству вместе с титулом (лордами могли быть только главы титулованных семейств), либо по должности – высшие судьи и духовные лица, а также (единственный, исключительный, но вместе с тем весьма характерный для Англии феномен) глава столичного муниципалитета, лорд-мэр Лондона, лицо нетитулованное, даже не дворянин, но в течение двух лет, пока он занимал, избранный городским советом, этот пост, пользовавшийся всеми правами лорда. Члены нижней палаты – палаты общин – избирались свободными людьми, имевшими определенный доход, от городского и сельского населения. Так вот, участие хотя и не всего английского общества, но его активной и состоятельной части в управлении государством еще в Средние века наложило отпечаток на общественную и политическую жизнь страны.

Государственные перевороты: свержение главных королевских советников (о правильных формах отставки до конца XVII века не было и речи, и считалось, что опальные сановники кончали жизнь хорошо, если оказывались в изгнании, а не на плахе – последнее

случалось чаще), низложение монархов (такова была судьба Эдуарда II, Ричарда II, Генриха VI, Эдуарда V, не говоря уже о казненном революцией Карле I) – все это свершалось в Англии чаще, чем на континенте, но в отличие от остальной Европы никогда не происходило без участия парламента: либо по его инициативе, либо с его последующим одобрением, даже если для этого требовался нажим на депутатов или избирателей. Поэтому то, что мы называем политической жизнью, появилось на острове Великобритания ранее, нежели в иных частях Европы.

Судьбы Англии во второй половине XV века, во время Войны Алой и Белой Розы, решались не только на полях сражений гражданской войны, но и в парламенте. Знаменитый Уорик, «делатель королей», как его называл Шекспир, заявлял с парламентской трибуны, что только сторонники Йорков, партия Белой Розы (он тогда был на их стороне), – истинно национальная партия (кстати сказать, слово «партия» появилось именно тогда, хотя оно означало скорее группу поддержки, а не общественно-политическую организацию), тогда как все Ланкастеры и их сторонники продались французам: ведь супруга короля Генриха VI Ланкастерского – французенка. Во время той же войны влиятельные лорды добивались от мелких рыцарей так называемых «заявлений о поддержке» (но не вассальной присяги верности), в соответствии с которой лорды обещали покровительство мелким землевладельцам, а те, в свою очередь, поддержку, и не только военную, но и на выборах.

В Англии и в меньшей мере в Шотландии высшая аристократия представляла собой не полунезависимых князей, подобно герцогам Бургундским во Франции, графам Фландрским в Нидерландах, курфюрстам Саксонским в Германии и пр., но корпорацию крупных землевладельцев, не имевших ни высших судебных, финансовых или административных прав, ни права иметь собственное войско помимо вооруженной свиты. Так что в борьбе за власть и влияние аристократам требовалась поддержка более или менее самостоятельных слоев неблагородного населения, а последним для тех же целей – покровительство знати. Ложки прекрасно подходили для целей подобного общения, и хотя до XVIII века, до появления собственно масонства, ложки не особенно активно участвовали в политической борьбе, но известно, что во времена Английской революции некоторые из них оказывали поддержку парламенту в борьбе с королем.

И все-таки привлекательность указанных лож социальными и политическими причинами не исчерпывается, да и, как мы увидим ниже, не это выступало в качестве основных принципов позднейшего масонства. Все, что мы говорили до сих пор, относится к так называемому «практическому», или «оперативному», масонству, то есть, попросту говоря, к корпорациям строителей, даже если среди них были почетные члены, сами указанным ремеслом не занимавшиеся. Все же целью «оперативных» масонов было участие в строительстве зданий либо содействие такому строительству. Можно понять, что, искал в масонстве Кристофер Рен, можно догадываться,

что — политическую поддержку — пытался там найти генерал Монк, но зачем в те же годы, в конце XVII века, в подобное братство вступил знаменитый археолог и геральдист, человек близкий ко двору, но не интересовавшийся придворной жизнью, не волнующий строительными проблемами (хотя древние приемы строительства его вроде бы отчасти и занимали как археолога) Элайас Эшмол?

Предыстория масонства: ученые сообщества

Дело в том, что историки масонства и сами масоны выделяют кроме «оперативного» еще «спекулятивное», или «теоретическое», масонство, к каковому нынешние масоны сами себя и относят. Такое разделение появляется в собственно масонских текстах (в тех же текстах, впрочем, к «спекулятивным» масонам относят и царя Соломона, и Хирама, и Пифагора, и Евклида), но многое в идеях «теоретических» масонов появилось в XVI—XVII веках (может быть, этот термин возник уже в указанную эпоху, но доказательств у нас нет).

«Теоретическое» — значит «имеющее отношение к знанию». Семнадцатый век — время научной революции, время появления европейской науки нового времени, современного рационалистического научного мышления. Это правда, но не вся. Мы привыкли к простой схеме: было отсталое, наполненное суевериями Средневековье, когда наука являлась служанкой богословия, а затем явились Возрождение и Просвещение, и воссиял свет подлинно науч-

ного знания. Действительно, Возрождение разрушило традиционную средневековую картину мира, но не поставило на ее место научную. Наука Ренессанса отвергла старые схоластические принципы, но на месте прежней схоластической натурфилософии воздвигла так называемую натуральную магию. Строго говоря, Средневековье тоже не было настроено решительно антимagicески. «Белая», «христианская» магия вполне допускалась в противовес «черной», «дьявольской». Возрождение разрушило границы, сломало перегородки. Во второй половине XV века такие мыслители, как Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, опираясь на платоновское учение, утверждали всеединство мира; магия, точнее – натуральная, то есть природная, магия была для них наукой о воздействии на природу, причем любом воздействии – от научного эксперимента до заклинания. Именно из-за оногo всеединства магические процедуры могли быть продуктивными: воздействие на что-либо одно есть воздействие на весь Космос, включающий Бога, природу, духов, людей, элементы и т.п. Именно в эпоху Ренессанса расцветают алхимия, астрология, разрабатываются учения о духах, каковые суть одновременно и некие природные силы, и надмирные существа. Не вполне ясно, что возможно, а что невозможно: если изобретены книгопечатание, компас, порох, если открыта Америка, то почему нельзя получить золото из свинца либо приручить демонов? Люди Возрождения во все верят и во всем сомневаются. Знаменитый Парацельс в XVI веке доказал, что классическая античная медицина, базировавшаяся на текстах

Гиппократ и Гален, неверна, но его собственное учение о ятрохимии, то есть лечебной химии (греч. *iatros* – «врач»), в чем-то даже более фантастично, чем учения великих греков и римлян.

Возникшая в XVII веке собственно новоевропейская наука – исследовательская практика Галилея и теоретическое обоснование научного метода, предпринятое Фрэнсисом Бэконом, – никак не вытесняет натуральную магию, они продолжают сосуществовать даже и в одном сознании. Фламандский врач и химик Ян Баптист ван Гельмонт, основатель химии газов (он и изобрел термин «газ»), бросил в 1609 году свою богатую клиентуру – он был прославлен как медик по всей Европе – и до самой смерти в 1644 году предавался поискам философского камня.

Отношение к знаниям среди образованных людей XVI–XVII веков было довольно своеобразным. Знания следовало распространять, ими необходимо было обмениваться, но лишь в кругу ученых. Требования «закрытости» знаний были, как мы помним, не чужды и Средним векам. Выше говорилось об обязательности неразглашения цеховых тайн, Католическая Церковь практически до XX века запрещала мирянам читать Писание, ибо воздействие слова Божия на незрелые умы могло привести к ереси. Тем более скрытыми от непосвященных должны были оставаться натуральная магия, алхимия и пр.: вдруг власть над духами или секрет получения золота попадут в руки неумелых или недостойных людей! Начиная с XV века по всей Европе создаются ученые сообщества: Платоновская

Академия во Флоренции и Римская Академия в конце XV века, ученые коллегии Чешских братьев, секты последователей гуситов в XVI веке, разнообразные общества и академии («Общество Лебеда», «Академия Пальмы») в Германии в XVII веке, наконец, задуманное еще в 1640-е годы, но оформившееся лишь в 1682 году Британское королевское общество естествоиспытателей, донныне остающееся одной из авторитетнейших научных организаций в области естественных наук. При этом наука не замыкается в государственных границах, и уже в XVI веке складываются представления о некоей всемирной (в реальности — всезападноевропейской) «республике ученых», пусть и не имеющей формальной организации.

Упомянув слово «республика», мы вторглись в сферу власти. «Знание — сила» — эта формула принадлежит Фрэнсису Бэкону, и она была не просто метафорой. Конец XV века, XVI век, начало XVII века — время перемен во взглядах на власть. В Средние века власть неразрывно связана с носителями этой власти и одновременно есть понятие сакральное. Монарх — помазанник Божий, его функцией является не только и даже не столько управление страной, сколько поддержание мира и справедливости, соблюдение Божьих заповедей. Но уже Людовик XI Французский во второй половине XV века на практике, а его современник и советник Филипп де Коммин и особенно Никколо Макиавелли в XVI веке в теории показали, что мораль никакого отношения к проблеме власти не имеет, что нравственность и рациональность лежат в разных плоскостях.

«Кому выгода — тому и честь», — любил повторять Людовик XI. В Средние века власть, как говорилось, была соразмерна человеку. Крестьянин подвластен своему сеньору, вассал приносит клятву верности сюзерену — во всех этих случаях властные отношения есть отношения межличностные. Феодалы обладают военными, судебными, административными функциями по праву рождения, и король по отношению к ним — лишь первый среди равных. Но именно в XV—XVI веках в Европе начинают складываться абсолютистские государства. Здесь монарх — уже не первый среди своих пэров, но полновластный государь; власть на местах осуществляет не благородный вассал, связанный с ним лишь клятвой верности, обязанный ему только военной поддержкой, а в остальном почти совершенно независимый, но назначенный монархом чиновник, причем власть эта принадлежит ему не по праву рождения, а по королевскому повелению. Чиновник не имеет собственной воли, но творит монаршею, он как бы и не личность, а носитель определенной функции. Власть отделяется от человека, становится чуждой ему. В сущности обладать такой властью может любой, имеющий желание и возможности.

Показателен пример Франции большей части XVII века: монархи — король Людовик XIII, королева-регентша Анна Австрийская — реальной властью не обладают, вся она в руках первых министров — кардиналов Ришелье и Мазарини, но единственным источником этой власти является королевская воля. Еще в XV—XVI веках появляется в Европе такое явление, как фаворитизм: короля окружают не ближние

вассалы или мудрые советники, но люди, по тем или иным причинам близкие ему, подбираемые им по каким угодно качествам, но опять же не по праву рождения (имеется в виду, конечно, политический фаворитизм: любовницы или собутыльники всегда толклись около государя). Короля окружают безродные богачи, ловкие авантюристы, а иногда и талантливые администраторы. На власть, потерявшую человеческое измерение (король не судит более своих подданных под дубом, как, по преданию, делал король Франции Людовик IX Святой, но передоверяет это чиновникам в пыльных судебных мантиях) на такую власть можно оказывать тайное, во всяком случае — неявное, влияние.

Отделение от людей власти, обладающей как бы собственной жизнью, становится предметом осмысления. Уже в XVI веке появляется знаменитая «Утопия», то есть план рационального государственного устройства. Мы привыкли считать, что утопия — нечто принципиально невозможное, но знаменитый Томмазо Кампанелла в конце XVI — начале XVII века совершенно серьезно предполагал воплотить в реальности свой Город Солнца. Во всех вымышленных государствах-утопиях огромную роль играют ученые — им-то там и принадлежит власть. В 1638 году в Англии выходит в свет посмертное произведение Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида». Это описание некоего острова Бензаления, где живет христианский народ, обращенный в истинную веру чудесным способом, без участия миссионеров. Этот народ создал идеальное государство, в котором руководящей силой является Орден Соломонова храма,

возглавляемый Коллегией дней творения, этакая Академия наук, поставившая целью овладение силами природы. В этот Орден входят экспериментаторы – «наблюдатели», систематизаторы – «компиляторы», носители самых разных должностей, а особая группа ученых – «коммерсанты света» – тайно разъезжает по всему миру в поисках знаний. То есть здесь, в Европе, и сейчас, во времена Бэкона, есть некие тайные хранители и собиратели подлинного знания.

Еще большее впечатление на весь европейский – образованный, полуобразованный и стремящийся к образованию – мир произвела появившаяся в 1614 году книга «Fama fraternitas» («Слава братьев»), с подзаголовком «Всеобъемлющая и всемирная реформация человечества».

В книге рассказывалось о будто бы созданном неким Христианом Розенкрейцем (Rozenkreuz) Ордене Розы и Креста (Rose und Kreuz), или Розового Креста (Rosenkreuz), то есть креста, составленного из роз (роза и крест в средневековой символике означали любовь и страдание). Оный Христиан Розенкрейц путешествовал по Востоку, постиг всю мудрость египетских и персидских магов, проник в тайны алхимии (то ли еще до «Славы братьев», то ли позднее – это не установлено – появился написанный тем же автором алхимический трактат «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца») и, возвратившись в Европу, создал тайное братство, существовавшее и в момент выхода в свет книги. Братья обладают неизреченной мудростью, могут становиться невидимыми, мгновенно перемещаться в пространстве и т.п., они слу-

жат человечеству прежде всего тем, что бесплатно лечат больных, занимаются медициной и алхимией, раз в год розенкрейцеры собираются в глубокой тайне, общаются между собой при помощи тайного языка и условных знаков и т.д.

Слухи об этом обществе охватили всю Европу, многие ученейшие люди стремились найти это общество и вступить в него, в разных местах появлялись таинственные манифесты, возвещавшие от имени братьев Розы и Креста грядущее уничтожение папской власти и обращение в христианство мусульман и иудеев. Розенкрейцеров найти не удалось, и тогда стремящиеся ко всеобъемлющей мудрости стали сами создавать общины Розы и Креста – первая была организована в Амстердаме около 1622 года. Ныне можно считать доказанным, что автором обеих названных книг был немецкий протестантский пастор Иоганн Валентин Андрэе, перу которого принадлежали также два трактата – «Описание христианской республики» (1619) и «Христианополис» (1626) – утопии с немалой долей христианской мистики. В христианской республике, описанной им, видную роль играет Академия естественных наук – высший координирующий орган этого государства.

Идеи розенкрейцеров подхватил знаменитый чешский мыслитель и педагог Ян Амос Коменский. Он принадлежал к секте Чешских братьев, покинул страну, спасаясь от преследований по религиозным мотивам во время Тридцатилетней войны, и осел в 1641 году в Англии. Там он разрабатывал учение о некой «всеумудрости», неком «всезнании» – пансо-

фию, которая должна соединить позитивное и мистическое знание. Создание этой пансофии описывалось как строительство Храма Мудрости, воздвигаемого по заветам Бога, именуемого Верховным Строителем. Дабы достичь этого универсального знания, надо пройти семь ступеней мудрости, и прошедшие их образуют «универсальную коллегияу благочестивых и даровитых людей всех стран», ибо двери Храма Мудрости открыты для всех, независимо от происхождения. Эти идеи не остаются только мечтами. В Англии Коменский вместе с археологом Сэмюэлом Хартлибом, немцем по происхождению, работал над созданием «Невидимого Сообщества» ученых — некой сверхэлиты, вооруженной естественнонаучными и оккультными знаниями, стремящейся овладеть умами и через это тайной властью над миром, дабы повести его «путем света» ко всеобщему благоденствию, прекращению распрей, а также к религиозной терпимости.

Итак, к началу XVIII века налицо все элементы будущего масонства: строительные организации, хранящие традиции цеховых секретов и братской взаимопомощи, являющиеся также и чем-то вроде клубов, где встречаются люди самых разных сословий; увлечение тайноведением, а равно и тайной властью, направленной на всеобщее благо; любовь к тайным обрядам и неприятие государственных границ, всеобщность и замкнутость, призывы к терпимости и строительству Храма Духа и знания и многое иное. Элементы, как сказано, налицо, уже происходит их сближение (некоторые розенкрейцеры, например упоминавшийся Элайас Эшмол,

входили в организации «оперативных» масонов). Осталось дожидаться соединения.

Начало масонства: умиротворенная Англия

Двадцать четвертого июня 1717 года, в день Рождества Иоанна Предтечи, в Лондоне, в трактире «Гусь и Противень», собрались четыре масонские ложи: «Гусь и Противень», «Корона», «Яблоко» и «Виноградная кисть» (напомним, названия даны по трактирам, где эти ложи заседали) – и постановили объединиться вокруг единого Великого мастера «как центра единения и гармонии». «В ожидании чести увидеть во главе общества представителя благородного сословия» Великого мастера избрали из своей среды: им стал дворянин Энтони Соьер, его помощниками, великими надзирателями, были избраны капитан Джордж Элиот и столяр Джеймс Лэмбол. Постановили также ежегодно собираться всем вместе для новых выборов и решения общих дел, а раз в три месяца созывать Великую Ложу – собрание всех должностных лиц каждой из лож и сообщества в целом.

Само по себе создание этой ложи прошло в тот момент почти незамеченным – мало ли было тогда в Лондоне клубов и обществ самого экстравагантного свойства. Если журналисты той поры ничего не выдумали (что, увы, свойственно рыцарям пера всех времен и народов), то наличествовали даже некие «Вечно существующее общество» и «Братство метафизических мертвецов». Но что-то, видимо, в этой Вели-

кой Лондонской ложе было особо привлекательным. В 1719 году в ложу вступил (и был тогда же избран Великим мастером) Теофил Дезагюйе, француз по этническим корням, доктор прав и придворный пастор (протестантский, разумеется) наследника престола; в 1721 году ложу возглавил «представитель благородного сословия» герцог Монтэгю. В том же году к масонам примкнули член Королевского общества естествоиспытателей доктор Стакли и другой член того же общества, скрывшийся под псевдонимом Филалет. Последнее весьма примечательно, ибо Филалет (греч. любящий истину) – псевдоним, популярный среди алхимиков. Упомянутый Филалет, судя по всему не чуждый физическим и химическим исследованиям, написал в 1722 году предисловие к одному алхимическому трактату, где высказал любопытные мысли о масонстве (об этом чуть ниже). Итак, между 1717 и 1721 годами среди масонов появились и герцоги, и придворные, и ученые, и алхимики.

Такое тяготение к новосозданному и вместе с тем старинному обществу проясняет для нас «Книга конституций» (обычно называемая просто Конституция Андерсона), в 1721 году составленная протестантским пастором Джеймсом Андерсоном и в 1723 году обнародованная как официальное «руководство для Лондонской ложи и братьев, живущих в Лондоне и его окрестностях». В этой Конституции, во всяком случае в первой ее части («Обязанности франкмасона»), еще не было позднейшей символики, тайноведения и пр.

Первый параграф гласил: «Масон, если он хорошо уразумел свое искусство, подчиняется законам

морали и не может стать ни тупоумным богоотступником, ни нечестивым вольнодумцем. Ежели в старые времена масоны были обязаны придерживаться в каждой стране религии этой земли или этого народа, каковы бы они ни были, то ныне человек свободно выбирает свою веру, и обязательна для всех единственно та всеобщая религия, с которой все согласны и которая обязывает нас быть добрыми, верными долгу, честными и совестливыми, исполненными чистосердечия, каким бы именем ни называлось наше вероисповедание и какие бы догматы ни отличали нас. Верность сим началам превратит масонство в объединяющий центр, поможет связать узами искренней дружбы людей, доселе бывших друг другу чужими». Об этом же пишет и Филалет: «Что бы ни говорили о нас язычники и атеисты, мы остаемся голосом всех верующих христиан; в основу нашей религии положен закон природы, который есть в то же время Божий закон — именно заповедь “Возлюби Бога своего всем сердцем и ближнего твоего как самого себя”, известная людям во все времена и подтвержденная для нас Господом Иисусом Христом».

Религиозные и национальные распри должны быть исключены из лож: «Никакая частная ненависть или препирательства не должны вноситься в дверь ложи, а еще того менее препирательства о религии или о народах... Как масоны, мы исповедуем только упоминавшуюся всеобщую религию и принадлежим ко всяким народам, наречиям и языкам, объявляя себя врагом всякой политической распри» (Конституция Андерсона).

О политических взглядах масонства говорится во втором параграфе Конституции: «Масон есть мирный подданный гражданской власти, где бы он ни жил или работал; он не должен быть замешан в крамоле и заговоре против мира и благоденствия народа и никогда не должен преступать обязанностей относительно высших властей». Этой мысли вторит Филалет: «Наша политика есть лучшая из политик — лояльность перед законом и подражание Христу, который не разрушал никакого правительства и признавал за кесарем законную власть».

Политическая терпимость, конечно, необходима, но она не должна перерасти в политическую ангажированность, в обязанность политической поддержки своих братьев: «Если брат оказался возмутителем против государства, то его не следует укреплять в возмущении; однако должно иметь к нему сострадание как к несчастному человеку. Если же он не уличен ни в каком другом преступлении (то есть политическое преступление понимается как менее тяжкое в сравнении с иными. — Д.Х.), то все-таки братья не могут изгнать его из ложи, и его отношение к ней остается нерушимым, хотя верное братство не должно одобрять его возмущения и также не должно вызывать в правительстве недоверие» (Конституция Андерсона).

Оно в общем-то и не вызывало. В начале 1722 года депутация лондонских масонов обратилась к государственному секретарю лорду Таундсену с уведомлением о предстоящем годичном собрании и с заверением в преданности престолу и лояльности к правительству. Как сообщали газеты, «его сиятель-

ство отнесся к депутации благосклонно и заявил, что франкмасоны могут спокойно продолжать свою деятельность, ибо в ней нет ничего более опасного, чем старые тайны каменщиков, носящих, очевидно, самый невинный характер».

Тайны эти имели действительно самый невинный характер. В Конституцию Андерсона кроме упомянутых «Обязанностей» входили еще две части: «История масонства» и «Регламент». «История» представляет собой сильно расцвеченную воображением самого Андерсона древнюю, упоминавшуюся выше поэму о масонстве, повествующую об Адаме, Немвроде, Соломоне, а также Навуходоносоре, Августе и т.п. «Регламент» устанавливал старую иерархию каменщиков (ученик, подмастерье, мастер) и вводил особое звание – надзиратель. Выборы производились раз в год, и полномочия давались на год. Каждый брат должен был состоять в какой-либо ложе и подчиняться ее постановлениям. В члены лож допускались «хорошие, верные и свободнорожденные» мужчины (женщины в ложи не принимались) не моложе 25 лет. Руководящим органом братства являлась Великая ложа, состоявшая из мастеров и надзирателей всех лож, великого мастера (им мог быть только дворянин) и его заместителя. Великая ложа собиралась раз в три месяца (общее собрание всех братьев, обязательно завершавшееся совместной трапезой, происходило ежегодно) и принимала решения по вопросам, касающимся всего масонства, включая изменения устава, а также по таким, которые не могли быть решены в отдельных ложах (в 1723 году их было уже 33). При принятии новых чле-

нов соблюдались ритуалы старого «оперативного» масонства (символическое значение они получали постепенно): вопросы, сообщение особых тайных знаков, отдельных для учеников, подмастерьев и мастеров, вручение масонских одеяний: передников, перчаток и шляп; сохранялись древние строительные символы: циркуль, наугольник, молоток.

Все это действительно мало волновало в тот момент верховную власть. Более того, многое в идеях тогдашнего масонства было ей близко: «связать узами искренней дружбы людей, доселе бывших чужими друг другу». Семнадцатый век стал для Англии временем испытаний. Английская революция 1640—1660 годов (Пуританская, как ее именуют сами англичане), революция одновременно политическая и религиозная, надолго расколола общество. Республиканцы сражались с монархистами, пресвитериане — с англиканами, индепенденты — с пресвитерианами, все они вместе — с католиками и диссидентами (как называли тогда сторонников радикальных протестантских сект). В ходе этой революции король Карл I Стюарт сложил голову на плахе, несколько раз менялось государственное устройство: от монархии к республике, от республики к так называемому протекторату — режиму личной власти Кромвеля, от протектората снова к республике, а от нее к реставрации монархии Стюартов в лице Карла II, сына казненного. Менялось и церковное устройство: государственная Англиканская Церковь была заменена государственной же пресвитерианской, затем было установлено нечто вроде веротерпимости, но не для англикан и тем более католиков; наконец после рес-

таврации восстанавливалось государственное англиканство. Реставрация принесла успокоение ненадолго. Явные прокатолические (а для Англии это означало антинациональные, профранцузские и происпанские) симпатии короля Якова II Стюарта, брата и наследника Карла II, его стремление ограничить права парламента привели к его бескровному свержению в 1688 году (так называемая Славная революция) и возведению на престол твердого протестанта Вильгельма III Оранского, правителя (штатгальтера) Голландии. Новый король в согласии с парламентом издал в 1689 году «Билль о правах» и «Билль о веротерпимости».

Эти законы и, что для Британии особенно важно, основанные на них традиции устанавливали «среднюю» линию, направленную одновременно на примирение и отсечение любых крайностей. Англия оставалась монархией, но центр власти перемещался от короны к парламенту, за которым закреплялось право издавать законы и формировать правительство, однако утверждение законов и состава кабинета оставалось за монархом (в конституционную фикцию это превращалось постепенно, в течение XVIII века – первой половины XIX века). Все население Англии получало равные гражданские права, но не политические – к выборам допускались лишь обладавшие определенным имуществом мужчины. Англичане обретали невиданные в то время гражданские свободы; свободу слова, собраний, организаций, но не могли добиваться, даже путем мирной агитации, смены строя. Если правящая группировка (именно тогда начали формироваться политические партии)

терпела поражение на выборах, она должна была передать бразды правления победителям, а те не должны были преследовать побежденных, но, наоборот, обязаны были дать им возможность организовать оппозицию и дожидаться следующих выборов; оппозиция же обязывалась не устраивать заговоров для захвата власти – даже намеки на них жестко и решительно пресекались. Устанавливалась веротерпимость, но не полная и не для всех – проповедь атеизма и публичное исповедание католичества запрещались, англиканство оставалось государственной религией в Англии, пресвитерианство – в Шотландии, а диссиденты могли беспрепятственно придерживаться своей веры, обретали все гражданские права, но не все политические: могли голосовать, но для занятия любой выборной или назначаемой должности кандидат на нее должен был принести присягу монарху как главе не только государства, но и государственной Англиканской Церкви.

Подобный государственный строй, особенно после объединения Англии и Шотландии в 1707 году и воцарения Ганноверской династии в 1714 году, подвергался опасности со стороны особенно популярных в Шотландии якобитов, сторонников свергнутой династии Стюартов (напомним, последний Стюарт на троне носил имя Якова II), не желавшей расставаться с независимостью (Стюарты – шотландская по происхождению династия). Трижды – в 1715–1716, 1744 и 1745–1746 годах – якобиты поднимали восстания, сурово подавлявшиеся.

Так что призывы к согласию на принципах умеренности и неучастия (или лояльного и не очень ак-

тивного участия) в политике, к широкой, но не бескрайней религиозной терпимости, высказывавшиеся масонами, находили полное одобрение у властей. Действительно, масоны готовы были принять человека любой веры, но не «тупоумного богоотступника» (это явный намек на католиков, которых протестанты считали уклонявшимися от истинного, апостольского христианства) и не «нечестивого вольнодумца» (здесь имелись в виду атеисты либо деисты, то есть люди, отрицавшие конкретные формы религии и заявлявшие, что Бог создал Вселенную и установил законы природы, после чего прекратил вмешательство в ее жизнь; эти взгляды были в Англии достаточно популярными, хотя и преследовались: книга деиста Джона Толанда «Христианство без тайн», вышедшая в 1696 году, была сожжена по приговору суда, сам он приговорен к тюремному заключению и вынужден был бежать из страны). Масоны были лояльны к правительству, не участвовали в мятежах, а то, что они не собирались полностью порывать со своими собратьями, замешанными в противоправительственных акциях, так это было неудивительно и в общем-то не очень осуждалось. В немалом числе знатных семейств во время якобитских войн близкие родственники поддерживали противоборствующие силы, что не мешало им сохранять добрые отношения между собой, ибо здесь не столько «брат шел на брата», сколько господствовал принцип «Не следует складывать все яйца в одну корзину».

Таким образом, масонские идеалы и принципы вполне удовлетворяли власти. Кстати сказать,

Джеймс Андерсон во втором издании Конституции (1738) указывал, правда, спустя 20 лет после возникновения масонства, что «после торжественного въезда в Лондон короля Георга I и усмирения в 1716 году восстания несколько лондонских лож решили сплотиться», то есть само создание масонства связывал с политическим умиротворением. Англия устала и жаждала покоя с сохранением умеренной свободы, умеренного равенства и умеренной терпимости.

Впрочем, внутри самих лож время от времени вспыхивали дискуссии. Самой существенной была дискуссия о вере. Что значит «единственно всеобщая религия»? Не есть ли это запрещенный деизм? Во второй редакции Конституции Андерсона уже говорится о «всеобщей христианской религии». Гораздо более активные распри вызывались спорами об уставе, что кажется нам сегодня столь мелким и несущественным. Сторонники «старых» (на деле нововведенных) и «новых» (на деле первоначальных) уставов английского масонства переругались настолько, что Великая Лондонская ложа в 1751 году раскололась и воссоединилась лишь в 1813 году. Впрочем, причины раскола лежали не только в несущественных спорах о ритуалах. Корни его находились даже вне Англии, ибо достаточно рано масонство перешло на континент.

Другое масонство: «шотландцы» и тамплиеры

Популярность масонства в Англии весьма быстро привела к тому, что ложи, подчиненные Великой Лондонской ложе, стали создаваться и среди англи-

чан, проживавших за границей. Первая была учреждена в 1725 году в Париже, и тогда же многие французы устремились в эту и другие ложи. И именно во Франции начался самый крупный раскол в масонстве. Он связан как с политическими, так и с иными причинами. Во Франции располагался центр английской якобитской эмиграции, возглавляемой принцем Карлом Эдуардом, так называемым «молодым претендентом», внуком свергнутого Якова II («старым претендентом» именовали Якова III, сына Якова II и отца Карла Эдуарда). Среди лиц, его окружавших (многие из них были членами английских лож во Франции), находился воспитатель его сына — шотландец Майкл Эндрю Рэмси, писатель, авантюрист, то ли шпион английского двора при якобитах, то ли агент якобитов в Шотландии, то ли и то и другое, сначала пресвитерианин, потом католик. Ему принадлежит честь создания особого течения в масонстве, хотя и не он первый высказал те принципы, которые легли в основу этого нового течения.

Майкл Рэмси почувствовал неудовлетворенность многих адептов масонства английской системой как слишком простой, даже слишком простонародной. Еще в первом издании «Книги Конституций» Джеймс Андерсон сближал масонство и средневековые рыцарские ордена. «Духовные и светские рыцари, — писал он, — много обычаев заимствовали у вольных каменщиков, орден которых является самым древним из существующих на земле; может быть, они даже были его членами». В 1730 году одна английская газета, критически настроенная по отношению к масонам, писала: «Стыдясь за свое

действительное происхождение, франкмасоны заимствовали у иностранного Розового Креста (то есть у розенкрейцеров. – Д.Х.) церемонии и обряды и стараются уверить всех, будто от этого общества происходит их собственный орден» (о это истинно британское недоверие к иностранцам!). В том же 1730 году в принадлежавшей Англии Ирландии, в Дублине, выходцами из Шотландии (ирландцы-католики к масонству относились настороженно) была основана Великая Ирландская ложа; в следующем, 1731 году в том же Дублине вышла в свет анонимная брошюра «Письмо гроссмейстерши франкмасонов», где утверждалось: «Преобразователями языческого и иудейского масонства (напомним, согласно легенде, среди основателей масонства были Пифагор и царь Соломон. – Д.Х.) в нынешнее христианское масонство были рыцари Ордена Иоанна Иерусалимского; все шотландские короли, начиная с Фергюса, были после этого преемственными великими мастерами франкмасонов» (автора явно не смущает то, что братство рыцарей при госпитале св. Иоанна Иерусалимского, охранявших паломников в Святом Городе, возникло между 1070 и 1080 годами, а в духовно-рыцарский орден, то есть сообщество воинов-монахов, было преобразовано в 1120 году, тогда как полулегендарный шотландский король Фергюс жил в VIII веке).

В 1737 году, выступая перед шотландскими дворянами-якобитами в Париже, Рэмси заявил: «Масонский орден возник в Палестине в эпоху Крестовых походов, когда под сводами Иерусалимского храма были найдены тайные символы древней свя-

щенной науки; рыцари Иоанна Иерусалимского вступили в масонские ложи и передали им свое имя» (английские ложи действительно именовались «ложами св. Иоанна», но лишь ввиду того, что создание ордена свободных каменщиков пришлось, как отмечалось выше, на день Рождества Иоанна Предтечи; может быть, здесь также проявились воспоминания о том, что в ряде областей Англии, еще до Реформации, покровителем строителей был св. Иоанн Богослов). Он продолжал: «Из Палестины масонство перешло в Германию, Италию, Испанию, Францию, а из Франции в Шотландию, где первая ложа была основана в 1286 году».

Заявление Рэмси, как полагают некоторые современные исследователи, имело политическую подоплеку: масонство появилось ранее во Франции, а затем не в Англии, но именно в Шотландии — так и восстановление исконной династии Стюартов должно совершиться путем похода шотландских дворян из Франции сначала в родную Шотландию, а затем в Англию. Связь масонства с Орденом святого Иоанна Иерусалимского, существовавшего в XVIII веке, а с 1530 года владевшего островом Мальта (отсюда и иное название — Мальтийские рыцари), должна была подчеркнуть прокатолические симпатии масонов; настойчивое поминание Крестовых походов было связано с тем, что военная экспедиция с целью освобождения Шотландии и Англии от Ганноверской династии мыслилась и нередко описывалась в якобитской публицистике как новый Крестовый поход. Прокатолические симпатии так называемого шотландского, «красного» масон-

ства (классическое английское масонство именовалось «иоанновым», или «голубым» по геральдическому цвету; шотландское же масонство избрало красный) довольно быстро иссякли вскоре после того, как последняя попытка восстановления Стюартов на британском престоле в 1745–1746 годах провалилась, но новые тенденции не только остались, но и окрепли.

К таким тенденциям в первую очередь относится соединение рыцарских и масонских легенд. Уже во втором издании Андерсоновской Конституции, то есть устава английского, голубого, а не шотландского, красного, масонства, говорится о близости палестинских рыцарей и масонов: и у тех и у других есть должность великого мастера (магистра), особые обряды посвящения, тайны, скрытые от непосвященных. Правда, легенда о масонах-иоаннитах сменяется легендой о тамплиерах: мальтийские рыцари не пожелали иметь ничего общего с сомнительными – с католической точки зрения – масонами, тем более что в 1738 году папа Климент XII осудил масонство. Ну что ж, замена иоаннитов на тамплиеров придала легенде еще больше очарования и загадочности.

Кто же такие тамплиеры? Обратимся к более или менее надежно установленным фактам. Тамплиеры, они же храмовники, они же, как гласило официальное название ордена, «Бедные рыцари Христа и Соломонова Храма», впервые появились в Святой Земле. По преданию, девять рыцарей-крестоносцев во главе с бургундцами Гуго де Пэном и Годфруа де Сент-Омером в 1118 или 1119 году принесли монаше-

ские обеты бедности, целомудрия и послушания и присоединили к ним четвертый – вооруженной борьбы с неверными. Название орден получил по резиденции, находившейся в Иерусалиме на месте, где некогда располагался храм (фр. temple) Соломона. Орден возглавлялся пожизненно избираемым великим магистром (гроссмейстером, как было принято писать в отечественной исторической литературе), обладавшим абсолютной властью над братией и подчинявшимся лишь папе римскому. Тамплиеры пользовались широчайшими привилегиями и были исключены из-под не только светской (императорской, королевской), но и местной церковной (епископской) юрисдикции. Орден был хозяином обширных земельных владений во всей Западной Европе и в Святой Земле; значительные денежные средства пускались в оборот, и орден по существу стал крупнейшим банкиром западно-христианского мира (по мнению некоторых исследователей, именно тамплиеры изобрели банковские чеки). Престиж храмовников, считавшихся горячими защитниками Гроба Господня, был первоначально весьма велик: они, как и другие духовно-рыцарские ордена, объединяли в себе два высших идеала Средневековья – военный и монашеский, рыцарский и аскетический. Однако богатства ордена, явно противоречившие декларируемой бедности, связь с мусульманскими владыками в Святой Земле (руководители тамплиеров понимали, что одними только военными – без дипломатических – мерами господство христиан в Палестине удержать невозможно) уменьшили со временем его авторитет.

В 1291 году последние обломки Иерусалимского Королевства были захвачены мусульманами, то есть главная задача Ордена — охрана Святой Земли — оказалась невыполненной. Орден перенес резиденцию на Кипр, но фактически его руководство находилось в Париже. Король Франции Филипп IV Красивый, одержимый идеей величия и могущества королевства, королевской власти и самого короля (что для него, да и для эпохи, было неразделимо), вознамерился уничтожить независимую от него мощную военную и финансовую силу и завладеть богатствами храмовников (укрепление власти постоянно требовало денег). В 1307 году он приказал арестовать руководство ордена и большинство его членов. В 1310 году начался процесс по обвинению их в ереси, богохульстве, кощунстве, дьяволопоклонстве, противоестественных пороках и т.п. Зависимый от Франции папа Климент V после робкого сопротивления поддержал обвинение и потребовал арестовать и судить храмовников во всех странах католической Европы. В 1312 году последовал папский указ о запрете ордена. В марте 1314 года Великий магистр ордена Жак де Моле и два высших орденских сановника были сожжены. Перед смертью Моле проклял короля и папу, посулив призвать их на суд Божий в том же году. Папа умер через две недели, король — через полгода; молва приписывала их смерть отравлению, в котором подозревались спасшиеся собратья Великого магистра.

Исследование процесса тамплиеров началось лишь в XIX веке. Большинство историков настаивали на полной невиновности храмовников. Выяснилось,

например, что показания, дававшиеся ими на следствии, были разными у проживавших совместно братьев, если брались разными следователями, и почти дословно совпадали у никогда не видевших друг друга членов ордена, если их допрашивал один и тот же инквизитор. Из этого был сделан совершенно резонный вывод: признания в преступлениях вкладывались в уста обвиняемых с помощью пыток. Но масонская тамплиерская легенда возникла до этого, еще в XVIII веке (впрочем, единожды возникнув, она продолжала жить независимо от научных изысканий). Согласно этой легенде, тамплиеры, обладавшие Соломоновым храмом, узнали тайны древних каменщиков либо были посвящены в них дожившими до тех времен хранителями древней масонской мудрости; они исповедовали некую внеконфессиональную религию, которую не смогли понять фанатики-инквизиторы. Рыцари Храма, будучи внесударственной организацией, желали, но втайне, хоронясь от толпы и церковных обскурантов, распространять эту религию по всему свету. Незадолго до казни Моле повелел учредить четыре тайных капитула (или ложи) тамплиеров: Неаполитанскую для Востока, Эдинбургскую для Запада, Стокгольмскую для Севера и Парижскую для Юга; тайный преемник Жака де Моле, Пьер д'Омон, скрылся в Шотландии, где тамплиеры соединились с местными масонами, в результате Эдинбургская ложа стала примерно в 1314 году истинным центром истинного масонства, соединявшего мудрость каменщиков с тайнами храмовников.

Эта легенда, и не только она, повлияла на структуру «красного», шотландского масонства (необяза-

тельно, как увидим, связанного с Шотландией). Надо сказать, что первоначально скромный ритуал и довольно простая, трехчленная иерархия «голубого», английского масонства не удовлетворяли даже адептов этой системы (послушания, как принято говорить у масонов). На масонство возникла мода, всегда, как известно, сопровождающая популярность. А любая мода в пределе стремится к вычурности; члены лож требовали усложнения и ритуалов, и иерархии. Еще в 1726 году появляются особые должности церемониймейстеров, в 1735 году учреждается специальная церемониймейстерская ложа, возникают звания «утвержденный мастер», «выдающийся мастер». Но это только должности; степеней (градусов, как это называется в масонстве), осталось столько же – три: ученик, подмастерье, мастер; они именуются «символическими» градусами. Но уже в 1740 году появляется особый, высший, так называемый «умозрительный» градус – Мастер Королевской Арки.

«Голубое» масонство дальше этого не идет, зато «красное» активно развивает иерархию градусов. Первой системой (послушанием) шотландского масонства была так называемая Клермонская. Ее истоки не вполне ясны. То ли она была создана Майклом Рэмси, то ли он лишь реформировал ее, а сама она появилась несколько ранее, в начале 30-х годов XVIII века, в окружении Джеймса Стюарта, «Якова III», «старого претендента», и его сына Карла Эдуарда, «молодого претендента». Эти люди группировались в Сен-Жермене близ Парижа вокруг Клермонского (то есть основанного графом Клермон-

ским) иезуитского коллежа (напомним, претенденты и их окружение отличались прокатолическими симпатиями) – отсюда и название системы. В этой системе помимо трех «символических» градусов было еще четыре «умозрительных»: избранный рыцарь Орла, знаменитый рыцарь Храма, величайший рыцарь Божий. Позднее (некоторые исследователи связывают это с деятельностью Рэмси) появились иные «умозрительные» степени: избранный мастер, рыцарь Востока, рыцарь Розового Креста, рыцарь Тройственного Креста, рыцарь Царственного Киота (он же Царственный Архитектор).

Усложненные системы активно распространяла и Великая Ложа Франции, принявшая в 1755 году «умозрительные» градусы. В 1758 году возникло послушание «Совет Императоров Востока и Запада», где было уже 25 градусов. Совет и Великая Ложа то соединялись, то разделялись. В 1772 году руководство в очередной раз соединившихся масонов Франции приняло название Великий Восток Франции (в масонской символике *Восток – высшее управление*, «ибо Восток – край избрания, откуда в седой древности изливалась высшая мудрость», как гласят масонские уставы). Появляются и иные системы с числом градусов 5, 7, 9, 33, 99.

В 1742 году первые ложи Клермонской системы появляются в Саксонии, и барон Карл Гутфельд фон Хунд, живший одно время в Париже и состоявший в Клермонской ложе, реформирует шотландскую систему, вводя пышные ритуалы посвящения в «шотландские» градусы, добиваясь централизации и дисциплинирования ордена каменщиков. При нем

шотландская система получает название Строгого послушания (впрочем, это название было принято далеко не всеми «красными» масонами). Это послушание, впоследствии сыгравшее немалую роль в России, распространилось по всей Германии, и в 1764 году сошелся первый Конвент (съезд) Строгого послушания. Надо сказать, что пятый Конвент, состоявшийся в 1782 году в Вильгельмсбаде (Гессен), на котором было принято решение о создании отдельной провинции ордена для России, отверг особое положение тамплиеров в масонстве; было постановлено, что «вольное каменничество несравненно древнее храмовничества, которое лишь временно хранило в ордене учение великой мудрости, и значение храмовников в том лишь, что орден их был одним из звеньев не разрывавшейся никогда цепи великого тайного знания». Это приняли не все, некоторые, в частности шведские, ложи Строгого послушания прямо отождествляли себя с храмовым рыцарством. Впрочем, в любом случае тамплиерская легенда прочно укрепилась среди всех направлений масонства, чему способствовали некоторые особенности масонского учения, даже раннего.

Мы уже говорили, что и тамплиерская легенда, и постановления масонов Строгого послушания акцентируют тему тайного знания. Еще Филалет в 1722 году акцентировал внимание на «тайном искусстве», как именовали тогда алхимию. «С достигшим звания мастера я говорю не иначе как языком алхимии и тайных символов», — заявлял он. Напомню читателю, что с момента возникновения в начале нашей эры европейская алхимия имела две цели:

первая, явная – заключалась в получении золота, вторая, тайная (а именно эта сторона алхимии выдвинулась на первый план в XV–XVIII веках) – в духовном преобразовании самого адепта Великого Деяния: превращая неблагородные металлы в золото, он делает свою плоть совершенной (даже бессмертной), разум – исполненным высшей мудрости, дух – единым с Богом. Простое «символическое» масонство должно было распространять дух терпимости, атмосферу братства и т.п. Но уже в «голубом», английском масонстве перед Мастерами Королевской Арки ставились иные задачи. «Цель умозрительного масонства, – говорится в послании окружного руководства в 1782 году к обладателям этого градуса, – работать над всеми науками и искусствами». Одна из задач этого градуса – «искание небесного Эдема за воротами смерти, приуготовление себя к тем торжественным таинственным явлениям вечности, о которых мы хотя и не можем себе составить понятия с нашими человеческими способностями, однако можем быть уверены, что найдем в них бесконечные предметы высочайшего наслаждения для нашей просветленной эфирной части, то есть для духа нашего, для коего на земле нет ничего непрестанного, вечного, на чем бы мог он успокоиться». Иначе говоря, целью является достижение загробного блаженства, но не на путях традиционных религий, а через особое знание.

Тайное знание особо популярно было среди шотландского масонства. Это знание увлекало барона фон Хундта, к нему стремился активный организатор и проповедник Строгого послушания, известный ми-

стик Иоганн Христофор фон Вельнер. В 50-е годы XVIII века из почти полного небытия стали возрождаться общины розенкрейцеров. В рамках Строгого послушания создаются особые ложи Розового креста, Златого креста (гольдкрейцеры), Злато-Розового креста (гольдрозенкрейцеры). Они обретают значительную популярность, хотя руководство Строгого послушания часто весьма критично относилось к новоявленным собратьям: их, среди прочего, обвиняли в близости к иезуитам.

Обычно считается, и в общем-то верно, что XVIII век – Век Разума, Век Просвещения. Но это лишь одна сторона дела. Восемнадцатый век – эпоха духовного кризиса, и в этом Просвещение сходно с Возрождением: старая, нерассуждающая вера перестает удовлетворять, трещит под напором распространяющегося научного знания. Но рационализм, культ Разума, философский скептицизм, а то и атеизм привлекали далеко не всех. Век Разума был также веком невероятного роста легковерия и суеверий: старые принципы уже не действуют, новые недостаточны. Границ познания нет – с этим все согласны, но каковы принципы познания, как отделить возможное от невозможного – это мало кому известно. Создаются не только космогонические системы Канта, математические теории д'Аламбера, но и учения розенкрейцеров, которые увлекаются писаниями Бёме и Сведенборга, ищут формы мистического единения с Богом и Космосом, но одновременно философский камень, стремятся вступить в связь с высшими силами, с духами умерших, но также и сочиняют наставления, как можно делать крабов из

дождевой воды или выводить цыплят из вареных яиц.

Среди масонов, предававшихся тайноведению, были самые разные люди. Этим увлекался молодой Гёте, впоследствии отказавшийся от юношеских пристрастий, но без этого он вряд ли смог написать вторую часть «Фауста». Орден Злато-Розового креста учредил в России в 1782 году профессор Московского университета, выдающийся педагог Иван Григорьевич Шварц, последователь Вельнера, а его другом и соратником в овладении тайной вечной мудростью был знаменитый просветитель Николай Иванович Новиков. Но те же тайные знания пропагандировал в парижских салонах и в иных местах, в частности в России, при полном восторге публики Великий Кофт Египетского ордена масонов, преемник патриарха Еноха на посту главы этого ордена, прославленный граф Калиостро, как именовал себя шарлатан и авантюрист Джузеппе Бальзамо, ни на грош не веривший в те бредни, которые он же распространял. При этом, как говорил современник, «никто не верил в Бога, но все веровали в графа Калиостро».

Путь к власти: мартинисты и иллюминаты

Тайные знания влекли к масонству чуть ли не всех, но некоторых – не только они. Вспомним, что розенкрейцерство XVII века претендовало не только на духовную власть над обществом. И масонство, особенно масонство умозрительное, было не чуждо

этого. В упоминавшемся обращении к Мастерам Королевской Арки говорилось, что дело этих Мастеров, цель их ученых занятий – в том, «чтобы великие и благие примеры подвизающихся в делах света и истины были настолько многочисленны, что могли бы соединить весь человеческий род в единое стадо великого пастыря душ». Явно, впрочем, здесь о материальной (не духовной!) власти не говорится. Проблемы власти, проблемы общества и воздействия на него более всего разрабатываются в течениях, которые можно назвать ересями масонства, – течениях, которые были близки к масонству, действовали в том числе и в рамках масонских организаций, объявляли себя истинным масонством, но ортодоксальным масонством любых послушаний не признавались, что не помешало им внести огромный вклад в формирование образа масонства в массовом сознании. Эти течения – мартинизм и иллюминатство.

Первое из них восходит к созданному в 1754 году особому послушанию «Избранных Кохенов», основанному Мартинесом Паскуалисом, человеком неясной биографии, жившим во Франции. Согласно его учению, некогда все существа пребывали в Боге; человек после грехопадения отпал от Него, но постоянно стремится снова с Ним слиться. Это достигается при содействии неких духов, обрести помощь которых можно посредством особых обрядов. Учение Паскуалиса Великая Ложа Франции отвергла в 1765 году, но этот «мартинизм» (так современные исследователи обозначили это учение, чтобы отличить его от собственно мартинизма) на-

шел отклик у самых разных людей, среди которых были и убежденный визионер, духовидец аббат Фурнье, и известный просветитель, материалист, весьма близкий к атеизму барон Гольбах. Но самым плодотворным «мартинистом» стал маркиз Клод Луи де Сен-Мартен. В 1774 году он анонимно выпустил книгу «О заблуждениях и истине». По его учению (именно оно стало называться мартинизмом), все общественные беды (несправедливые, неразумные и не могущие быть разумными законы и действия правительств, ложные религии, куда он включал, хотя и в весьма туманных и неясных выражениях, и исторические формы христианства), происходят от того, что при грехопадении и отпадении от Бога человек утратил естественное состояние всеобщего равенства. Его можно восстановить, если подчинить всех людей принципу деятельной и разумной любви. Но пока этот принцип не овладел всеми, пока не вернулось естественное равенство (и именно для того, чтобы оно вернулось), власть, и даже неограниченная власть, должна принадлежать тем, кто возвысился над другими желанием сделать людей счастливыми, кто обладает способностью любить и научить этой любви остальных. Сам Сен-Мартен, человек мягкой души, известный филантроп, тонкий ценитель музыки, склонный к размышлениям в одиночестве и неторопливой беседе с друзьями, никогда не пытался воплотить свои принципы в жизнь. «Тень и молчание – любимые убежища истины», – повторял он. И его последователи в масонских кругах (особого ордена мартинистов до конца XIX века не существовало) также бо-

лее всего предавались внутреннему самосовершенствованию и в деятельной любви не выходили за рамки благотворительности. Но радикализм этой «диктатуры любви» создавал вокруг мартинистов ореол чуть ли не экстремистских политиков.

Неким зеркальным отражением мартинизма стало иллюминатство. Его создатель, баварский правовед Адам Вейсгаупт прожил весьма долгую жизнь. Он родился в 1748 году, а умер в 1830 году, то есть скончался в весьма преклонном не только по тем временам возрасте 82 лет. Сложной и бурной, впрочем, была лишь первая половина его жизни. Рано лишившись родителей, он с восьми лет жил в иезуитском коллеже. Мертвящая атмосфера, требование полного и абсолютного послушания Церкви и начальству – все это вызывало у мальчика глубокую ненависть. Не принес радости и Ингольштадтский университет, схоластическая система образования в котором отталкивала молодого Вейсгаупта, что не помешало ему уже в 20 лет стать там доктором и профессором канонического и естественного права. Университет раздирался борьбой партий: одни (в том числе покровители Вейсгаупта) были сторонниками Просвещения, но людьми мелкими, глупыми и ленивыми, другие (приверженцы иезуитов) – весьма энергичными и даровитыми, но отстаивавшими неприемлемые для молодого профессора принципы. Вейсгаупт пытался найти соединение ума и прогрессивных идей у масонов, увлекался оккультными науками (тайное вообще ему весьма импонировало, в том числе еще и потому, что ему опротивела борьба партий в

университете и он более всего боялся обнаружить свое собственное мнение, чтобы не подвергнуться нападкам любой из них). Но масонство оттолкнуло его и почти полным отсутствием конспирации, и бессмысленными, по его мнению, духоведческими и алхимическими изысканиями.

В 1770 году он принялся за создание собственного общества, целями которого должны были стать совершенствование людей и созидание человеческого счастья. Это общество (он назвал его обществом иллюминатов, то есть просветленных) строилось по принципам Ордена Иисуса (сказалось иезуитское воспитание), то есть на началах абсолютного повиновения руководству, проникновения во все поры общества, привлечения к себе людей влиятельных. Конечные цели общества: борьба с врагами человечества и разума, дабы создать царство свободы, справедливости, морального и умственного совершенства, — могли быть открыты многим, а пути, ведущие к этому, — лишь немногим, самым приближенным к главе общества. Официально принятый в 1781 году устав не включал в себя каких-либо революционных идей и призывов, ничего не говорилось о власти (в отличие от высказываний Сен-Мартена), да и стремились иллюминаты, пожалуй, не к власти, а к влиянию, причем ближайшей целью было распространение идей Просвещения.

Благодаря своим ораторским способностям, Вейсгаупт привлек к себе весьма влиятельных, даже высокопоставленных особ, среди которых был покровитель Гёте герцог Карл Август Саксен-Веймар-Эйзенахский. В 1779 году, еще до официального

оформления общества, в него вступил ревностный масон Строгого послушания барон Адольф фон Книгге, задавшийся целью подчинить все масонские организации иллюминатам и желавший создать некую всеобщую религию, которая объединит все народы, освободит их от деспотизма; первосвященником этой религии станет папа римский, а новое всемирное государство добра и света возглавит австрийский император.

Но заносчивый характер Вейсгаупта, его стремление к абсолютной власти внутри общества, установившаяся там атмосфера подозрительности и слежки, погоня за новыми влиятельными членами, среди которых было немало людей недостойных, — все это разрушало орден изнутри. Масоны самых разных послушаний не желали подчиняться иллюминатам. Тайные иезуиты (Орден Иисуса был запрещен папой в 1773 году и до 1814 года действовал в подполье, правда, весьма активно) в штыки принимали желание иллюминатов заменить католическую веру некой всеобщей религией. Именно тайные иезуиты уничтожили общество иллюминатов. В 1783 году в Баварии, главном центре деятельности иллюминатов, появилась брошюра, где членов общества и его главу обвиняли во всех мыслимых и немыслимых грехах: в кровосмешении, растлении малолетних, свальном грехе, детоубийстве, отравлениях неугодных и т.п. Сработало, впрочем, иное: герцогу Баварскому Карлу Теодору внушили, что иллюминаты являются его политическими противниками и помогают австрийскому императору Иосифу II, кстати, видному представителю просве-

щенного абсолютизма, подчинить Баварию. Двадцать второго июля 1784 года Карл Теодор закрыл все отделения общества иллюминатов, а заодно и масонские ложи. Второго мая 1785 года в новом указе предписывалось закрыть все тайные общества и начать преследования их членов. Сам Вейсгаупт бежал и еще очень долго жил при дворе своих покровителей – герцога Эрнста Саксен-Готского и его преемников. Чиновники и профессора, принадлежавшие к иллюминатам, лишились постов, некоторые были высланы из Баварии или даже попали, впрочем ненадолго, в тюрьму. «Просветленные» были разгромлены, никогда более не возродились, но мрачный образ тайных разрушителей, врагов веры и государства долго влиял на представления о масонах, на судьбы масонства.

* * *

Впрочем, общественные и политические судьбы масонства, о которых мы сейчас и поговорим, были весьма разными в разных странах. История масонства на его родине, в Англии, наименее драматична. Масонство очень удачно вписалось в традиционную британскую систему ценностей, каковой она видится после XVII века: стремление решать проблемы путем компромиссов, переговоров, нередко закулисных; желание осуществлять перемены путем реформ, а не революций; любовь к клубному общению, где в неформальной обстановке могут договориться даже политические противники; привязанность к старым традиционным ритуалам, пусть и

бесполезным, но таким милым (чтобы читатель не счел картину «доброй старой Англии» слишком идиллической, напомним, что все это распространялось лишь на сам «туманный Альбион», в колониях и в Ирландии все было не так, Британская империя создавалась железной рукой. «К востоку от Суэца джентльмен не обязан быть джентльменом», – говорили сами англичане).

Терпимость и тайноведение: немецкое масонство XVIII—XIX веков

Немецкое масонство, несмотря на тяготение к нему многих лучших умов Германии – Гёте, Гердера, Лессинга, искавших там идеалы братства и терпимости, – развивалось в сторону розенкрейцерства, поисков философского камня, духоведения и т.п. Одной из причин этого был жесткий государственный контроль за духовной жизнью почти во всех германских государствах. Не просто отсутствие политических свобод, но прямой запрет на обсуждение любых политических проблем побуждал немецких масонов уходить в туманные сферы мистики и оккультизма. В ряде государств Германии, в частности в Пруссии, власть увидела в масонстве, достаточно популярном, орудие воздействия на общество. Активным масоном был Фридрих II Великий, которому чрезвычайно импонировало сочетание духа Просвещения с духом послушания. Даже не слишком просвещенные государи, вроде Фридриха Вильгельма III Прусского, ненавидевшие любые

проявления и терпимости, и свободы, не полностью отвергали масонство. Указанный государь в 1798 году запретил все ложи, кроме трех берлинских, подконтрольных правительству.

Особенностью немецкого масонства было стремление большинства лож ограничить свою деятельность исключительно Германией (иностранцы должны были состоять в немецких ложах) и оградить ложи от лиц неблагородного происхождения. Именно в Германии впервые был четко сформулирован имевший очень большое значение для образа масонства и его дальнейших судеб вопрос о допуске евреев в масонские ложи. Собственно говоря, эта тема возникла еще в английском масонстве. Упомянувшиеся выше изменения в Конституции Андерсона, смена «всеобщей религии» на «всеобщую христианскую религию» многие историки объясняют тем, что в масонские ложи желали быть принятыми иудеи. Так, некий Э. Роз в 1732 году первым, насколько можно судить, из евреев был принят в одну из британских лож. Во Франции в 1742 году было сформулировано положение о том, что иудеи, мусульмане и язычники в ложи не допускаются. В Германии «еврейский вопрос» обострился из-за того, что число образованных и обеспеченных евреев, стремившихся к равноправию, там было больше, нежели в Англии и Франции, но более активными были и антисемиты, а также из-за особенностей немецкого масонства. Увлечение мистикой, в том числе и каббалой, способствовало включению в масонскую обрядность знаков и символов, имеющих иудейскую окраску (это было и в других странах, и

в разных послушаниях, но там масоны стремились объяснять это ветхозаветной символикой, приемлемой для христиан, особенно протестантов). Немецкие ложи защищались от обвинений в юдофильстве путем недопущения евреев в свои ряды. И среди многих, но не большинства масонов в Германии это вызвало протесты. Их четко сформулировал Лессинг в своем сочинении «Эрнст и Фальк. Масонские беседы» (1778–1780). Один из персонажей диалога, Эрнст, нападает на масонство именно за его замкнутость: «Пусть придет просвещенный еврей и пусть он назовет себя! Да, скажут, еврей? Масон, конечно, должен быть по крайней мере христианином. Какой христианин – все равно, без различия религии, то есть только без различия трех исповеданий, публично дозволенных в Священной Римской империи (Священная Римская империя германской нации – таково было официальное название Германии с XV века; после Тридцатилетней войны там были официально разрешены три христианских вероисповедания: католичество, лютеранство и кальвинизм. – Д.Х.). Пусть честный сапожник, который при своей колодке находит досуг, чтобы хорошо мыслить, да хоть бы был это Якоб Бёме или Ганс Сакс, – пусть он придет и назовет себя! Да, скажут, сапожник? А у нас в нашей компании такое хорошее общество!» И ревностный масон Фальк, другой участник диалога, признает справедливость резких слов Эрнста, но заявляет, что помимо такого извращенного масонства, о котором говорит его собеседник, есть и истинное, отвергающее национальные, религиозные и социальные различия.

Это мистическое, близкое к розенкрейцерству, покорное властям масонство оказало определенное влияние на российское масонство в XVIII веке. В течение XIX века антинационалистические, общегуманистические тенденции в германском масонстве возобладают, но на наше Отечество это уже не окажет особого влияния (о причинах этого ниже). В XIX веке российское масонство формировалось по образу французского, куда более политизированного. Можно сказать, пусть и со значительными оговорками, что английское масонство ориентировалось на идеи взаимопомощи и филантропии, немецкое – на проникновение в тайны духа и материи, французское – на политику.

Умеренная оппозиция за пиршественным столом: французское масонство до Великой революции

Ранний (1725–1732 годы) период французского масонства мало изучен. Известно, что еще в 1725 году в Париже англичанами-эмигрантами была основана первая ложа. В 1732 году в Париже было уже пять лож, тогда же они (по одной) появились еще в восьми городах, в конце того же года Великим мастером Парижской ложи впервые стал француз – молодой герцог д'Антэн. Приток французов в ложи, превращение последних в исключительно французские организации объясняются целым рядом причин, прежде всего значительной, хотя и умеренной, англоманией во французском обществе. Классический французский абсолютизм вызывал недовольство во

всех слоях, и если во времена Людовика XIV тяжелая рука Короля-Солнца не давала поднять голову оппозиции, то в эпоху Регентства, когда племянник Людовика XIV герцог Филипп Орлеанский правил при малолетнем правнуке своего великого дяди, Людовике XV, и во время самостоятельного правления последнего, и при царствовании внука и преемника его, Людовика XVI, оппозиция все более и более крепла. Низшие слои общества (крестьяне, городская беднота) возмущались непомерными налогами и феодальными повинностями (впрочем, эти социальные группы к масонству отношения не имели), буржуазия – неравноправным, приниженным положением, явно не соответствовавшим ее экономической мощи, знать – отстранением от реальной власти, несмотря на все привилегии, все – расточительностью двора, фаворитизмом, особенно при любвеобильном Людовике XV. Недовольные обращали взоры на Англию, где высшая аристократия образовывала палату лордов и поставляла кадры для правительства, представители низшего дворянства и богатой буржуазии избирали палату общин, средняя и даже мелкая буржуазия прочно занимала места в местном самоуправлении, где не было вездесущей (по меркам XVIII века, разумеется) полиции, где за критику, зачастую совершенно невинную, властей человек не попадал в Бастилию и т.д.

Во-вторых, дух Просвещения, дух Разума, веял над Францией. Все ожидали наступления грядущего Золотого века, который будет веком свободы и равенства, ибо каждый человек обладает разумом, а посему все равны. В конце 40-х годов XVIII века по-

явилось анонимное сочинение «Франкмасон (Сновидение)». В нем Природа вещает некоему спящему масону:

«Счастливые времена должны вернуться. Законы мои будут управлять Францией. Настоящее ручается мне за счастливое будущее. <...> Это моя самая лучшая победа над человечеством. Она напоминает великим закон равенства и повергает к ногам кумир славы, жертву почтенной и благородной свободы, которая ничего не заимствует от несправедливых преимуществ и учит чтить право государей и богов. Царство мое освятило справедливую зависимость, которой требует власть государей и богов. Не удивляйся поэтому счастливой гармонии, порождаемой общностью сего блестящего согласия».

Итак, умеренная свобода, умеренная зависимость, умеренное равенство, умеренное неравенство — словом, социальная гармония, основанная на близости к природе, ведь идет век Руссо. Еще один масонский трактат тех же времен:

«Каково бы ни было происхождение франкмасонства, каков бы ни был дух его учреждения, ныне вся его цель — возвратить человечество к первоначальному равенству и установить между масонами союз общности, отмечая различия, порождаемые среди нас рождением, сословием и должностями. <...> Какой иной пример может нам до сих пор представить счастливые времена Астреи? Всякий дворянин позволяет своему благородству быть простым в обращении; всякий буржуа возвышается до некоторого благородства души, словом, кто только имеет в чем преимущество, охотно отказывается от

■ него; все пребывает в равновесии. Титул брата не пустое обращение: все сообща наслаждаются приятностями братства. Заслуги и таланты выделяются, но все, кто имеет счастье обладать ими, проявляют их без страха и гордости, потому что тот, кто лишен этих преимуществ, не чувствует от этого ни унижения, ни зависти. Никто не хочет там блистать, каждый старается нравиться. Стремление к равенству сказывается столь сильно, что французские ложи объявляют всех братьев благородными – рыцарями». Иными словами, равенство есть приравнивание низших к высшим, что весьма привлекательно для этих низших.

В-третьих, существует тяготение к пышности, к обрядам, а особенно к тайнам – мы уже говорили о Калиостро, вспомним также загадочного графа Сен-Жермена.

В-четвертых, мода, мода на близость к природе, на равенство и братство, на тайны, на Калиостро и многое иное. И сколь приятно в возвышенной атмосфере любви, братства, рыцарства и оккультных знаний еще и развлечься! Как писала одна французская газета в 1736 году, «столь старое и знаменитое в Англии общество делается модным. Кто хочет вступить в него, должен внести десять луидоров и в придачу сказать много добрых слов. Недавно было принято десять новых сочленов, и церемония закончилась обедом, на котором присутствовали люди высоких рангов, причем некий герцог, прежде чем садиться за стол, выиграл у одного английского лорда семьдесят луидоров в пикет». Светский банкет с герцогами и лордами, с карточной игрой, а за-

одно и с религиозно-философским и старинно-таинственным оттенком – лучше не придумаешь!

Но Франция – это не Англия, и власти этого абсолютистского государства, а также церковная верхушка относились к независимому сообществу, в коем исповедовали взгляды, не вполне совпадавшие с официальными, с подозрением. Десятого сентября 1737 года полиция разогнала собрание масонов, происходившее у одного крупного виноторговца, и даже оштрафовала хозяина. Но подобное происходило лишь в столице – в провинции братьямасоны давали пиры и концерты, не боясь начальственного ока.

Отношения масонов с Католической Церковью были достаточно конфликтными. Седьмого апреля 1738 года папа Климент XII выпустил буллу, осуждающую масонский орден и угрожающую отлучением от Церкви всех, принадлежавших к числу свободных каменщиков. Популярность масонства была столь велика, что Парижский Парламент (так до Французской революции именовался верховный суд Франции, в обязанности которого входила, среди прочего, регистрация указов и законов, действующих на территории Франции) отказался признать эту буллу (со времен Людовика XIV французская Церковь, формально остававшаяся строго католической, стала в административном отношении практически независимой от Рима, и любое решение папской курии обретало силу во Франции только с одобрения высшей власти). Многие католики были обеспокоены (не следует преувеличивать степень религиозного скептицизма во французском

обществе), и начался определенный отток от масонства, впрочем, в организации, по форме близкие к масонству, но заявлявшие о своей непричастности к вольным каменщикам. Масоны не допускали в свои ряды женщин, для них создавались особые «адоптивные» (букв. — «усыновленные») ложи, говоря современным языком, ассоциированные организации. Но в том же 1738 году был создан некий Орден мопсов (о нем мало что известно), куда в качестве полноправных членов принимались и дамы, но при условии принадлежности к Римско-Католической Церкви. В 1742 году духовник Людовика XV отец Вуазен придумал хитроумный проект, заставляющий отечественного читателя вспомнить «зубатовщину», «гапоновщину», «полицейский социализм». Он основал — по образу масонского: с пышным ритуалом и степенями, но категорическим отрицанием любых попыток ввести «всеобщую религию» — некий «Бессмертный и почтенный Орден благого отца и патриарха Ноя». Несмотря, впрочем, на поддержку двора и Церкви, этот орден большой популярностью не пользовался, равно как и существовавшие в 1742—1745 годах «Орден благополучия» и «Орден якоря», которые, если верить современникам, «преследовали цели исключительно веселые и не имевшие ничего общего с нравственностью».

Сами масоны активно защищались от обвинений. В начале 40-х годов XVIII века видный масон и известный медик Мишель Прокоп заявлял: «Что же представляет собой настоящий франкмасон? Вот его портрет. Это добрый гражданин, усердный подданный, верный своему государю и государству и,

кроме того, – совершенный друг. *У нас царит свобода, но всегда приличная* (курсив мой. – Д.Х.). Мы вкушаем наслаждение, не оскорбляя небес. Цель наших стремлений – возродить Астрею и воссоздать людей такими, какими они были во времена Реи¹. Мы идем непроторенною стезею. Стараемся созидать, и наши здания – темницы для пороков или храмы для добродетелей». И вышедшее в те же годы упоминавшееся выше «Сновидение», и Проккоп фиксируют образ благонамеренного верноподданного, живущего в мире с властями и Церковью и отстаивающего принципы свободы и разума лишь в своем кругу и в деликатных формах. Может быть, масоны и преуменьшали свою оппозиционность, но все же это была, скорее, «оппозиция его величества», а не «оппозиция его величеству», насколько вообще оппозиция могла существовать в государстве, где отсутствовала любая разрешенная политическая жизнь.

Преследования, причем не очень сильные, не ослабили, а наоборот, укрепили масонство. Ушли те, кто желал лишь пышной обрядности либо развлечений; вокруг масонов создавался ореол гонимых, впрочем, не очень гонимых. «Как бы законная оппозиция» привлекала многих, причем аура этой «квазиоппозиции» стала еще ярче с 1743 года, когда Великим магистром Великой Ложи Франции стал представитель младшей ветви Бурбонов Луи де

¹ Рея – в греческой мифологии супруга Кроноса и мать Зевса; здесь имеются в виду представления древних греков о том, что до свержения Кроноса и воцарения Зевса как владыки богов на Земле царил Золотой век.

Бурбон, граф Клермонский, а особенно после 1771 года, когда на этот пост был избран (формально вступил в должность лишь в 1773 году) герцог Луи Филипп Шартрский (с 1785 года герцог Орлеанский), правнук регента, первый принц крови (так во Франции называли главу младшей ветви королевского рода, которая была наиболее близка к царствующему дому по праву престолонаследия), человек сложного характера, неясных устремлений и трагической судьбы (об этом ниже).

Герцоги Орлеанские по традиции критически относились ко двору, возглавляли недовольную аристократию и заигрывали с народом, но вместе с тем само их положение свидетельствовало о близости к монархии. Филипп Шартрский был самым знатным среди масонов Франции, но не единственным. В основанной Великим мастером в 1775 году ложе Чистоты состояли герцог Шуазель, маркиз Лафайет, принц Гессенский; существовала даже особая фамильная ложа герцогов Буйонских – Великий Восток Буйонов. Впоследствии Революция сметет многих из них, но пока просвещенные буржуа-масоны наслаждаются близостью к высшей знати.

Несмотря на флер «просвещенной благонамеренной оппозиции», в ложах мало занимались политической, но гораздо более благотворительностью и – это характерно для Франции времен «Энциклопедии» – наукой. Типичен эпизод, произошедший в Париже в 1782 году. Некая торговка фруктами, мадам Мент, имевшая десять детей и ожидавшая еще одного, проиграла судебный процесс по делу о наследстве, каковое отсудила у нее жадная сестра. Но добродетель

тельная торговка не озлобилась и усыновила внебрачного сына другой своей сестры. В ответ на это ложа Чистоты взяла семейство под свое покровительство, вручила доброй женщине некоторую сумму денег, приняла на содержание усыновленного малыша, подарила приданое новорожденному одиннадцатому ребенку, крестной матерью которого стала участница адоптивной женской ложи баронесса Шампло, и все закончилось празднеством, во время которого читались стихи с восхвалениями добродетели, некий маркиз-масон возложил на голову мадам Мент венок за гражданские добродетели, а в заключение состоялся банкет, в котором приняло участие только из высшей аристократии более 140 человек.

Кроме благотворительности в ложах занимались делами научными. В 1769 году знаменитый астроном Жозеф Жером Лаланд основал ложу Наук специально для масонов-исследователей, в которой состояли Вольтер, философ-энциклопедист маркиз Кондорсе, изобретатели воздушного шара братья Монгольфье, американский физик и государственный деятель, будущий посол США во Франции Бенджамен Франклин, будущие деятели революции Жак Пьер Бриссо, Камиль Демулен, воспитатель будущего (ненадолго) участника Революции и (надолго) соратника Александра I графа Павла Александровича Строганова Жильбер Ромм. Вообще, среди масонов было немало тех, кто прославился во времена Революции и кто пал ее жертвой (как правило, это были одни и те же люди): граф Мирабо (ему посчастливилось умереть своей смертью на пике популярности), маркиз Лафайет

(он смог эмигрировать), Дантон, упоминавшиеся Бриссо и Демулен, Кутон (все они, как говорилось на жаргоне времен Революции, «выплюнули голову в корзину»). Исследователи донныне спорят, был ли масоном вождь, палач и жертва Революции Максимилиен Робеспьер, ибо надежные документальные свидетельства отсутствуют, а многочисленным слухам не всегда можно верить. Но пока что все они ведут себя вполне миролюбиво. Будущий прокурор, будущий атеист и террорист (во времена Французской революции так открыто именовали себя сторонники государственного террора) Пьер Гаспар (он, как и многие иные, из антихристианских побуждений отвергнет имя, данное ему при крещении, и назовет себя в честь древнегреческого философа Анаксагором) Шометт, окончивший дни свои на гильотине, в начале 80-х годов произносит в одной из парижских лож речь, посвященную философии математики, где стремится сочетать научные принципы с богословием, умело и к месту цитирует Писание, вообще проявляет себя как здравомыслящий ученый и теолог и непримиримый враг материализма и безбожия.

Золотой век гильотин и побед: французское масонство во времена Революции и Империи

Революция резко изменила жизнь французских масонов. Надо сказать, что проблема соотношения масонства и Революции непростая. В 1797 году француз-эмигрант, священник-иезуит Огюстен Баррюэль вы-

пустил в свет «Памятные заметки по истории якобинства», где заявил, что Французская революция была подготовлена и проведена масонами. С того времени и возникла традиция именно масонству приписывать лидирующую роль во Французской революции. Если отвести домислы (например, Баррюэль заявляет, что накануне Революции во Франции было около 600 000 масонов, хотя известно не более тысячи имен, и самые широкие экстраполяции дают не более пяти—шести тысяч) и вольные интерпретации источников, основные аргументы сводятся к следующему: девиз Революции «Свобода, Равенство, Братство» есть масонский лозунг; среди деятелей Революции, как уже отмечалось, было немало масонов.

Первый аргумент довольно убедителен, хотя и спорен: в процитированной форме такой лозунг в среде вольных каменщиков в те годы не существовал, но слова «свобода» и «равенство» были более чем распространены в масонской литературе, обращение «брат» характерно именно для масонов.

Второй аргумент на уровне фактов абсолютно бесспорен. Можно привести и иные аргументы. Первая, пожалуй, в истории массовая политическая партия современного типа – Якобинский клуб (официальное название – «Общество друзей Конституции, заседающее в якобинском монастыре в Париже»), партия с фиксированным членством, с членскими взносами, с выборными руководящими органами и местными отделениями создавалась, весьма вероятно, по образу и подобию масонских организаций.

Факты участия масонов в Революции, влияния масонских идей о свободе, равенстве и братстве, о религиозной терпимости, о единстве всех народов на революционную идеологию – все эти факты бессмысленно отрицать. Гипотеза о «масонском заговоре» является абсолютно несостоятельной по иной, очень простой причине: *никакого революционного заговора – масонского или немасонского – просто не существовало*. Революция являла собой массовое и во многом стихийное движение. Никакого плана Революции не было и у тех, кто этой Революцией руководил или считал, что руководит. Никто из вождей Революции первоначально не ставил тех целей, которые он же мог провозглашать на более поздних ее этапах. В 1789 году все политики (кроме крайних роялистов), в том числе и те, которые впоследствии станут провозглашать лозунги республики, царубийства и террора, были умеренными конституционными монархистами, сторонниками той самой «приличной» свободы, о которой столько говорили масоны. В этом были едины братья-масоны Мирабо, Кондорсе, Бриссо, Дантон, Шометт, да и Робеспьер (состоял он или нет в обществе вольных каменщиков) придерживался тех же принципов. Это уже потом Дантон, Шометт и Робеспьер отправят на гильотину Бриссо и Кондорсе, затем Дантон и Шометт будут требовать казни друг друга, и Робеспьер и еще один брат-масон – Кутон – удовлетворят оба требования; наконец Робеспьер и Кутон падут под ножом созданного революцией «гуманного» устройства для казни, но все это будет позднее. Еще раз повторим: было немало органов и организаций, претендовав-

ших на руководство Революцией (Национальное Собрание, Конвент, Парижская Коммуна, Якобинский клуб, революционные общества), но *никакого единого центра подготовки и проведения Великой Французской революции никогда не было.*

Что же касается деятельности масонских лож во время Революции, то она была не слишком активной. Если в самом начале Революции, в 1789—1790 годах, ложи атакуют короля и Национальное Собрание ответственными адресами, воспевая наступление Золотого века, то с радикализацией Революции, к 1791 году, политика уходит из лож. Некоторые еще пытаются поддерживать конституционно-монархические иллюзии, другие принимают революционную атрибутику (так, Английская ложа в Бордо в 1794 году переименовывает себя в ложу Равенства), но все это без особого успеха, ибо новые революционные власти относятся к масонству с подозрением.

Самый сильный удар по вольным каменщикам нанес их глава — герцог Орлеанский. Этот первый принц крови, оппозиционер, популист буквально ринулся в Революцию. Сторонники теории масонского заговора настаивают на том, что именно он был организатором и инициатором Революции и делал это через Великий Восток, который возглавлял. Иные даже утверждают, что его целью было сместить старшую линию Бурбунов с трона и самому завладеть короной Франции (этому был прецедент: замена Стюартов на Оранскую и позднее Ганноверскую династии в Англии; этому будет и продолжение: сын великого магистра герцог Луи Филипп Орлеанский в результате Июльской револю-

ции 1830 года взойдет на престол и будет свергнут революцией 1848 года). Он сблизился с крайне радикально настроенными революционерами, вступил в Якобинский клуб, отказался от родового титула и принял фамилию Эгалите (фр. равенство), избирался в Конвент по списку якобинцев, голосовал там за казнь своего родича-короля, но это не спасло его: в ноябре 1793 года он взойшел на эшафот. Так вот, в декабре 1792 года, в разгар дебатов о судьбе низложенного короля Людовика XVI, депутат Конвента гражданин Филипп Эгалите сложил с себя звание гроссмейстера, сопроводив это заявлением в печати: «Я вступил в масонство, которое является некоторым подобием равенства, в ту эпоху, когда еще никто не мог предвидеть нашу Революцию... Но затем я покинул призрак ради действительности. Не зная, каким образом составлен Великий Восток, и полагая, что республика, особенно в начале своего учреждения, не должна допускать никакой тайны, никакого тайного общества, я не желаю более вмешиваться ни во что, касающееся как Великого Востока, так и собраний франкмасонов». Принц-революционер лукавил, он хорошо знал, как составлен Великий Восток, ибо он его и составлял, но характерно его стремление отмежеваться от сообществ тайных, то есть в данном случае не полностью «просвещенных» властями. Республика не желала допускать неподконтрольные ей организации.

В 1794 году комиссар Конвента Лекарпантье закрыл в Дижоне ложу Нежного братства «как возбуждающую подозрение и нетерпимую при республиканском режиме, когда свобода сдела-

лась общим достоянием, пользование коим не нуждается во мраке таинственности». Создаваемые властью под верховенством Якобинского клуба народные общества, единственно разрешенные формы организации политически активного населения, должны были, по требованию Конвента, «вооружиться против всех памятников фанатизма (так на революционном жаргоне назывались здания, сооружения и предметы религиозного назначения. — Д.Х.), а равно всех союзов и собраний, не разрешенных законом, а именно масонских обществ».

После падения якобинской диктатуры масоны не торопились возобновить свою деятельность, ограничивая ее сбором пожертвований в пользу военных добровольцев и их семей. Однако усилия по возрождению масонства предпринимались. Собрат Великого Востока Реттье де Монтало, при терроре сидевший в тюрьме, выйдя на свободу, принимается за воссоздание ордена: устанавливает связи с братьями по Великому Востоку и с остатками «голубого» масонства, некогда объединенного под эгидой Верховного Совета Великой Ложы Франции. В 1799 году оба ордена заключают союз и в конце того же года обращаются к новому главе Французского государства, первому консулу генералу Бонапарту, с просьбой о разрешении масонства, с призывом к генералу вступить в его ряды и если не возглавить его, то назначить великого магистра. Наполеону импонировало масонство: в нем было то сочетание идей свободы, равенства и братства со строгой дисциплиной, с пышными старинными ритуалами, ко-

торое он желал воплотить в своей Империи, соединяя идеи революции и монархии, Просвещения и рыцарских традиций. Но тайных обществ первый консул не терпел. Посему его решение было двусмысленным: масонство официально признано не было, но и не запрещалось; более того, Великим магистром всех масонов был назначен Жозеф Бонапарт, брат главы государства, будущий король Неаполя и Испании. Помимо этого, недоверчивый Наполеон приказал своему главному юридическому советнику, второму консулу (то есть первому заместителю), творцу Гражданского кодекса (Кодекс Наполеона), будущему архиканцлеру и принцу Империи (а также прославленнейшему гурману и обжоре) Камбасересу вступить в орден, надзирать за ним и обо всем, что там происходит, доносить ему самому.

Во времена Первой империи масонство переживало пору расцвета, хотя так официально и не было разрешено; в состав ордена входило множество сановников Империи, наполеоновских маршалов и генералов. Деятельность свободных каменщиков была в те годы, если так можно выразиться, в основном военно-патриотической, как и почти все, что было тогда в Империи, возглавляемой выдающимся полководцем; банкеты в честь побед, сбор средств в пользу ветеранов и семей павших – вот чем были заняты ложы. Впрочем, обсуждались, хотя не очень активно, религиозные проблемы. Именно с той поры христианские тенденции во французском масонстве слабеют, единственным требованием становится признание бес-

смертия души и веры в Великого Архитектора Вселенной, как бы он ни назывался. Евреи, получившие еще в 1791 году полные гражданские права, что было особо закреплено Кодексом Наполеона, активно вступали в ложи, хотя никогда не составляли там большинства.

Каменщики-политики: французское масонство в XIX веке

Падение Империи заставило вольных каменщиков временно приостановить свою деятельность: слишком сильно они были связаны с прежним режимом, но уже в начале 1820-х годов возобновили работу ложи Великого Востока и Верховного Совета, хотя они и вынуждены были вывести из своего руководства людей, близких к свергнутому императору. Политические тенденции французских масонов той поры были вполне конституционными, но целый ряд околomasонских организаций, в большинстве не французских, но пользовавшихся во Франции определенной общественной поддержкой, были куда более радикально настроенными. Это «Филики Этерия» (греч. дружеское общество), боровшееся за независимость Греции, это знаменитые карбонарии. Подобные организации сочетали масонскую символику, масонскую организацию с подпольной, даже террористической (в современном смысле этого слова) деятельностью, направленной на борьбу за освобождение и объединение своих стран. Во Франции разворачивалась борьба между полити-

чески более умеренным Верховным Советом и более радикальным (и более популярным) Великим Востоком.

Революцию 1848 года и установление Второй республики масоны приветствовали, но они же весьма быстро повернули в сторону Второй империи во главе с племянником Наполеона I – Наполеоном III. Новый император, подобно своему дяде, в целом благоволил к масонам и лично присматривал за ордемом – новым Великим магистром он назначил принца Люсьена Мюрата, сына соратника Наполеона I. Впрочем, именно тогда начинается «полевание» французского масонства и масонства других стран, находящегося под французским влиянием. К середине XIX века стали создаваться Великие Востоки вне Франции, в частности Великий Восток Италии, где большую роль играл знаменитый Гарибальди (кстати сказать, еще в начале XIX века среди предводителей антииспанских восстаний в Латинской Америке было немало масонов профранцузского направления). Именно в масонских кругах стали раздаваться голоса в пользу всеевропейского единства, и не только европейского. В 1849 году Великий Восток Франции подтвердил – как обязательные принципы – веру в Бога и веру в бессмертие души, но любые религиозные распри отвергались. В 50-е годы XIX века в одну из парижских лож входил мусульманин Абд аль-Кадир, вождь антифранцузского восстания в Алжире (после подавления восстания он находился в плену, но не в заточении во Франции).

После падения Второй империи в результате поражения во франко-прусской войне и установле-

ния Третьей республики во Франции наступил «золотой век» масонства, особенно свободомыслящей его части, тяготеющей к Великому Востоку. В 1877 году конвент Великого Востока исключает из устава упоминание о Великом Архитекторе Вселенной, что открывает двери в ложи и атеистам. Это приводит к окончательному разрыву с Верховным Советом, остававшимся верным принципам веры в Бога. В левых и умеренных партиях и группировках, выступавших за светское государство с республиканским устройством, господствовавших в политической жизни Франции, было немало масонов. Руководство партии радикалов, старейшей и влиятельнейшей леволиберальной организации Третьей республики, в большинстве состояло из братьев-каменщиков; практически не было правительств, в которые не входил хотя бы один министр-масон; даже среди набравших популярность социалистов встречались вольные каменщики, в частности зять Маркса Поль Лафарг.

Надо сказать, что масонство сыграло определенную роль в политической жизни Франции, пусть эта роль и сильно преувеличивалась антимасонской пропагандой, раздававшейся из клерикальных и монархических кругов. Сразу же за падением Наполеона III, еще во время франко-прусской войны, страна оказалась на пороге войны гражданской: бонапартисты, легитимисты (сторонники свергнутой в 1830 году старшей линии Бурбонов), орлеанисты (приверженцы наследников царствовавшего в 1830–1848 годах Луи Филиппа Орлеанского, сына Филиппа Эгалите), республиканцы были готовы

взяться за оружие, чтобы восстановить или установить желаемую ими форму правления. Братья-масоны были в каждой партии, и именно они добились того, чтобы конфликт был разрешен конституционным путем – через созыв Учредительного собрания. Масоны пытались также примирить правительство с недовольными его политикой парижанами, но предотвратить кровавую бойню Парижской Коммуны им не удалось.

В дальнейшем действия вольных каменщиков оказались более успешными. Можно считать, что идеи Великого Востока о том, что человек не обязан быть привержен какой-либо религии, повлияли, разумеется одновременно с другими факторами, на решительную борьбу правительств в 80–90-х годах XIX века за светский характер государства. Но более важно, по-моему, иное. Третья республика была классическим, если можно так сказать – химически чистым, парламентским государством. Законодательная власть обладала абсолютным приоритетом над исполнительной. Кабинеты министров создавались и низвергались постоянно, редкое правительство существовало более двух лет, зато немало было таких, срок жизни которых исчислялся днями или даже часами: так, утвержденному на утреннем заседании кабинету палата депутатов выносили вотум недоверия на вечернем. Но этот перманентный правительственный кризис не приводил к социальным и политическим потрясениям, в том числе и потому, что часть политической элиты, и немалая (членами всех правительств становились представители очень узкой группы в 50–60 человек), входила в

одну — масонскую — организацию, а потому имела базу для компромисса, для того чтобы «по-братски», хотя бы и закулисно, договориться, не превращать конфликты в братоубийственную войну, не доводить страну до катастрофы.

Всемирное братство и национальная идея: масонство и Первая мировая война

На рубеже XIX и XX веков активизируется пацифистская деятельность масонов, и не только французских. Разорванные во время франко-прусской войны связи между немецкими и французскими масонами постепенно налаживаются. Они принимают участие во многих антивоенных организациях. Впрочем, пацифизм масонов не следует преувеличивать. Переговоры о создании Антанты, союза, направленного против Германии, происходили в 1904—1906 годах при активном содействии принадлежавшего к ордену британского короля Эдуарда VII и французского министра иностранных дел брата-каменщика Т. Делькассе. Стремясь завоевать симпатии английских масонов накануне Первой мировой войны, руководитель берлинской ложи «К Трем Земным Шамрам» генерал-майор Вагнер заявлял, и это явно противоречило идеям свободных каменщиков о братстве людей всех наций, что немецкие и английские масоны «принадлежат к одной и той же германской расе, проявлявшей во все времена присущие ей добродетели и верность». А менее националистически настроенные французские масоны рассуждали о

том, стоит ли так уж активно противостоять «народному патриотизму». В результате, когда началась война, масоны всех стран активно поддерживали свои правительства. Правда, масоны разных послушаний Британии и Франции обвиняли своих немецких собратьев в забвении идеалов истинного масонства, а те отвечали, что «только масонство Германии заслуживает уважения и почитания.<...> Международное масонство скончалось и остается трупом, несмотря на все усилия его оживить. <...> Мы, немецкие масоны, не хотим больше поддерживать с ним отношения. Да здравствует немецкое масонство!». К концу Первой мировой войны, впрочем, масоны воюющих стран начинают, вместе с другими пацифистскими организациями, осторожно искать контакты между собой с целью заключения мира. Тема «Масоны и Первая мировая война», однако, более интересна для нас прежде всего с другой точки зрения, а именно в отношении проблем масонства в России, о чем мы ниже и поговорим.

Самодержавное царство Астреи: руссийское масонство от возникновения до окончательного запрета

Масонские (и антимасонские) предания утверждают: первым масоном в России был Петр I, который в 1698 году (то есть на деле еще до возникновения собственно масонства) во время посещения Англии был принят в орден каменщиков (строго говоря, он мог быть принят лишь в «оперативное» масонство)

то ли Кристофером Реном (масонская версия), то ли королем Вильгельмом III (антимасонский вариант). По возвращении он основал ложу в Москве, причем Великим мастером стал Франц Лефорт, первым мастером-надзирателем – Патрик Гордон, вторым мастером-надзирателем – сам царь. Легенда эта не имеет каких-либо документальных подтверждений и свидетельствует лишь о том, каким пиететом пользовалось имя Петра среди масонов XVIII–XIX столетий, которые, сознательно или бессознательно, видели в преобразованиях Петра воплощение своих идеалов.

Можно считать точно установленным, что в 1731 году масонство в России уже существовало, ибо в этом году гроссмейстер Великой Лондонской ложи лорд Лоуэлл назначил некоего капитана Джона Филиппса Великим провинциальным мастером России. Насколько можно судить, членами ордена в России в тот период были одни иностранцы. В 1740 году великим провинциальным мастером стал англичанин, состоявший на российской службе, Джеймс (Яков, как его называли у нас) Кейт, которого историки масонства (в том числе и из масонских кругов) считают истинным основателем масонства в нашем Отечестве. Тогда же или чуть позже – в 1744 году – в Россию стало проникать Строгое послушание, так называемая шведско-немецкая система, распространителем которой была берлинская ложа «К Трем Земным Шарам» (бурные споры между различными послушаниями в России останутся вне нашего рассмотрения, ибо нас интересует социальная, политическая и, главное, культурная, а не организаци-

онная история масонства). В 50–60-е годы XVIII века в масонских ложах России состояла целая плеяда ярких деятелей той эпохи: генерал-аншеф, впоследствии канцлер Роман Илларионович Воронцов, отец Екатерины Романовны Дашковой, директора Петербургской Академии наук и президента Российской академии, и Елизаветы Романовны, любовницы престолонаследника, будущего Петра III, известный также редкостным, даже по российским масштабам, взяточничеством («Роман – большой карман», по прозвищу современников); родоначальник историковедения российской истории и исторической географии России Иван Никитич Болтин; замечательный историк докарамзинской поры, социальный философ, «отец русского консерватизма» князь Михаил Михайлович Щербатов; знаменитый трагедιοграф-классицист Александр Петрович Сумароков; будущий столп масонства русский военный историк Иван Перфильевич Елагин, несколько представителей Голицыных, Чернышевых и др. Что влекло в масонство этих людей?

И.П. Елагин, вступивший в ложу в 1750 году и ставший позднее, с 1770 года, гроссмейстером «голубого» масонства в России, которое даже называли «елагинским», весьма сурово относился к российскому масонству той поры, когда не он возглавлял его (Иван Перфильевич вообще терпеть не мог соперников). Он заявлял, что в те времена масонство было лишь модной забавой, что сам он хотя и интересовался масонскими тайнами как средством духовного обновления (об этом чуть ниже), но более искал «людей, кои в общежитии знамениты и

стоят высоко и чинами, и достоинствами, и знаками» и могут оказаться «друзьями, споспешествующими его счастью». Он не нашел в масонстве никакой мудрости, «никакия пользы», но лишь «предметы неудобь постижимые, обряды странные, действия почти безрассудныя... символы неразумительные, катехизисы, уму не соответствующие, повести, общему о мире повествованию прекословныя, объяснения темныя и здравому рассудку противныя, которыя или не хотевшими или не знающими мастерами без всякаго вкуса и сладкоречия преподавались». Сам Елагин сначала охотно посещал ложи, «понеже работы в них почитал совершенно игрошкою, для препровождения праздного времени выдуманною», но с возрастом (он стал масоном в 25 лет, то есть, по понятиям эпохи, уже на исходе молодости) все в окружавшем его масонстве стало казаться «игрою людей, желающих за счет вновь приемлемого (то есть новопринятого члена. — Д.Х.) забавляться, иногда непозволительно и неблагоприспособно». Умели братья-масоны, опять же по словам Елагина, только «со степенным видом в открытой ложе шутить и при торжественной вечере за трапезою несогласным воплем непонятныя реветь песни и на счет ближняго хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится празднеством Бакху».

Не думаю, что всё было так уж бездарно в раннем российском масонстве. Конечно, мода, конечно, «веселие Руси есть питье», но не только. Многих в России привлекало Строгое послушание с его высшими градусами, с рыцарскими легендами. Сам

Елагин к «смешным церемониям» системы «Гундовой (то есть разработанной фон Хундом. – Д.Х.), подлинно собачьей» относился резко отрицательно, но многие россияне отзывались о ней чрезвычайно одобрительно: «Пышные церемонии рыцарства, кресты, кольца, епанчи, и родословные поколения должны были произвести великое впечатление над нацией военной, в которой одно токмо знатное дворянство работами нашими (в масонской терминологии, работы – любая масонская деятельность, от приема новых членов до самоусовершенствования. – Д.Х.) занималось... Между нами такая воинская пышность не может быть неприятною, ибо все члены наши предводили батальонами и целыми армиями! Весьма приличествуют и кресты оные особам, которые в общежитии таковыми знаками чести украшены, или которые ничего так жадно не желают как получения оных». В этом можно усмотреть тщеславие, но не только его.

Чем был недоволен сам Иван Перфильевич в первую очередь? Тем, что в масонстве времен его молодости не было «ни тени какого-либо учения, ниже преподаний нравственных». Действительно, российские масоны, во всяком случае лучшие из них, искали нравственной, духовной истины. Слом если не русской культуры в целом, то культуры русской элиты произошел при Петре I. Разрыв с прошлым осуществлялся более чем решительно, реформы проводились более чем энергично. Задачи при этом ставились вполне практические, решать их надо было быстро, и на осмысление ситуации, тем более на какие-либо духовные поиски просто не

было времени. Элита занималась делами. Но ко времени правления Елизаветы Петровны эпоха устоялась, новый быт, новые нравы – опять же среди элиты – стали не целью, а данностью. Именно тогда перед верхами российского общества встал вопрос: как жить, зачем жить? Прежние традиционные ценности были отвергнуты, в поисках новых обращались к Западу. Русское общество жадно набросилось на идеи Просвещения, но на отечественной почве они претерпели значительные трансформации. С этой точки зрения характерен пример с российским вольтерьянством. Мудрая ирония, сдержанный скепсис знаменитого фернейского старца превращались в родных пенатах в сокрушительное всеотрицание, а неприятие фанатизма, призывы к религиозной терпимости – в утверждение: «Бога нет, а значит, все дозволено». Насильно вводимая, но охотно принимаемая западная культура усваивалась весьма поверхностно, пудренные парики обрамляли мурло хама, чтение «Энциклопедии» вполне уживалось с привычками драть крепостных мужиков и портить крепостных девок.

Люди мыслящие, с чуткой совестью не могли с этим примириться, не могли примириться с распространёнными при дворе и в высшем обществе алчностью, погоней за удовольствиями, фаворитизмом, желанием «попасть в случай», подсидеть ближнего своего и т.п. Постепенно становилось ясно, что карьера – еще не всё, что жизнь не исчерпывается должностью и положением. Но возврат к старым, патриархальным ценностям был невозможен (реприза в сторону: возврат в истории вообще не-

возможен, и противоположное мнение – либо обман, либо самообман), и это понимали даже те немногие, кто, подобно князю М.М. Щербатову, видел в прошлом не только тьму невежества. Не удовлетворяло и традиционное православие (но не христианство вообще!) потому, что на нем лежала печать отвергаемой старины, так и ввиду того, что со времен петровских церковных реформ, со введением синодального устройства если не вся Церковь, то ее высшая иерархия превратилась в государственное ведомство духовных дел во главе со светским чиновником – обер-прокурором Синода.

Потому и популярен стал орден свободных каменщиков, что он предлагал своим адептам братскую любовь и священную мудрость. Истинный масон, как было сказано в одном частном масонском письме, «должен суетныя забавы, как-то: карточную игру, сладострастие в столе и сему подобное – совсем от себя отторгнуть, а наипаче в доме своем он николи не тратит драгоценнаго времени в забаве карточной или в негах столовых, но, яко истинный воин Христов, дом его есть храм, в котором он, упражняясь в познании себя и в чтении божественных книг, познает свою немощь, злодеяния свои, свое падение и грех, и непрестанно сам с собою борется и, так упражняясь и познав ничтожность свою, и что он есть падший и грешник, он упражняется кротостию, дьявольскую духовную гордость от себя отторгает и, так украшен смирением, он примером своим светит пред человеками и неизвестным братьям, не говоря, дает о себе знать, что он в числе их».

Весьма широкой была благотворительная деятельность масонов: они давали деньги для строительства больниц, приютов, стипендий для обучающихся за границей. Особо ярко проявилась филантропия российских вольных каменщиков во время голода 1787 года: московские масоны собрали огромные средства, создали целую сеть хранилищ-магазинов, бесплатно раздавали хлеб и зерно нуждающимся крестьянам, в том числе помещичьим, в селах Подмосковья.

И все же большинство масонов главным почитали иное. По словам Елагина, цель ордена – «сохранение и предание потомству некотораго важнаго таинства от самых древнейших веков и даже от первого человека до нас дошедшаго, от котораго таинства может быть судьба целаго человеческого рода зависит, доколе Бог благоволит ко благу человечества открыть оное всему миру». Это таинство есть таинство спасения, тайна «сладкаго и драгоценнаго древа жизни, котораго мы с потерянием Едема лишены стали». Эта тайна хранится в недрах масонства, но равно ее должен искать каждый масон, особенно высоких, «теоретических» градусов. С этим были согласны все направления масонства. «Елагинцы» не признавали розенкрейцеров, но истину они искали одну и ту же.

Какова эта истина? Тайное мистическое знание. Основатель российского розенкрейцерства профессор Московского университета Иван Григорьевич Шварц призывал к изучению герметических наук, первооткрывателем коих был древнейший египетский мудрец и маг Гермес Трисмегист (то есть Триж-

ды Величайший). «Герметическая философия есть мать: она основывается на знании натуры... имеет познание стихий, первой материи, улучшения металлов и пр.: итак, она в себе есть только учение о натуре, физика, алхимия». Учитель Елагина, Станислав Эли, был, по словам его ученика, «в знании языка еврейского и кабалы превосходный, в феозофии (то есть теософии. — Д.Х.), в физике и химии глубокий». Тайное знание в глазах масонов противостояло как рационализму Просвещения, так и нерассуждающей вере. Увлечение каббалистикой и алхимией знаменовало стремление к овладению силами природы, равно как и совершенствованию себя. Мы помним, что в алхимии, кроме явной цели — превращения неблагородных металлов в золото, присутствует цель преобразования самого адепта Великого Деяния, как называли алхимию. Это двойное предназначение вызывало двойственное отношение к Тайному Искусству (еще одно название алхимии). Мы видели устремление масонов разных толков к алхимии, но желание «сотворить» золото те же масоны одновременно считали проявлением алчности, что вызывало подозрение и даже ненависть к Великому Деянию. Один из столпов розенкрейцерства в России, мистик, юрист и председатель Московской уголовной палаты, впоследствии сенатор Иван Владимирович Лопухин, руководитель одной из московских масонских типографий, называл алхимиков «служителями церкви Антихристовой», но он же в своей типографии печатал алхимические трактаты. И.П. Елагин весьма презрительно относился к «мечтательному золоту», но лишь после того как

сам безуспешно пытался научиться делать золото. Наставником Елагина в Тайном Искусстве был не кто иной, как граф Калиостро, когда тот посещал Россию; трансмутация не состоялась, и все закончилось безобразной дракой между Калиостро и секретарем Елагина.

Но всеобщность знания, к которому стремились масоны, предусматривала познание всего, а не только мистики, каббалы и алхимии. В немецком трактате середины XVIII века «Теоретический градус Соломоновых наук», имевшем широчайшее хождение и чуть ли не нормативную силу у российских розенкрейцеров, говорилось: «Тот есть философ, который всеми образы старается Бога, своего Творца, самого себя и натуру познавать и ея столь различные действия испытывать». Еще раз повторим: не только и даже, видимо, не столько каббалистика интересовала масонов. И.Г. Шварц, преподававший, среди прочего, историю искусств в Московском университете, заявлял: «Человек, скитающийся по полям без просвещения... мало способен к восприятию истины».

Отсюда важная особенность российского масонства, прежде всего розенкрейцерства. Именно Рыцари Розы и Креста были главным орудием Просвещения в России, а не осуждаемые (но печатаемые) ими вольтерьянцы и «энциклопедисты». В 1779 году И.Г. Шварц и Н.И. Новиков учредили в Москве «Дружеское ученое общество», которое должно было заниматься «изданием полезных книг, помогать отцам в воспитании детей и поощрять к образованию молодых людей». Новиков,

вступивший в орден в 1775 году, находясь, по его собственным словам, на распутье между вольтерьянством и религией (видимо, в масонстве он и нашел искомый синтез), в 1781 году – по просьбам и на средства братьев – взял в аренду типографию Московского университета. Она стала одной из лучших в Европе и к 1788 году издавала 41% всей книжной продукции России. В 1783 году Новиков при своей книжной лавке создает первую в России публичную библиотеку, тогда же в Москве функционируют уже три явные и одна тайная масонские типографии (не могли братья без секретов), две созданные масонами «семинарии» (педагогическая и переводческая) – нечто вроде курсов повышения квалификации для неимущих студентов Университета (в семинариях обучались 50 человек), многие из которых на деньги братьев продолжали обучение за границей. В 1784 году из Дружеского общества выделилась акционерная Типографическая компания в составе 14 человек, 12 из которых принадлежали к масонству. Душой компании был Новиков, и он же стал причиной (поводом?) и главной жертвой гонений на масонов.

Елизавета Петровна относилась к масонам спокойно, равно как и Петр III, друг и поклонник коронованного масона Фридриха II Прусского, основавший ложу в Ораниенбауме и пожаловавший дом в Санкт-Петербурге для ложи Согласия. Весьма благосклонно (длительное время) взирала на масонов и Екатерина II. Конечно, тайное общество вызывало интерес полиции, но скорее лишь по скучной полицейской обязанности. Впервые масоны удостоились

пристального внимания самой государыни в 1764 году. После неудачной попытки В.Я. Мировича освободить из крепости Иоанна Антоновича, при обыске на квартире поручика Великолуцкого полка Аполлона Ушакова, единственного соратника Василия Яковлевича, полиция обнаружила отрывки из масонского катехизиса (кстати, это была первая франкмасонская рукопись на русском языке), сделанные рукой Ушакова. Но установить связи заговорщиков с масонами не удалось, тем более что сам Ушаков погиб в результате несчастного случая накануне попытки освободить свергнутого и заточенного императора, так что задавать вопросы было некому. Впрочем, последствий для масонов этот эпизод не имел.

Гонения на них начались позже. Обычно это, и не без основания, связывают со страхами Екатерины II перед социальными и политическими потрясениями: пугачевщиной и Французской революцией (точнее, ее влиянием на Россию). Мы не оспариваем наличие этих страхов у государыни, но преследования масонов начались в 1785 году, когда пугачевский бунт давно закончился, а Революция еще и не думала начинаться. Масоны занимали определенную критическую позицию по отношению к правящим верхам (более в смысле нравственном, нежели политическом), но политикой как таковой они либо вообще не интересовались, подобно Елагину, либо придерживались весьма консервативных взглядов. О Французской революции И.В. Лопухин отзывался так: «Равенство! Свобода буйная! мечты, порожденные чадом тусклого светильника лжемудрия, рас-

пложденные безумными писаниями нечестивых татей философского имени, адским пламенем стремящихся отвращать взор человеческий даже от тени пресветлаго Софиина лица». Он же отрицал полезность уничтожения крепостного права: «По сие время в России ослабление связи подчиненности помещикам опаснее нашествия неприятельского». Российских масонов обвиняли в склонности к мартинизму, что было верно, но, во-первых, и европейские мартинисты, при всем их радикализме, не стремились воплощать его в жизнь, а во-вторых, и это главное, российские мартинисты были вне политики и сосредотачивались на идее маркиза Сен-Мартена об «отпадении» от Бога как причине всех бед и искали способы преодолеть это «отпадение» на путях филантропии и каббалистики.

Еще одной причиной гонений на масонство историки считают личное нерасположение Екатерины II к Новикову. Издатель и автор сатирических журналов «Трутенъ», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», он нападал на окружение Екатерины, позволял себе даже критиковать ее действия. Впрочем, критика эта не была радикальной. Вот пример оценки внешнеэкономической политики правительства: «За вещи галантерейныя, имянно черепаховые гребни, табакерки, ленты и чулки, расплачиваются разными домашними безделицами, как-то: пенькой, железом, юфтью (обработанной кожей. — Д.Х.), салом, свечами, полотном...». Вряд ли это могло очень сильно возмутить императрицу, куда более сильное впечатление на нее могли произвести личные выпады. В написанном в конце 80-х годов XVIII века рассказе «Седина

в бороду, а бес в ребро» Новиков выводит некую даму, «которую морщины и седые волосы достаточно обезобразили, но искушением беса ей все казалось, будто она в 18 лет. Наряды, румяны и белилы занимали всю ее голову, она не думала о должностях своих... ей беспрепятственно мечталось, будто молодые мужчины ею пленяются, вздыхают по ней и гоняются всюду за нею...». Конечно, 60-летняя государыня, сочетавшая в себе буйную плотскую страсть к молодым людям с сентиментальными мечтами о чистой любви оных юношей к ней, узнала себя и пришла в ярость.

И все же личной неприязнью можно объяснить лишь то, что именно Новиков стал тем вольным каменщиком, на которого обрушились самые суровые репрессии. Причины же изменения прежде терпимого отношения к масонству со стороны Екатерины в другом – в политике, но не в политике в европейском смысле (то есть публичной борьбе взглядов и устремлений), а в смысле российском – подковерной драке близ трона. Не бунта и не революции более всего страшилась государыня, но заговора. Не имея никаких прав на престол, она пришла к власти путем переворота, перешагнув через труп мужа, против всех законов отстранив от власти сына, а потому боялась, что то же может произойти и с ней. Главная опасность виделась ей – совершенно основательно – в наследнике престола цесаревиче Павле Петровиче, за которым, за его окружением, его связями, она установила постоянную слежку. Павел, ненавидевший мать, недопускаемый к государственным делам, практически запертый в Гатчине, че-

ловец, кстати сказать, по натуре весьма привязчивый, нуждался в друзьях и помощниках. Товарищ его детских игр, князь Александр Борисович Куракин, всячески зазывал в братство своего высокопоставленного друга. Мы не знаем, был ли Павел Петрович масоном: много косвенных свидетельств указывает на то, что он тайно вступил в ложу между 1777 и 1779 годами, но прямых доказательств этого нет. Все это не укрылось от глаз императрицы, и в 1782 году князь Куракин был сослан в свое саратовское поместье. Масоны все же продолжали возлагать надежды на престолонаследника. Когда в том же 1782 году Россия была объявлена особой провинцией Строгого послушания, пост великого провинциального мастера был оставлен вакантным в надежде, что его займет цесаревич. В 1784 году «Магазин вольнокаменщический» опубликовал оду в его честь, написанную, по всей видимости, И.В. Лопухиным. Несмотря на весьма льстивое упоминание там государыни (наследник именуется «богини русской сын»), рефрен — «Украшенный венцом//Ты будешь нам отцом», намекавший на грядущее воцарение Павла, — показался ей зловещим. Первый, пока не очень сильный удар был нанесен в 1785 году. Центр масонской жизни находился тогда в Москве, общественная деятельность масонов была связана с Типографическим обществом. Екатерина придралась к выпущенной в том же году «Истории ордена иезуитов», весьма критической по отношению к «Обществу Иисуса» (сама Екатерина к иезуитам благоволила, и в России этот орден, тогда запрещенный папством, существовал открыто), и по-

велела полиции произвести обыск в книжной лавке Новикова, а митрополиту Московскому Платону – дать оценку найденным там книгам и испытать Новикова в Законе Божьем (государыня, видно, усомнилась в православии «отца российского Просвещения» из-за его слишком критического отношения к католическому монашескому ордену, созданному для борьбы с протестантизмом, к которому в молодости принадлежала Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, в православном крещении – Екатерина Алексеевна). Платон высоко оценил истинно православное благочестие Новикова, ряд книг из его лавки признал полезными и просветительскими, ряд (труды энциклопедистов) – вредными, а относительно большинства отговорился незнанием розенкрейцерских «материй». В итоге императрица запретила шесть книг, повелела не переиздавать и не продавать еще 16, на чем, казалось, дело и закончилось.

Но в 1786 году великий русский архитектор, вольный каменщик Василий Иванович Баженов, сблизившийся с Павлом во время строительства Каменноостровского дворца для наследника, привез цесаревичу из Москвы масонские книги. В том же году были запрещены масонские школы и больницы. В 1787 году контакты между вольными каменщиками и престолонаследником продолжались и даже усилились, и тогда же Екатерина запретила в светских типографиях печатать духовные книги, что нанесло финансовый ущерб Типографическому обществу. В 1791 году – тут, конечно, уже стал сказываться страх перед начавшейся во

Франции революцией – это общество было запрещено.

В 1792 году Новиков был арестован, причем для ареста этого старого, больного, только что перенесшего смерть любимой жены человека московский главнокомандующий (генерал-губернатор) князь Александр Александрович Прозоровский отрядил отряд кавалерии. Отряд сей вторгся в дом Новикова в подмосковном селе Авдотьино с таким шумом и грохотом, что младшая дочь его на время потеряла дар речи и до конца дней своих заикалась (московский обер-полицмейстер Теплов заявлял, что он для задержания этого «скрюченного геморроем и рюматизмом старикашки» послал бы одного околоточно-го). Новикова допрашивал сам глава Тайной канцелярии Шешковский, знаменитый кнутабойца. К делу были привлечены и другие московские масоны, в том числе князь Никита Никитич Трубецкой, Иван Петрович Тургенев, Лопухин. Основная тяжесть наказания пала на Новикова, он был приговорен к 15 годам заключения в крепости. Остальные отделались легким испугом: Трубецкой и Тургенев были сосланы в свои поместья, Лопухину разрешили остаться в Москве, но без права посещения Санкт-Петербурга. Худшая участь выпала на долю двух совершенно непричастных к делу студентов, обучавшихся за границей на деньги Дружеского общества: их вызвали на родину, должны были приговорить к ссылке в Сибирь, но один умер в больнице во время следствия, а другой, М.И. Невзоров, попал в дом умалишенных (позднее он вышел оттуда и стал видным масонским деятелем). Ложи вольных каменщи-

ков были распущены. Суть дела лучше всего видна из указа Екатерины II от 1 августа 1792 года. Четвертый пункт этого указа гласил: «Они (масоны. – Д.Х.) употребляют разные способы, хотя вотще, к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы. В сем уловлении, так и в упомянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником».

В 1796 году «известная особа» стала императором Павлом I. Российское масонство ликовало. Действительно, Павел освободил из Шлиссельбургской крепости Новикова, разрешил Лопухину пребывание в столице, отменил ссылку Куракина, Трубецкого, Тургенева. Но радость масонов была недолгой. По не очень достоверным сведениям, Павел во время коронации в Москве встречался с масонским руководством. По одной версии, он заявил, что ввиду опасных событий во Франции возрождать масонство преждевременно, по другой – сами масоны просили его повременить. В любом случае, ложи открыты не были. Новикова отправили в его имение под надзор, Лопухина послали в Москву сенатором с запрещением покидать первопрестольную.

«Заслугу» в подобной перемене взглядов императора приписывал себе один из его ближайших приближенных – граф Федор Васильевич Растопчин (или Ростопчин – написание фамилии не устоялось), одна из самых отвратительных фигур в российской истории. Близкий к цесаревичу человек при Гатчинском дворе, он сохранял прекрасные отношения с Екатериной (ходили слухи, что он был ее шпионом, но только слухи); ненавидел французов – и револю-

ционеров, и эмигрантов. При этом он изъяснялся только по-французски (безграмотные псевдопатриотические «растопчинские афишки» принадлежат, по мнению некоторых исследователей, перу его секретаря); с грацией престарелой политической кокетки он то брал на себя вину за пожар Москвы, то отрекался от этого; будучи московским главнокомандующим, не смог организовать эвакуацию жителей Москвы в 1812 году и пытался свалить вину за собственную административную бездарность на Кутузова, против которого беспрерывно интриговал (за характеристикой этой персоны лучше всего обратиться к тем страницам «Войны и мира», где описывается инспирированная Растопчиным расправа над купеческим сыном Верещагиным).

В 1811 году Федор Васильевич вспоминал (воспоминаниям его, впрочем, не всегда можно верить), что в 1796 году он, уединившись с императором в карете, открыл тому глаза на дьявольскую сущность масонов, на их приверженность идеям Французской революции, на их желание убить Екатерину (и это тоже возмутило Павла?), причем исполнителем приговора должен был стать Лопухин (любой знавший мечтательного Ивана Владимировича сказал бы, что это невозможно) и т.д. и т.п. Навет якобы возымел свое действие, и Павел удалил от себя Лопухина и Новикова. Рассказ свой об этом событии граф Растопчин заканчивает следующим весьма характерным для его личности пассажем: «Неудивительно, что в его (Павла. — Д.Х.) мнениях произошла такая скорая перемена: существует класс людей и род услуг, которые нравятся наследникам

престола до их воцарения, но от которых они отворачиваются после, даже наказывая тех, кто казался необходимым, а потом в награду получает одно только презрение». И эту язвительную инвективу в адрес неблагодарного государя высказывает тот, кто обязан ему абсолютно всем; и это брезгливое сочувствие к прежним друзьям Павла, пострадавшим некогда за него, выражает тот, по чьему небескорыстному (они же конкуренты в близости к самодержцу!) доносу они и были изгнаны из столицы.

По мнению авторитетных историков, Растопчин преувеличил свою роль. Павел мог поверить ему и изменить мнение о прежних друзьях, ибо он плохо разбирался в людях: «последний рыцарь», восстановивший рыцарский орден, утвердивший (безуспешно, кстати) кодекс рыцарской чести, он приблизил к себе Аракчеева, который менее всего походил на рыцаря. Всю жизнь мечтавший о верных друзьях, Павел подверг опале преданнейшего ему с детских лет князя Николая Владимировича Репнина (тоже, кстати, масона) за невинное замечание о погоде (князь Репнин на парадном разводе, где обязаны были присутствовать все высшие придворные чины, пожаловался на холод, а император усмотрел в этом критику его распоряжений). Беспреданно боявшийся заговоров, он безоговорочно доверился графу Петру Алексеевичу фон дер Палену, будущему своему убийце. И все же дело не в этом. Государственным идеалом Павла был духовно-рыцарский орден, разве что без обета безбрачия, орден, где власть великого магистра абсолютна и повеления его не оспораживаются (некоторые отечественные историки на-

зывают эпоху его правления «рыцарским самовластьем»). Именно этим можно объяснить его – почтавшуюся многими современниками признаком сумасшествия – авантюру с Мальтийским орденом: православный женатый государь возглавляет католический военно-монашеский орден, куда по уставу не допускаются светские владыки. Вольности екатерининского времени, екатерининские вельможи, свободные в выдвижении и осуществлении инициатив, равно как и в обращении с государственными финансами, личное достоинство, равно как и личные пороки оных «екатерининских орлов», – все это было ненавистно Павлу. На замечание одного посла, что некий придворный – значительная персона, Павел отвечал: «В России только одна значительная персона – тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю». Единственный император, единственный орден, единственная персона – на фоне всего этого любым иным сообществам просто не могло быть места, как не было места гражданским сюртукам и круглым шляпам, ибо за ношение сих символов «жакобенства» можно было попасть в Сибирь. (Мне бы не хотелось мазать действительно трагическую фигуру Павла I черной краской, но я ведь не пишу его историю, а лишь рассказываю о причинах такого отношения императора к масонству.)

Недолгое царствование Павла оборвалось «делом 11 марта». Убийство государя вызвало взрыв энтузиазма в российском обществе. «Но кто же в России оплакивал смерть императора Павла?» – риторически вопрошал Карамзин, сам, кстати, масон с 1785 года (позднейшая антимасонская пропаганда

винила вольных каменщиков в организации убийства самодержца, хотя серьезных оснований для этого нет). Наступило «дней Александровых прекрасное начало».

Это «прекрасное начало» было таковым и для масонов. Почти вся эпоха правления Александра I стала для них золотым веком. Государь, обуреваемый идеями добра и братства, мучимый совестью за соучастие в убийстве своего отца и потому склонный к мистике, но нецерковной, весьма благоволил вольным каменщикам. Однако особенности характера и политики этого умного, обаятельного, доброго, склонного к прогрессивным реформам, непостоянного, двуличного, нечестного, влюбленного в собственную власть – словом, этого сложного человека сказывались и на судьбах масонства.

Масонство было разрешено, но когда и как – точно неизвестно, ибо даже государственные свои повеления император обожал скрывать или передавать частным образом, а то и намеком (достаточно вспомнить историю с завещанием Александра, по которому трон передавался Николаю в обход Константина; оно было написано и передано на хранение в Сенат и Синод, но не оформлено официально, и даже сам факт его существования являлся государственной тайной).

По одной версии, секретарь одной из лож екатерининского времени Иван Владимирович Бебер добился в 1803 году аудиенции у государя, рассказал ему о масонстве, заверил самодержца в том, что вольные каменщики – «подданные верные, неколебимо преданные государю и отечеству». После это-

го Александр якобы заявил: «То, что вы говорите мне о масонстве, обязывает меня не только оказать ему покровительство, но и просить принять меня в число франкмасонов». После этого государь разрешил то ли масонство вообще, то ли возглавлявшуюся Бебером Великую Директориальную ложу Владимира к порядку и даже, вроде бы, сам вступил в нее (последнее не подтверждается документами и представляет собой, видимо, масонскую легенду).

По другой, более скромной версии, в 1804 году государь дал согласие на открытие в Риге общества «Евфония» («общества, клубы или ложи, буде не предпринимают ничего противного законам, не должны быть возбраняемы»). Узнав об этом, масон екатерининского времени и бывший директор канцелярии рижского губернатора Александр Сергеевич Сергеев обратился через столичного главнокомандующего (генерал-губернатора) к императору с прошением разрешить деятельность ложи Александра Благотворительности к коронованному Пеликану и получил в начале 1805 года ответ, что «Его Величеству сие не противно». Предположительно, общего закона о разрешении масонства не было вообще, но монарх в каждом конкретном случае давал разрешение на деятельность лож либо, скорее, не запрещал таковую.

Так или иначе, ложи действовали весьма активно, создавались одна за другой, и не все просили об утверждении; в ложи вступали сливки общества, цвет аристократии, в частности великий князь Константин Павлович. Ложи конфликтовали между собой, одни масоны придерживались филантропического на-

правления, другие – среди них знаменитый Иван Алексеевич Поздеев, послуживший прообразом Осипа Алексеевича Баздеева из «Войны и мира», – предавались «Соломоновым наукам». Не все в масонской деятельности шло так уж гладко. Мартинист новиковского круга Александр Федорович Лабзин еще в 1800 году, то есть при Павле, основавший втайне в Петербурге ложу Умирающего Сфинкса, в январе 1806 года стал издавать мистический журнал «Сионский вестник», но уже в сентябре тот был запрещен. В том же году граф Грабянка основал масонское общество «Народ Божий» с целью «возвещать по повелению Божию второе и близкое пришествие Господа Иисуса Христа и славного Его царствования на земле и приуготовлять смиренные и верные души для приближающегося Царства Божия». В обществе этом существовала особая «корреспонденция с Небом»: путем «экстатических» пророчеств требовалось «погружение себя всецело в созерцательное состояние», в коем «все наивысочайшая, все наисокровеннейшая таинства... легко открыты быть могут». Грабянка привлек в общество многих видных розенкрейцеров, в частности Лабзина, сочетавшего любовь к просвещению со стремлением к «экстазису», но вызвал недовольство других Рыцарей Розы и Креста, обвинявших главу «Народа Божьего» в том, что он в своем обществе практикует не белую, Божественную, а черную, дьявольскую магию. Грабянка в 1807 году был арестован и ненадолго посажен в крепость, а общество его распущено.

В александровские времена мистическое направление в масонстве постепенно оттесняется на

обочину, логи начинают принимать некий государственно-политический оттенок с прогрессивным налетом, что не удивительно при увлечении самого императора преобразованиями. Отблеск этот бывал прогрессивным и даже умеренно вольнодумным. Чрезвычайной популярностью пользовалась ложа Полярная звезда (некоторые исследователи ставят это название под сомнение), основанная в 1807 году немцем по происхождению, сначала католиком, потом лютеранским пастором Игнацем Аврелием Фесслером. В 1809 году он занял кафедру восточных языков и философии в Санкт-Петербургской Духовной Александро-Невской Академии, где снискал любовь студентов и ненависть преподавателей свободомыслием в религиозных вопросах. Фесслер имел сильного покровителя — великого русского реформатора Михаила Михайловича Сперанского, близкого к масонству с тех пор, когда этот будущий всесильный министр был всего лишь личным секретарем генерал-прокурора князя Куракина, друга детства Павла I. Сперанский вступил в ложу Фесслера то ли, по косвенным данным, в 1807 году, то ли, по собственному признанию, в 1810 году. По сведениям современников, он желал воспользоваться помощью Фесслера в деле воспитания русского духовенства, о просвещенности коего государственный секретарь, сам бывший некогда семинаристом, имел самые неблагоприятные представления.

И.В. Бебер видел в Фесслере соперника, всячески интриговал против него (о где ты, масонское братство?!) и всячески спешествовал тому, что в

1811 году лютеранин-профессор был лишен кафедры в Академии и сослан сначала в Вольск, а потом в Саратов (надо сказать, что Сперанский, человек огромного государственного ума, но малого личного мужества – вспомним его роль в суде над декабристами, включившими его в состав своего Временного правительства, – не противодействовал этому).

Споры внутри масонства привлекли внимание правительства. В 1810 году министром полиции был назначен генерал-лейтенант, генерал-адъютант масон Александр Дмитриевич Балашов. Он обратился к руководителям лож с особым посланием с объяснением причин, по которым правительство решило вмешаться в деятельность масонских лож: «Начальникам существующих здесь масонских обществ известно, что правительство, зная их существование, не полагало никаких препятствий их собраниям. Со своей стороны и общества сии заслуживают ту справедливость, что доселе не подавали они ни малейшего повода к какому-либо на них притязанию. Но неосторожностию некоторых членов, взаимными лож состязаниями и некоторою поспешностию к расширению их новыми и непрестанными приятиями, бытие сих обществ слишком огласилось. Из тайных они стали почти явными и тем подали повод невежеству или злонамеренности к разным на них нареканиям. В сем положении вещей и дабы положить преграду сим толкованиям, правительство признало нужным войти подробнее в правила сих обществ и удостовериться в тех основаниях, на коих они могут быть терпимы и покровительствуемы». Ложам предлагалось прекратить на год прием но-

вых членов и сдать на просмотр свои уставные документы и списки членов. Для оценки указанных документов и выработки общих правил организации русских масонов создавался особый комитет во главе со Сперанским. По исконной российской традиции проверка должна была проводиться секретно. Балашов в своем письме требовал, «чтобы сношения с начальниками лож, от правительства устанавливаемых, были сохранены каждым из них лично в совершенной тайне не только для публики, но и для членов самих лож». И далее масон-министр грозил своим собратьям: «Всякое о сем разглашение обратится в сущий вред самим сим обществам».

Ко времени деятельности комитета Сперанского относится изумительная анонимная (некоторые историки предполагают, что автором ее был сам Балашов, другие категорически отрицают эту гипотезу) докладная записка на высочайшее имя. В ней говорилось:

«Я счел долгом представить Вашему Величеству некоторые мысли относительно тех мудрых мер, которые Ваше Величество предполагаете употребить для устройства масонства. Они кажутся мне способными обеспечить успех Ваших намерений.

Хорошее устройство масонства в Империи должно принести две существенные выгоды:

1) Оно должно остановить увеличение испорченности нравов, устанавливая добрую нравственность, утвержденную на прочном основании религии.

2) Оно должно воспрепятствовать введению всякого другого общества, основанного на вредных началах, таким образом образовать род постоянного,

но незаметного надзора, который, по своим тайным сношениям с министерством полиции, доставил бы ему, так сказать, залог против всякой попытки, противной предполагаемой цели.

Чтобы установить это устройство способом верным, необходимо следовать двум началам, которые неизбежно приведут к желаемому результату:

1) Сколько возможно, скрывать действия полиции в ее присмотре так, чтобы не только публика вообще или те, кто пытался бы вводить эти вредные начала, не подозревали этого надзора, но чтобы самые члены лож оставались в неведении, что они находятся под присмотром или покровительством правительства, и чтобы только начальники ордена участвовали в этой тайне.

2) Установить масонство в первоначальной его чистоте. Все то, что могли прибавить к нему в некоторых странах отделенные обстоятельства, чуждые цели Вашего Величества, должно быть рассматриваемо как подробности, чуждые для нас и которые легко отделить от существенной части. Когда устройство этого ордена будет очищено и утверждено таким образом, было бы необходимо образовать центр соединения, к которому примыкали и где сходились бы все учреждения этого рода, какие могли бы образоваться внутри Империи, в каком бы то ни было месте.

Эти учреждения сделались бы и единственным предохранением противу зла, которое могло бы проникнуть в страну путями, удаленными от присмотра, установленного в столице, и сделались бы удобным надзора для общей полиции, которое трудно

было бы заменить каким-нибудь другим средством. Этим центром соединения была бы ложа-мать, основанная в столице.

Всякая другая ложа, не учрежденная этой ложею-матерью, не должна быть терпима.

Эти меры, Государь, проводимыя благоразумно и в тайне, обеспечили бы успех предположенного плана, так что намерение Вашего Величества было бы совершенно исполнено».

Изумительный документ! Во многих странах масонов запрещали, отлучали от Церкви, преследовали, создавали соперничающие псевдомасонские сообщества, им покровительствовали власти и многое иное, но до превращения вольных каменщиков в официальное тайнополицейское государственное учреждение по распространению добродетели и недопущению зла, общество, «первоначальная чистота» коего определяется соответствием целям правительства, — до этого додумались только в России!

На основании этой докладной записки в 1811 году были приняты (но не обнародованы, естественно) основные правила для масонства в России. Ложки делились на терпимые и нетерпимые. Воспрещались: «1) те общества и собратства, коих главныя или побочныя занятия состоят в том, чтобы с какою бы то ни было целью рассуждать о предполагаемых в государственном правлении переменах или о средствах, коими могут быть осуществлены эти перемены, или о мерах, уже предпринятых с этой целью; 2) в коих безвестным начальникам обещают послушание клятвою или поднятием руки, словесно, письменно или каким бы то ни было образом;

3) в коих известным начальникам обещают неограниченное послушание, не исключая даже всего, относящегося к государству и нравственности; 4) кои требуют обета молчания относительно тайн, открываемых сочленам; 5) кои имеют тайную цель или которая для достижения известной цели употребляют тайные средства или сокровенные таинственные иероглифические формы».

Единственно разрешенной ложей-матерью оказывалась Великая Директориальная ложа Владимира к порядку во главе с Бебером, остальные должны быть ей подчинены. Начальникам лож вменялось в обязанность ежегодно подавать министру полиции списки всех членов с указанием возраста, звания и занимаемой должности. Заседания лож могли производиться лишь с разрешения того же министра, всякие иные собрания запрещались под угрозой штрафа. Грозил наказанием и тем, кто будет способствовать учреждению неразрешенных обществ, предоставит свой дом для их заседаний или, зная о существовании таковых, не донесет о них властям. Если общество нарушало правила, соблюдая которые оно могло быть терпимым, то оно подвергалось запрету.

В описываемый момент эти строгости масонов не беспокоили, как не смутило и падение Сперанского в марте 1812 года, тем более что Бебер весьма его недолюбливал за протекцию Фесслеру. Еще в январе того же года Великая Директориальная ложа приняла устав. В первом его отделе «О должностях к Богу и религии» говорилось: «Исповедуй на всяком месте божественный закон Христа Спасителя и не

стыдись никогда, что ты ему принадлежишь. Евангелие есть основание наших обязательств, ежели ты ему не веришь, то ты не каменщик».

В третьем отделе «О должности к государю и отечеству»: «Твоя первая клятва принадлежит Богу, вторая отечеству и государю. <...> Чувствительный человек! Ты чтишь родителей своих, чти равно с ними и отцов государства. Они суть особы, представляющая Божество на земле сей. Если они ошибаются, сами они отвечать будут пред Судьею царей; но твое собственное рассуждение, почасту несправедливое, не может уволить тебя от повиновения. <...> Обнажи со рвением все способности твои для великого блага, блага отечества. Ежели когда-нибудь не исполнишь ты сей священной должности, ежели сердце твое не будет более от радости трепетать при нежном имени отечества и государя твоего, то каменщики извергнут тебя из недра своего, яко противника общего порядка, яко недостойного быть участником в преимущественных выгодах такого общества, которое заслуживает доверенность и уважение государей, потому что любовь к отечеству есть одна из главнейших его пружин и что, ревнуя сделать лучшими граждан, требует оно, чтобы дети его с величайшею отличностью и по чистейшим побуждениям исполняли государственные должности».

Верноподданнические намерения не исключали, однако, идей свободы и равенства. Восьмой отдел «О должности к братьям»: «В бесчисленной толпе существ, населяющих сию вселенную, ты признал каменщиков братьями своими, не забывай никогда, что всякий каменщик, какого бы исповедания

христианского, какой бы страны или состояния ни был, простирая тебе десную свою, символ братской свободы, имеет священные права в твоей помощи и дружбе. Обет природы был равенство, но человек нарушил скоро оный. Каменщик восстанавливает первобытные права человеческого племени, он не жертвует никогда народным предрассудкам и священный узел сравнивает здесь все состояния».

Сочетание официального, государственного и неподдельного личного патриотизма, идей всечеловечности и привязанности к родине, любви к государю и к свободе наиболее ярко проявилось во время Отечественной войны 1812 года. Масоны принимали активное участие в устройстве госпиталей, в организации помощи беженцам. Многие из них участвовали в сражениях. Устраивались даже особые походные ложи. Масонская литература тех лет пестрит высказываниями типа: «Звание гражданина мира не избавляет нас от любви к отечеству». Наполеон представляется как символ ужасов войны, как враг свободы, Александр же воспевается как «царь Россов, кроткий ангел мира». Кумиром масонов в те годы был М.И. Кутузов, масон с 1779 года. На траурном заседании Великой Директориальной ложи, посвященном кончине Кутузова, говорили, что он был воплощенным масонским идеалом: миролюбец, он видел в войне лишь крайнее средство для достижения мира, никогда не спешил обнажать оружие, но, раз сделав это, не вкладывал его в ножны до полной победы над врагом.

Излишне рассказывать о том, что после победы над Наполеоном пути общества и государства стали

расходиться. Патриотизм приобретал общественную, даже оппозиционную (изначально довольно умеренную, да и то далеко не у всех) направленность. Достаточно вспомнить знаменитое высказывание декабриста Никиты Михайловича Муравьева: «Мы – дети 1812 года».

Государь же явно стремился изгладить из памяти тот образ царя-республиканца, который он создавал в молодости. Он еще кокетничал с мадам де Сталь, заявлявшей, что России не нужна конституция, что Александр сам есть лучшая конституция для своей страны: «Мадам, но даже и в этом случае я всего лишь счастливое исключение». Он мог в 1818 году даровать конституцию Польше и отменить крепостное право в Остзейских губерниях (в современной Прибалтике), но реформаторское рвение его все более и более слабело. Александр не желал ограничивать свою власть еще и потому, что ему чрезвычайно кружила голову слава: «...волею вещей// Мы оказались в Париже,// А русский царь – царем царей». Кроме того, Александр Павлович очень устал, его мучили приступы меланхолии, он считал, что реформы проводить не стоит: «некем взять», как говорил он сам, да и все одно ничего не выйдет. Его непрестанно мучили совесть (отцеубийца!) и страхи. В 1816 году был создан Союз спасения, в 1818 году – Союз благоденствия, организации будущих декабристов. В 1820 году сформированная при активном участии Александра система устройства после наполеоновской Европы дала трещину: вспыхнули революции в Испании, Португалии, Неаполе. Тогда же взбунтовался доселе вернейший из верных Се-

меновский полк. Государь отказывался от преобразований, либеральных друзей юности сменил Аракчеев. Все более он искал утешения в мистике, сначала внецерковной – в Библейском обществе, у духовидицы госпожи Крюденер, но все большее влияние на него начинал оказывать архимандрит Фотий, «безжалостный ханжа», «вертлявый монах», по определению российского историка великого князя Николая Михайловича; Фотий был страстным ненавистником масонства.

Конечно, все это влияло на отношение Александра к масонству. После войны 1812 года в ложах все более отчетливо начинал проявляться дух времени. Туда устремились мыслящие и свободолюбивые люди: Грибоедов, Чаадаев, Пушкин. В ложах стали рассуждать «о предполагаемых в государственном правлении переменах». Среди будущих декабристов масонов было не менее 24 человек. Рылеев, Пестель, братья Муравьевы-Апостолы призывали использовать ложи для пропаганды своих антиправительственных взглядов. Клятва масонов – «без содрогания и жалости жизнь свою отдать за распространение идей человечности и законности» – звучала по-новому и зловеще для императора. Первого (13 по новому стилю) августа 1822 года все тайные общества, включая масонские, были запрещены.

На этом, собственно, и заканчивается первый период истории российского масонства. Некоторое время ложи еще продолжали существовать втайне, так что Николай I в 1826 году был вынужден подтвердить их запрет. До нас дошли документы более позднего времени, в которых братьев призывали

ожидать снятия запрета и ни в коем случае не возобновлять деятельность самовольно. Николай I не остерегался масонов, на следствии по делу декабристов их связи с масонами специально не расследовались (современные историки доныне спорят о том, насколько идеи свободных каменщиков повлияли на декабристское движение). Государь даже не побоялся приблизить к себе масона с 1804 года, члена ложи Соединенных Друзей (в ней же некогда состоял великий князь Константин Павлович) Александра Христофоровича Бенкендорфа, сделав его шефом жандармов. Отдельные масонские общества еще бытовали в провинции, занимаясь благотворительностью, но понемногу угасали. Возрождение масонства пришло с другой стороны, если это можно назвать возрождением, а не новым рождением.

Между конституцией и революцией: новое российское масонство до 1917 года

Прежнее российское масонство сначала строилось по английским образцам, потом возобладали немецкие и шведские системы Строгого послушания. Это было масонство филантропическое и «теоретическое». Новое масонство по своим корням являлось французским и в первую очередь политическим. Впрочем, и неполитическое или во всяком случае объявлявшее себя неполитическим масонство также появилось из Франции. В 1890 году врач, гипнотизер, теософ, блестящий знаток и популяриза-

тор оккультизма, член (с 1887 года) Верховного Совета Ордена Розы и Креста Жерар Энкокс (чей псевдоним — доктор Папюс — известен всем нынешним любителям тайных знаний), основал Орден мартинистов (можно считать твердо установленным, что, несмотря на многочисленнейшие рассказы о тайном обществе ужасных мартинистов, врагов христианства и престолов, такого общества до указанного времени не существовало). В этом ордене было не так уж много от первоначальных идей Мартинеса Паскуали и маркиза Сен-Мартена, но зато весьма немало каббалистики, эзотерики и т.п., что, как мы помним, было не чуждо и российским мартинистам и розенкрейцерам. Папюс считал своим учителем Филиппа Низье Антельма Вашо, крестьянского сына, целителя и гипнотизера, более известного под прозвищем мэтр Филипп Лионский. Вместе с ним он посетил в 1900 году Россию с чтением лекций по оккультизму (Папюс еще дважды приезжал сюда — в 1905 и 1906 годах). Здесь оба наставника в тайноведении познакомились с «черногорками», как их называли в нашем Отечестве, дочерьми князя Николая Черногорского, Анастасией и Милицей, супругами внуков Николая I, великих князей Николая Николаевича-младшего и Петра Николаевича (роль «черногорок» в истории России здесь, разумеется, не рассматривается). С их подачи Николай II и императрица Александра Федоровна познакомились с Филиппом Лионским в 1901 году, во время посещения ими Франции, и тогда же полуграмотный гипнотизер был приглашен в Россию (не имея медицинского образования, он был лишен права практиковать

во Франции, но Россия не Франция, и государь повелел сделать его военным медиком). Филипп оказывал большое влияние на императрицу, что вызвало неудовольствие многих высших сановников и некоторых членов императорской фамилии (позднее Папюса и особенно Филиппа называли предшественниками Распутина), императорскую чету завалили доносами на этого «масонского ставленника», но впечатлительная царица весьма благоволила к целителю. Дело в том, что Николай и Александра очень переживали из-за отсутствия у них наследника (дело, напомним, происходит в 1901 году, когда у них только что родилась четвертая дочь, Анастасия, легенда о чудесном спасении которой доныне бродит по миру). Филипп предсказал скорое рождение сына, Александра Федоровна даже почувствовала в начале осени 1902 года признаки беременности, но оказалось, что это чисто нервное явление, и неудавшийся прорицатель в октябре 1902 года был изгнан из России, хотя, судя по некоторым частным ее письмам, государыня продолжала чтить мэтра даже после его смерти в 1905 году.

Несмотря на фиаско Филиппа, Орден мартинистов пустил корни в России. Созданный в 1906–1907 годах, он несколько раз распадался и возродился в 1910 году, когда его возглавил гипнотизер и хиромант, жулик и мистик граф Чеслав Иосифович Чинский. Орден издавал оккультную литературу, выпускал весьма любопытный журнал «Изида», где публиковались статьи, в том числе и чисто научные, по истории мистики, алхимии и т.п. В 1911 году Ч.И. Чинский был за участие в финансовой афере

сослан под гласный надзор полиции в свое имение, а накануне Первой мировой войны переехал в Варшаву, где перед самой германской оккупацией, по свидетельству современника, «во время усиленных магических действий лишился рассудка и был помещен в лечебницу для душевнобольных».

Еще один орден мистического направления стал создаваться в России в 1910–1911 годах, и истоки его также находились во Франции. Там в 1890-е годы некий «сириец Алкаест» (кто скрывался под этим псевдонимом, был ли он действительно уроженцем Сирии – неизвестно; слово «алкаест», или «алкагест», у алхимиков обозначало всерастворяющий состав) основал Орден Рыцарей Филалет (сам Алкаест заявлял, что он лишь возобновляет деятельность Ордена филалетов, существовавшего во Франции в конце XVIII века). Этот орден на российскую почву перенесла выпускница историко-филологического факультета Сорбонны, одна из первых (а может быть, и первая) русских феминисток Варвара Васильевна Авчинникова-Архангельская, а инициатором его организации стал отставной морской офицер Николай Николаевич Беклемишев. Орден также практиковал магические занятия, проповедовал мистические учения. По ряду свидетельств, впрочем весьма ненадежных, в работе ордена принимали участие В.Я. Брюсов, Вяч.И. Иванов, Андрей Белый; утверждали даже, что к филалетам был близок А.А. Блок, и именно контакты с Рыцарями Филалет побудили его в 1912 году создать драму «Роза и Крест».

И мартинисты, и филалеты публично отрекались от политических намерений. Один из мартинистов,

М.П. Македонский, в 1914 году писал: «Думаю, что настоящее масонство, это английское начала XVIII века с тремя Иоанновыми степенями, современное же политиканствующее французское только считает себя масонством. Едва ли бы настоящие масоны стали бы политиканствовать». На деле, это было не совсем так. Мартинисты были не против контактов Папюса и Филиппа с царской фамилией, филалеты добивались (и добились) покровительства великого князя Александра Михайловича, которого многие в политических и околополитических кругах подозревали в стремлении занять место Николая II и основать младшую династию Романовых наподобие Ганноверской в Англии или Орлеанской во Франции. Лидер филалетов Н.Н. Беклемишев резко нападал на западное масонство, считая его орудием в руках политиков и революционеров, и требовал создания всеобщего единого русского Ордена вольных каменщиков, каковой в руках правительства должен был стать преградой для разрушительного западного влияния (вспомним масонство времен Александра I). Но это мистическое течение в масонстве, чуждое если не политики вообще (о влиянии на придворные круги там как раз мечтали), то общественной политики, не стало магистральным среди вольных каменщиков России начала XX века.

В середине – второй половине XIX века некоторое, не очень большое число русских за границей состояло в иностранных ложах. Наиболее яркой фигурой был анархист, поклонник Стеньки Разина, друг Гарибальди, проповедник вселенского бунта Михаил Александрович Бакунин, масон Великого

Востока Италии. Он видел в масонстве полезную для дела революции, хорошо законспирированную организацию; впрочем, не он один: вспомним, что карбонарии создавали свои венты по образцу масонских лож. Но к возрождению масонства в России М.А. Бакунин отношения не имел.

Первые попытки создания русских лож в Париже (конечной целью являлся перенос их на родную почву) связаны с именами философа, химика, профессора Коллеж де Франс Григория Николаевича Вырубова и изобретателя электрической лампочки Павла Николаевича Яблочкова. Вырубов сначала входил в ложу, подчиненную Верховному Совету, то есть примыкал к более умеренному, менее политизированному направлению в масонстве, но в 1874 году перешел в Великий Восток. Яблочков в 1887 году основал в Париже ложу Космос, которая должна была объединить деятелей науки и искусства – выходцев из стран Центральной и Восточной Европы, в том числе русских. Но его занятость организацией русского павильона на Всемирной выставке в Париже, а потом тяжелая болезнь и возвращение в Россию привели к тому, что во главе русских масонов во Франции встали историк, социолог, юрист и политик Максим Максимович Ковалевский и социолог и философ Евгений Валентинович де Роберти.

По их инициативе в 1901 году в Париже была основана Русская высшая школа общественных наук, где с чтением лекций выступали деятели самых разных наук и искусств – от Ильи Ильича Мечникова до Максимилиана Александровича Волошина, представители самых разных политических направлений

(но только лево-прогрессивных) – от П.Н. Милюкова до В.И. Ленина. Далеко не все слушатели и преподаватели этой школы были или стали в дальнейшем масонами, хотя почти всех из них позднейшая антимасонская пропаганда зачислила в вольные каменщики – от Милюкова, не переносившего масонство как наследие не любимого им Средневековья, до Ленина, который якобы (но именно «якобы») вступил в какую-то ложу в Париже в 1902 году.

Многие будущие видные деятели российского масонства прошли через Высшую школу. Вообще, масонство было весьма популярно в русских эмигрантских кругах в Париже. Известный отечественный писатель и публицист, революционер неопределенного толка, политический эмигрант до революции 1905 года и после Октября (он покинул Советскую Россию в 1920 году), Александр Валентинович Амфитеатров вспоминал, что, во-первых, многих влекло обаяние личности М.М. Ковалевского; во-вторых, левые эмигранты жили в постоянном страхе перед высылкой в Россию и искали сочувствия и поддержки со стороны французских братьев, принадлежавших, как мы помним, к политической элите страны; в-третьих, был «интерес романтический, интерес Пьера Безухова». Романтики, впрочем, было много меньше, чем политики. Тот же Амфитеатров называл масонский ритуал «журавлиными танцами и азбукой для глухонемых» и довольно ехидно рассказывал об обряде приема в ложу (его принимали в 1904 году, вскоре после того, как эсер Е.С. Созонов при бурном одобрении всей левой общественности убил российского министра внутрен-

них дел и шефа жандармского корпуса В.К. Плеве): «Единственный обряд показался мне серьезно-ответственным. Это когда после разных фиктивных испытаний “ищущего” ставят с завязанными глазами перед собранием, из которого каждый вправе предложить ему вопрос, а он обязан ответить прямо, искренно, без обиняков и утайки. Так как в это время в ложе царит мертвое молчание, то, если бы даже удалось вам угадать вопрошающего по голосу, вы не знаете, перед какими людьми отвечаете, сколько их, может быть, вас слушает группа друзей, а может быть, когда с вас снимут повязку, вы увидите перед собою своего злейшего врага, перед которым невольно сделали признание выгодное ему и опасное для вас. Положение щекотливое. Тем более, что и вопросы предлагают щекотливые. Меня, например, после нескольких незначительных французских вопросов, кто-то спросил по-русски с легким еврейским акцентом: “Как вы относитесь к убийству Плеве? Одобряете ли его и находите ли нужным дальнейшее развитие террора?”

Отвечая, конечно, без малейшего удовольствия, думал: хорошо, как спрашивает брат-революционер, а вдруг брат-provokator...».

В России тем временем влияние масонства усиливалось. В июле 1903 года в Швейцарии состоялся подпольный организационный съезд Союза освобождения, составленного из земских деятелей либерального направления. В августе 1904 года этот Союз провел в Петербурге свой первый официальный съезд. Влияние масонов там было заметно: в руководстве Союза были видные масоны из различ-

ных лож, такие как С.А. Котляревский, А.М. Колюбакин, зверски убитый революционными матросами в 1918 году Ф.Ф. Кокошкин. Многие из них предлагали использовать для своего движения организационные формы Великого Востока. Состоявший в Союзе освобождения П.Н. Милюков вспоминал, что «из этого круга получал неоднократные и настойчивые предложения... войти в некий тайный союз». В июле 1905 года на земском съезде Е.В. де Роберти, поддержав высказанное М.М. Ковалевским общее (или почти общее) мнение масонов («гораздо действительнее писать статьи, чем бросать бомбы»), предложил обратиться к царю с петицией о предотвращении кровопролития (это, кстати сказать, вызвало приступ бешенства у Ленина). Когда после подписания Николаем II Манифеста 17 октября 1905 года начали создаваться политические партии, М.М. Ковалевский основал и возглавил Радикальную партию демократических реформ, а многие масоны, в частности уже упоминавшийся Кокошкин, позднее убитый вместе с ним А.И. Шингарев, Е.И. Кедрин, В.А. Маклаков, вошли в руководство созданной на основе Союза освобождения конституционно-демократической партии (официальное название – Партия народной свободы). Возглавил кадетов П.Н. Милюков, резко отрицательно, как мы помним, относившийся к масонству.

Пятнадцатого (28 по новому стилю) ноября 1906 года в Москве открылась первая ложа – Возрождение, за ней последовали другие. Однако распри среди лож (одни требовали подчинения Великой Ложе Франции, другие – Великому Востоку) приве-

ли к тому, что в феврале 1910 года ложи самораспустились или были закрыты по требованию и Великой Ложи, и Великого Востока, но в том же году началось создание собственной, независимой от заграничных центров общероссийской масонской организации. В 1912 году был создан Великий Восток народов России (именно на таком названии настаивали делегаты конвента Великого Востока от национальных окраин – украинцы, армяне, грузины), самый авторитетный российский орден вольных каменщиков (существовали и ложи, не входившие в него), так, кстати, и не признанный международными масонскими организациями, то есть, говоря языком масонов, «нерегулярный».

Скажем сразу, в этой организации было очень мало от классического масонства. Практически упраздняясь (или существенно упрощаясь) ритуал (отменялись обязательные символы каменщиков – перчатки и фартуки), не присваивались высокие степени (градусы) и т.д. Большинство историков называет Великий Восток народов России «думским масонством». Разумеется, не все каменщики этого послушания входили в депутатский корпус. Число братьев этого ордена было не так уж велико: по разным подсчетам, от 400 до 1600 во всей России, однако среди думцев их было 80–100 (из 450 членов этого законодательного органа), да и не депутаты были в той или иной мере близки к политической элите. Больше всего среди них было кадетов, но были и народные социалисты (например, Николай Васильевич Чайковский), меньшевики (Николай Семенович Чхеидзе), трудовики (главным среди них

был лидер их фракции с 1915 года Александр Федорович Керенский), даже запрещенные и непосредственно в Думе не представленные эсеры (в частности, член ЦК этой партии Владимир Михайлович Зензинов). Как вспоминал видный кадет и масон Мануил Сергеевич Маргулиес, масоны ставили задачу – «обволакивание власти людьми, сочувствующими масонству». Другой известный масонский деятель, соратник М.М. Ковалевского, князь Давид Осипович Бебутов говорил: «Мне казалось, при создании масонства можно было во всех центрах иметь группы, которые, разрастаясь, могли бы проникать во все отрасли государственной жизни и незаметно для самого правительства сдвинуть жизнь со стоячего болота. На масонство я смотрел как на единственное средство объединить людей разных лагерей, конечно, прогрессивных, и объединить... лишь на культурно-просветительной работе, на делах городского управления». Словам Бебутова не всегда можно верить; современники подозревали его (неизвестно, основательно или нет) в связях с полицией, он сам рассказывал, что дал известному террористу и одновременно агенту охраны Е.Ф. Азефу 12 000 рублей для покушения на Николая II, а затем – 3 000 рублей известнейшему разоблачителю провокаторов В.Л. Бурцеву, дабы тот вывел Азефа на чистую воду. Все это суть чистейшие фантазии князя Давида Осиповича.

До Первой мировой войны думское масонство, при всей своей оппозиционности режиму, не ставило задачи его насильственного изменения. Масон и социал-демократ Александр Яковлевич Гальперн

заявлял: «Стремление к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России. Политического заговора, как сознательно поставленной цели, в программе нашей работы не было, и если бы кто-либо попытался в задачи организации такой заговор ввести, то это вызвало бы протесты со стороны многих. <...> Задачи личного усовершенствования для многих тоже играли весьма значительную роль. Таких, как Чхеидзе, которые эту сторону организации совершенно не воспринимали, было очень мало. Для некоторых же эта сторона организации имела главное значение. Так, например, в Киеве преобладали в организации люди, для которых эстетические задачи стояли на первом месте». (Добавим в скобках, что в Петербурге масоны активно занимались педагогической деятельностью — при активном содействии лож и отдельных масонов создавались и функционировали Психоневрологический институт, Высшие женские курсы, Высшие курсы П.Ф. Лесгафта и др.) Тоже масон и тоже социал-демократ Л.К. Чермак вспоминал: «Нам неоднократно внушали, что революционная работа не наше дело, что мы организация надпартийная, что мы должны направлять через наших братьев, членов Думы, ход нашей жизни и т.п.». То есть думское масонство России создавалось по образцам парламентского масонства Франции, с существенной поправкой на оппозиционность первого.

Нельзя сказать, чтобы власти этой оппозиционности не замечали. Масонство находилось под их наблюдением, но наблюдение это принимало спе-

цифически российские, иногда весьма анекдотические формы. Центр масонства искали, разумеется, за границей. В 1910 году товарищ министра внутренних дел и директор департамента полиции генерал Курлов командировал на поиски некоего коллежского асессора Бориса Алексеева. Тот сначала отправился в Берлин, где, по его словам, находился «центр всемирного израильского союза», чья деятельность, по его же мнению, «находится в тесной связи с деятельностью масонства». Оттуда он, видимо ничего не обнаружив, перебрался в Париж и начал бомбардировать генерала Курлова докладами. В них он приводил списки русских масонов, принятых в Великий Восток Франции в 1903 году (напомним, дело происходит в 1910 году, и в этом же году в России прекратили деятельность ложи, связанные с Великим Востоком Франции). В доказательство активности своей деятельности Алексеев прилагал к докладу номер журнала, издававшегося Французской антимасонской ассоциацией, где приводились имена 30 000 французских масонов, среди которых было семь русских и 18 армянских фамилий. Доклад он закончил заверением, что «Великий Восток уже пошел по пути самого широкого содействия противоправительственным планам русских революционеров». Не довольствуясь публикациями в открытой прессе, мужественный борец с масонством тайно проник на заседание ложи Ренессанс и услышал там следующие слова одного оратора: «Даже грозное недавно государство Севера в ужасе заметит, как глубоко вонзился в него масонский нож и как в рассеченное нами отверстие дружно ри-

нутя все революционные силы». Изложив все это, истинный патриот Алексеев восклицает: «Я слышал это собственными ушами и не могу ярче этих фраз передать ту опасность, которая грозит России». А в годы Первой мировой войны Алексеев и агент парижского бюро Охранного отделения департамента полиции Ратаев потребовали от министерства внутренних дел на труды по обнаружению русских масонских лож за границей 200 000 рублей золотом, получили 150 000, после чего следы их, а также денег теряются...

С масонством многие прочно связывают два более чем важных события в нашей истории: вступление России в Первую мировую войну и Февральскую революцию. Рассмотрим эти сюжеты подробнее.

Обвинения масонов в причастности к развязыванию войны раздавались со всех сторон. Тогда, во время войны, ультрапатриоты нападали на масонов как на германофилов – скажем сразу, совершенно безосновательно.

Более серьезной, поддерживаемой не только воинствующими антимасонами, представляется гипотеза об активной просоюзнической ориентации вольных каменщиков. Ими якобы манипулировали из Англии и особенно Франции, которые нуждались в помощи России, а вот ей вступать туда (в войну, то есть) и не следовало. В качестве единственного имеющего отношение к развязыванию (но не продолжению!) войны аргумента приводится резко антигерманская позиция влиятельных при дворе «черногорок», которые были, как мы по-

мним, связаны с Папюсом и Филиппом. Но они не имели никакого отношения к политическому масонству (а Филипп Лионский к началу войны уже 9 лет как ушел на «Восток Вечный», то есть умер); у представительниц близкого и этнически, и политически к сербам черногорского народа для ненависти к немцам, германским и австрийским, были куда более веские основания, нежели масонские влияния.

Следует помнить также, что все разговоры о вредоносности войны для России стали звучать уже после ее завершения, после революции, когда всем стало ясно, сколь губительным для нашего Отечества оказалось его участие в Первой мировой. В момент же ее объявления вступление в войну поддерживали самые разные политические силы. Помимо общего подъема патриотизма, который охватил всех, кроме большевиков и пацифистов, правых к этой поддержке побуждали националистические и имперские амбиции, либералов и левых — симпатии к конституционно-монархической Великобритании либо республиканской парламентской Франции. В глазах последних Германия выступала как некая военно-абсолютистская диктатура, победа над которой приблизит вожденный миг проведения в России истинно демократических преобразований, на них российское правительство подвигнут демократические союзники по Антанте. Масоны в целом разделяли такие настроения, но они не были исключительно масонскими.

Целый ряд историков настаивает на губительном влиянии Парижа и Лондона на Петербург в период Февральской революции. По мнению весьма

большого числа исследователей, России летом 1917 года было выгодно заключить сепаратный мир с Германией, что выбило бы почву из-под ног большевиков, эксплуатировавших усталость народа от войны, и сделало бы маловероятным успех Октябрьского переворота и т.п. И этому-то и помешали французы, оказавшие беспрецедентное давление на Временное правительство, причем особая роль отводилась французским масонам, которые должны были воздействовать на министра-председателя и верховного главнокомандующего масона Керенского.

Здесь, по-моему, надо вычленить несколько проблем. В мои задачи не входит обсуждение вопроса, возможен ли был вообще в тот момент сепаратный мир с Германией (мнения специалистов расходятся: одни поддерживают высказанную выше гипотезу, другие, не отрицая факта давления западных союзников на Россию, указывают, что со стороны Временного правительства предпринимались все-таки робкие попытки установления предварительных контактов с немцами, но эти контакты были отвергнуты как раз германской стороной). Моя задача – прояснить роль масонства в этом деле.

В сущности, единственным аргументом в пользу активного участия именно масонов в давлении на Россию служит записанное известной писательницей Н.Н. Берберовой интервью с бывшим начальником охраны Керенского полковником Николаем Николаевичем Пораделовым. Весной 1941 года он рассказал Н.Н. Берберовой, что в 1917 году, то есть за 24 года до встречи с ней, он, услышав шум в ка-

бинете Керенского, вбежал туда без стука и увидел следующую сцену. Министр французского правительства социалист Альбер Тома, возглавлявший тогда делегацию союзников, стоял перед российским главнокомандующим на коленях, а другой член делегации, депутат-радикал, будущий лидер коммунистов Марсель Кашен, рыдал. Из этого довольно сомнительного сообщения Н.Н. Берберова, вообще, по мнению серьезных исследователей, склонная к сенсационности в журналистском смысле слова, сделала вывод, что два масона умоляли третьего не выводить Россию из войны. Даже если эта сцена действительно имела место, даже если там действительно шел разговор о незаключении сепаратного мира (Н.Н. Пораделов ведь ничего, кроме шума, не слышал), даже если Керенский и поддался на уговоры, видеть в этом наличие именно «масонского заговора» не приходится. Дело в том, что Кашен порвал с масонством еще в 1901 году, а никаких сведений о том, что Тома когда-либо был масоном (Н.Н. Берберова сообщает об этом без указания на источник), попросту нет. И главное: сторонником, по мнению многих основным сторонником, войны до победного конца был П.Н. Милюков, никак не масон, и наоборот, многие масоны выступали за немедленное заключение мира.

Еще одно упоминавшееся нами обвинение – в подготовке революции. Здесь опять же следует развести две проблемы: роль леволиберальной политической элиты в инициировании революции и роль в этом масонов. Первая проблема не так уж проста. Действительно, начиная с 1915 года оппо-

зиция двору и лично монарху ширится и крепнет. Так называемое «великое отступление» российской армии весной 1915 года произвело тяжелейшее впечатление на все российское общество, что вызвало поиск виновных. Поскольку по российским законам, а еще более по российским традициям верховная власть, даже и после 17 октября 1905 года, сосредотачивалась в руках государя, то на него, а еще более на его окружение посыпались серьезные обвинения; в его адрес, а еще более в адрес окружения стали раздаваться неприкрытые угрозы. Французский посол в России Морис Палелог записал в дневнике 25 мая 1915 года: «В течение последних нескольких дней Москва волновалась, серьезные беспорядки возникли вчера и продолжаются сегодня. На знаменитой Красной площади, видевшей столько исторических сцен, толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, повешения Распутина». Отставка великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего и принятие этой должности самим Николаем II не успокоили умы; наоборот, теперь все инвективы в неумелом ведении войны и, главное, в измене посыпались на самого государя, тем более что дела на фронте лучше не пошли. Первого ноября 1916 года Милюков в Думе произнес свою знаменитую речь, вскрыв все ошибки, все недостатки русского командования, русского военного ведомства и после каждого обвинения рефреном повторяя вопрос: «Что это, глупость или измена?!»

Сегодня мы точно знаем, что первого было много больше, чем второго, но тогда так не считали. Еще в начале 1915 года, то есть до «великого отступления», был приговорен к смерти (вполне возможно, справедливо, хотя он все отрицал) за шпионаж в пользу Германии жандармский полковник Сергей Мясов. Он считался близким другом военного министра Владимира Александровича Сухомлинова, который в июне 1915 года был снят с должности и отдан под суд по обвинению в преступной неподготовленности к войне, взяточничестве и измене. Два последних обвинения суд не подтвердил, но с первым согласился и приговорил Сухомлинова к пожизненному заключению. За него вступились царица и Распутин, и заключение было заменено домашним арестом. Общественное мнение, не верившее в невиновность главы военного ведомства, тут же набросилось на «старца» и Александру Федоровну. Распутин, насколько известно, действительно был противником войны, но о его измене никаких данных нет. Что же касается государыни, то можно считать абсолютно достоверно установленным: все инсинуации представляют чистейший вымысел, иногда добросовестное заблуждение, иногда злобную клевету. Но в вымысел свято и искренне верили.

Легко сегодня осуждать политическую элиту России той поры за то, что она, сплотившись, не брезгуя никакими средствами, добивалась смены режима, а добилась кровавой смуты; за то, что действия, направленные на демократизацию строя, послужили причиной событий, породивших строй не то что недемократический, а один из самых жестоких в ис-

тории. Можно обвинять политиков честных в недальновидности, в безответственности даже. «Хотели как лучше, а вышло как всегда». И даже много хуже. Можно обвинять политиков амбициозных в том, что они разожгли пожар, чтобы изжарить на нем для себя яичницу; политиков нечестных – в том, что этот пожар нужен был им, дабы нагреть на нем руки. Можно. Но можно вспомнить и о том, что большинство участников этих действий в лучшем случае оказались в эмиграции. Не будем забывать, что мы представляем себе, что было дальше, мы читаем детектив, зная, кто убийца. Тогда же рассуждали иначе. Да, думская оппозиция, к 1915–1916 годам состоявшая не только из либералов и социалистов, оказывала мощное давление на государя и, требуя ответственного перед Думой правительства, не желала думать о том, к чему это могло привести (Боже! Сколь мелкими выглядят депутатские дрызги на фоне Революции, Гражданской войны, Большого террора). Но ведь и власть не желала идти ни на какие уступки. Неловко как-то сегодня обвинять в чем-либо царственную чету, зная о ее трагической гибели. Но ведь тогда-то об этой гибели никто не думал, никто не желал этого. Государь, добрый, мягкий, обаятельный, лично мужественный, был человеком – скажем об этом прямо – глубоко реакционных убеждений, покровителем черносотенцев, убежденным в божественности своей власти и именно поэтому, а не из упрямства не терпевшим возражений. Государыня, при всех личных добродетелях, при всем искреннейшем российском патриотизме (разнообразные наветы сегодня опровергнуты), от-

личалась экзальтированностью, повышенной внушаемостью (отсюда влияние Распутина при дворе, влияние, многократно преувеличенное оппозиционной прессой и общественным мнением), но не государственным умом. Она на дух не переносила многих выдающихся политических деятелей, которые могли помочь России (для нее «Столыпин еще хуже Думы»), и воздействовала на супруга в соответствующем духе.

В советской исторической науке настойчиво проводилась мысль, что все действия оппозиции были направлены на то, чтобы путем парламентских или внепарламентских действий изменить режим и не допустить социального взрыва, помешать победе подлинной, то есть руководимой большевиками революции. И в этих заявлениях есть немалая доля правды, хотя поначалу оппозиция испытывала страх не столько перед РСДРП(б), сколько перед «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», перед новой пугачевщиной. Председатель последней Государственной думы (если, конечно, не считать нынешнюю прямой наследницей той, дореволюционной) Михаил Владимирович Родзянко многократно уговаривал Николая II пойти на изменение внутренней политики. В январе 1917 года он говорил царю: «В стране растет негодование на императрицу и ненависть к ней... Ее считают сторонницей Германии. Для спасения Вашей семьи Вам надо, Ваше Величество, найти способ отстранить императрицу от влияния на политические дела». Слова эти, видимо, подействовали на государя. По воспоминаниям М.В. Родзянко, Николай сжал голову руками и с го-

речью воскликнул: «Неужели я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался». Но эти сомнения были недолгими. Десятого февраля, за несколько дней до отречения, тот же Родзянко вновь увещевал самодержца: «Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но это, по-видимому, не будет. Результатом этого, по моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит...». Но все было впустую. «Государь ничего не ответил и очень сухо простился», — заканчивает Родзянко рассказ об этом эпизоде.

Иные стремились «пойти другим путем». Уже осенью 1915 года начали циркулировать разговоры о необходимости как минимум отдалить государыню и Распутина от царя, как максимум силой заставить Николая II отречься от престола в пользу наследника, а регентом поставить либо великого князя Михаила Александровича, брата императора, либо Николая Николаевича. Инициатором заговора стал лидер октябристов Александр Иванович Гучков, на роль военного руководителя намечался один из будущих вождей белого движения, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Михаил Васильевич Алексеев. Дальше разговоров дело, видимо, не пошло.

Более серьезно заговор стал оформляться осенью 1916 года. В нем принимали участие и политики, и военные. Заговорщики намеревались арестовать царя в Ставке и принудить его согласиться на ссылку Александры Федоровны в Крым и создание «правительства общественного доверия». Впро-

чем, некоторые из заговорщиков собирались пойти дальше. «Мне стало ясно, — вспоминал А.И. Гучков, — что государь должен покинуть престол». В соответствии с этим замыслом, по словам того же Гучкова, «государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику». На одном из обсуждений этого плана октябрист Сергей Иллиодорович Шидловский воскликнул: «Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию!». С военной стороны успех заговора должен был обеспечить генерал Алексеев. Связь между военными и политиками, в частности Гучковым, обеспечивал генерал-лейтенант Александр Михайлович Крымов, впоследствии участник корниловского мятежа, застрелившийся после его неудачи; вроде бы (свидетельства расходятся) намечалось, что он же арестует царя. Поддержали этот заговор командующий Северным фронтом генерал Николай Владимирович Рузский, в 1918 году расстрелянный большевиками, и командующий Юго-Западным фронтом генерал Алексей Алексеевич Брусилов (с 1920 года на службе у большевиков). Заговорщикам передали его фразу: «Если придется выбирать между царем и Россией, я пойду за Россией». Генерал Крымов заявлял участникам заговора: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот этот неизбежен. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим».

И из этого заговора ничего не вышло. Одни считают, что он сорвался из-за болезни Алексеева и его отъезда на лечение, другие (это мнение представля-

ется мне более авторитетным, ибо восходит к руководителю заговора А.И. Гучкову) – из-за того, что обсуждения «настолько затянулись, что не привели ни к каким реальным результатам», хотя заговорщики уже составили список членов нового правительства. Его должен был возглавить князь Георгий Евгеньевич Львов, впоследствии премьер первого Временного правительства (всегда и везде политики возню вокруг «кадрового вопроса» любят более, нежели конкретные действия). Шестнадцатого декабря 1916 года был убит Распутин, но Гучков–Крымов не имели к этому событию никакого отношения. Наконец, в январе–феврале 1917 года неугомонный Гучков вместе с левым кадетом Николаем Виссарионовичем Некрасовым, будущим членом Временного правительства, будущим чиновником на службе у советской власти, будущим заключенным на строительстве Беломорканала, после чего снова совслужащим, а также с Михаилом Ивановичем Терещенко, также будущим министром Временного правительства, впоследствии эмигрантом, организовал новый заговор, «дабы (по его собственным словам) предотвратить развитие стихийных сил революции». Предполагалось захватить царский поезд и заставить государя отречься в пользу сына. Но и этот замысел остался нереализованным, хотя и по иной причине: разразилась Февральская революция, и отречение Николая II произошло безо всякого захвата.

«А причем здесь масоны?» – вправе спросить читатель. Ответ обычно таков: «Все вышеперечисленные исторические персонажи, кроме, может

быть, генерала Брусилова, – масоны». Эту точку зрения разделяют не только пламенные борцы с масонским засильем, но и уже упоминавшаяся Н.Н. Берберова, в целом благосклонно относившаяся к масонству (она, правда, не включает в число вольных каменщиков великих князей Михаила Александровича и Николая Николаевича).

Действительно, в масонских кругах возможность переворота активно обсуждалась. Заметной фигурой в этом обсуждении, причем фигурой достаточно радикальной, высказывавшейся за учреждение в России республики, был член партии социалистов-революционеров, публицист С.Д. Масловский, известный под псевдонимом Мстиславский. По позднейшему свидетельству масона-современника, «характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху лично – за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова – революционный патриотизм». Но когда осенью 1915 года «Мстиславский заявил, что считает необходимым организовать заговор на жизнь государя, что для такого заговора имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства», то к этому предложению в ложах отнеслись «в высшей степени отрицательно». Н.С. Чхеидзе вспоминал: «И в ложах, и в Верховном Совете встал вопрос о политическом перевороте. Ставился он очень осторожно, не сразу. Переворот мыслился руководящими кругами в форме переворота сверху, в форме дворцового переворота... В этот период Верховным Советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного

мнения к такому перевороту – помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного Совета; помню сборы денег на нужды такого переворота».

Однако с масонами, непосредственно участвовавшими в заговорах, дело обстояло сложнее. Безусловно, масонами были Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко; безусловно, масон Масловский-Мстиславский, занимавший во время войны пост библиотекаря Ставки в чине полковника, был лично и, может быть, даже близко знаком с генералами Алексеевым и Крымовым; безусловно, о заговоре знали многие члены Верховного Совета Великого Востока народов России, в том числе Керенский, но принадлежность к масонству всех остальных заговорщиков более чем сомнительна. Нет никаких доказательств (если не считать туманных предположений и сенсационных «разоблачений») того, что указанные военные и политики, замешанные в заговоре (кроме названных выше), были вольными каменщиками. По достаточно авторитетным свидетельствам, князь Львов и Родзянко являлись противниками масонства; приводимые Н.Н. Берберовой документы о причастности к ордену А.И. Гучкова можно считать доказательствами лишь при очень вольном толковании и абсолютном доверии к словам одного из информантов, которые известный историк масонства Б.И. Николаевский назвал «рекордным сумасшествием». Аргументы Берберовой не всегда выдерживают критику: так, она полагает свидетельством в пользу масонства Гучкова, Алексеева и Рузского то,

что первый привез государю акт об отречении, а двое других присутствовали при подписании его, но вместе с Гучковым оный акт доставил Василий Витальевич Шульгин, монархист, в симпатиях к вольным каменщикам не замеченный.

Кстати сказать, в антимасонской литературе встречаются обвинения Распутина в близости к масонству и одновременно обвинения масонов в причастности к убийству Распутина (о логике подобных разоблачений мы поговорим ниже). Аргументом в пользу второй версии является то, что наряду с непосредственными убийцами – князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым, лидером «Союза Михаила Архангела», вдохновителем погромов Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем и членом императорской фамилии великим князем Дмитрием Павловичем – к этому делу был прикосновен масон-кадет Василий Алексеевич Маклаков, давший (по словам Пуришкевича, которые сам Маклаков отрицал) Юсупову и Пуришкевичу цианистый калий (он, кстати сказать, не подействовал).

Вряд ли можно говорить о Февральской революции как о деле рук масонов. Вообще, великие исторические события (а Февраль, что бы ни говорили позднейшие советские историки и идеологи, безусловно относится к таковым) не свершаются по воле группы людей, но требуют поддержки большинства в форме активного участия или хотя бы пассивного неучастия в событиях. Об этих материях мы еще порассуждаем ниже, а здесь лишь отметим, что обвинения строятся по принципу «кому выгодно». И раз среди руководителей страны с февраля (марта по

новому стилю) по октябрь (ноябрь) было немало масонов, то делался вывод: все подстроили масоны. Действительно, и Керенский, и многие другие члены Временного правительства принадлежали к Ордену свободных каменщиков. Но иные, среди которых были, например, военный министр генерал-майор Александр Иванович Верховский (с 1919 года в Красной Армии, в 1938 году «враг народа»), или министр иностранных дел, многократно упоминавшийся П.Н. Милюков, не принадлежали к масонам. У членов Верховного Совета Великого Востока народов России «основная забота состояла в воздействии на левые партии в целях удержания их в русле коалиционной политики». Это, как известно, не получилось, все левоцентристские и социалистические (без большевиков, которые ни с кем власть делить не собирались) коалиции распадались. Внутри Временного правительства борьба шла не между масонами и немасонами: Керенский ссорился с Некрасовым, министр иностранных дел (после Милюкова) масон Терещенко стоял за войну до победного конца, а товарищ министра, член ЦК партии народной свободы и тоже масон барон Борис Эммануилович Нольде заявлял, что «пора свернуть с путей классического империализма», ибо альтернатива такова: «или разумный мир, или торжество Ленина» — и в этом он находил поддержку у другого члена того же ЦК, немасона Владимира Дмитриевича Набокова (в противовес весьма распространенному мнению, масоном был не отец знаменитого писателя, а его дядя, Константин Дмитриевич, брат В.Д. Набокова).

Роза и Крест в ГУЛАГе: масонство при советской власти

Падение Временного правительства фактически привело к гибели масонства в России. Некоторое время ложи действовали на территориях, неподвластных большевикам (или не полностью подвластных, таких как Дальневосточная республика). Многие масоны участвовали в белом движении, кое-кто попал под топор революции, но не как вольный каменщик, а как «контра». Точку в деле масонов в России поставил декрет ВЦИК (июнь 1922 года) о «регистрации всех обществ, союзов и объединений, которые каким-либо образом могут объединить рабочий класс с его врагами». Поскольку никто на условиях, обозначенных в этом образчике пролетарского правосознания, регистрироваться не собирався, то в августе того же года декретом того же ВЦИК все общества (не только и не специально масонские, но и они тоже), не имеющие санкции правительства на существование, были запрещены. Кстати сказать, в том же 1922 году Четвертый конгресс Коминтерна объявил: членство в масонских ложах несовместимо с членством в компартиях. На этом по сути закончилась история масонства в России. Русское масонство отныне существует лишь в эмиграции, и там его судьбы во многом сливаются с судьбами иностранного масонства.

Было, впрочем, одно исключение, о котором следует рассказать. Это последователи мистического направления в масонстве (тамплиеры, мартинисты, розенкрейцеры), в XX веке не признававшиеся

официальным масонством в качестве братьев. Организации розенкрейцерско-тамплиерского направления охватывали обычно небольшие группы художественной и научной интеллигенции. Одна из наиболее известных была связана с последними остатками анархистского движения. После разгона советской властью всех некоммунистических партий некоторые формально неполитические общества революционеров-небольшевиков (анархистов, социалистов разных толков) продолжали существовать в рамках объединений политкаторжан или комиссий по изучению наследия того или иного видного революционера. Тамплиеры группировались вокруг Музея П.А. Кропоткина и комитета по изучению его наследия и увековечиванию памяти (этот так называемый Кропоткинский комитет несколько раз менял официальное название). Как показывают современные исследования, в частности историка мистических обществ в Советской России А.Л. Никитина, в последние годы жизни П.А. Кропоткин, оставаясь непримиримым противником любых форм государства как органа насилия над личностью, разочаровался в идеях бунта, мятежа, революции и перешел к размышлениям о возможности установления полной и истинной анархии лишь после внутреннего перерождения большинства людей. Эти идеи развил, придав им более сильный мистический оттенок, Аполлон Андреевич Карелин, народовец, потом эсер, потом анархист. Перед возвращением в 1917 году на родину из французской эмиграции он вступил во Франции в Орден тамплиеров и получил официальное поручение создать в

России Восточный Отряд этого ордена. Он был создан в 1920 году, и к 1923 году в России уже существовало несколько дочерних организаций этого ордена. Самым крупным (несколько десятков человек) был Орден Света в Москве. Карелин искал будущих «перерожденных», «просветленных», «рыцарей света» не только среди анархистов, но и среди ученых и людей искусства. Так, в круг близких по духу к Карелину людей входили известный литературовед и искусствовед Алексей Алексеевич Сидоров, знаменитые режиссеры Рубен Николаевич Симонов и Юрий Александрович Завадский (был членом Ордена Света); есть сведения о близости к кружку Карелина Михаила Александровича Чехова. Еще при жизни А.А. Карелина в среде московских почти нелегальных анархистов, связанных с Кропоткинским комитетом, и легальных анархистов в эмиграции начались нападки на Карелина и его соратников: их обвиняли в мистике, в забвении истинных основ анархизма. Эти нападки усилились после смерти Карелина в 1926 году, когда во главе Восточного Отдела и одновременно Ордена Света встал известный математик, преподаватель МВТУ им. Н.Э. Баумана Алексей Александрович Солонович. Анархист-эмигрант Юрий Аникст в статье «Трубадур мистического анархизма», опубликованной в 1929 году в парижской газете русских анархистов «Голос труда», обрушивается на Солоновича и его единомышленников в лексике газеты «Правда» (ходили слухи, что Юрий Аникст был агентом ОГПУ): «Куда политически тянет эта компания? Из сказанного ясно, что даже не к буржуазно-демократичес-

кой контрреволюции; маска анархизма, идея гегемонии лучших, ненависть к индустриальной культуре, черносотенная форма мистики — все это говорит, что здесь мы, по-видимому, имеем дело с деформацией дворянско-мистической контрреволюции в условиях современности».

В 1930 году члены Ордена Света были арестованы. В обвинительном заключении говорилось (сохраняю орфографию и пунктуацию подлинника): «Организация ставила своей целью борьбу с соввластью как властью "Иальдабаофа" (одним из воплощений сатаны) и установление анархического строя. Ставились задачи противодействия и вредительства соввласти на колхозном фронте, среди сов-учреждений и предприятий. Пропагандировался мистический анархизм с кафедры и по кружкам, в которых вырабатывались массовые руководители, главным образом из среды интеллигенции. В кружках пропаганда велась в виде легенд, рассказываемых только устно посвященным рыцарям. Запись легенд категорически запрещалась под страхом не только исключения из "Ордена", но вплоть до физического воздействия. Рыцарям внушалось, что для защиты идей и интересов "Ордена" — они не должны пренебрегать средствами борьбы вплоть до убийства (материалами следствия это никак не подтверждается. — Д.Х.). В последнее время делались попытки перекинуть свою деятельность в крестьянские массы под видом евангельской пропаганды; с целью внедрения в советские артистические круги своей идеологии, в противовес линии марксизма, проводимой компартией в искусстве, велась специальная прора-

ботка вопросов искусства в кружках, при этом имелись письменные материалы, называемые “мифами”, в которых проповедовался и противопоставлялся марксизму идеалистический взгляд на искусство с вклиниванием мистических идей». Родственная организация «Орден Духа» в Нижнем Новгороде «ставила основной своей целью свержение советской власти путем широкой агитации и пропаганды анархо-мистических идей, призывая к активной борьбе с соввластью, как и со всякой другой». «Сочинская группа анархо-мистиков также ставила своей целью свержение соввласти путем активной борьбы с ней».

В качестве доказательств антисоветской направленности тамплиеров в обвинительном заключении приводятся отрывки из «самиздатской», как мы бы сказали ныне, книги А.А. Солоновича «Бакунин и культ Иальдабаофа»: «Благодаря союзу рабочих и крестьян с интеллигенцией русская революция победила в Октябре. А затем большевики вогнали клин государства между рабочими и крестьянами, разъединили город и деревню, благодаря мероприятиям эпохи военного коммунизма и затем в 20–21 гг. подавили революцию, шедшую глубже... Удушив революцию, погубив революционные элементы крестьянства, они тем самым подготовили себе прочную и бесславную гибель в объятиях буржуазно-мещанского элемента и того же крестьянства, а растоптав все элементы общественной самодеятельности, они отрезали себя и от пролетариата как массы, как революционного класса в городах. Они, таким образом, выделили и обособили сами себя в новый, не-

слыханно беспощадный и глубоко реакционный отряд иностранных завоевателей». Надо сказать, что непонятная, на первый взгляд, фраза об «иностранных завоевателях» и обвинения Ю. Аникста в «черносотенности» тамплиеров, обвинения, убийственные для всех левых (тогда!), находят объяснения еще в одном отрывке из той же книги А.А. Солоновича (если нижеприведенные слова не являются, конечно, фальсификацией следствия): «Но не нужно забывать немецко-еврейского происхождения большевизма, остающегося и обреченного всегда оставаться чуждым совокупности народов СССР».

Приговор, оглашенный в 1931 году, был, если исходить из обвинения, не столь уж суров (впрочем, времена были, по выражению А.А. Ахматовой, «еще сравнительно вегетарианские»). Из 33 человек, проходивших по делу Ордена Света, шестеро были оправданы, дело одного (Ю.А. Завадский) было выделено в особое производство, а далее прекращено, пятеро получили три года ссылки, остальные попали в лагерь на срок не более пяти лет; вышли из оказавшихся в заключении лишь пятеро, остальные, включая А.А. Солоновича, погибли.

Еще одна группа масонов, тоже «нерегулярных», была связана с новейшими российскими мартинистами, последователями графа Ч.И. Чинского. В 1910 году тот посвятил в свой орден выпускника физико-математического факультета Петербургского университета Генриха Оттоновича фон Мёбеса. В 1912 году Мёбес вышел из «послушания» Чинского, основав Русский Автономный Орден мартинистов. Этот орден и отпочковавшийся от него в 1917 году

Орден мартинезистов, возглавляемый женой Мёбеса, Марией Адольфовной Нестеровой (общий надзор за обоими орденами сохранил Мёбес), действовали и после революции и были разгромлены властями в 1927 году; Мёбес и Нестерова попали на Соловки, где следы их теряются.

Бывшие соратники Мёбеса, позднее порвавшие с ним, Борис Викторович Астрономов-Кириченко и Сергей Владимирович Полисадов, создали в 1921 году Русское Автономное масонство. Около 1926 года Астрономов обратился в ОГПУ с проектом легализации масонства в СССР и предложил ввести в ложи сотрудников органов (все то же государственно-полицейское масонство Балашова и Беклемишева); с ведома Астронома Полисадов сделался осведомителем «карающего меча Революции». Это не спасло их от ареста в 1927 году и ссылки в 1930 году на Соловки, где следы Астронома теряются; Полисадов был расстрелян в 1942 году. В 1930 году были расстреляны еще несколько братьев Русского Автономного масонства, но они проходили по делу «Русского национального союза» в качестве участников, как сказано в приговоре, «повстанческой контрреволюционной офицерской организации», причем неясно, было ли это связано с их масонством и сыграли ли Астрономов и Полисадов какую-либо роль в их судьбе.

В 1928 году в Москве прошли аресты по делу оккультного ордена «Эмеш редивиус», которым руководили известный оккультист Евгений Карлович Тегер и метеоролог Вадим Карлович Чеховский. Как указывает упоминавшийся А.Л. Никитин, задачей

этой организации, объединявшей две группы – молодежь, посвященную в подлинные цели ордена, и ученых, об этих целях не подозревавших, – была разработка двух программ. Первая из них, легальная, выполнявшаяся во взаимодействии с Институтом мозга АН СССР, состояла в попытках практического осуществления телепатии; вторая, тайная, была направлена исключительно на овладение оккультными методами господства над духами стихий, «элементалями». Орден был глубоко законспирирован, а опыты проводились в подвале дома на Малой Лубянке в непосредственной близости от расстрельных подвалов ОГПУ – дабы уловить этих «элементалей», что слетаются на кровь жертв. После разгрома ордена Чеховский и Тегер были сосланы на Соловки (первый был расстрелян в 1929 году за активное участие в подготовке группового побега; второй по состоянию здоровья переведен в Среднюю Азию, где следы его теряются после 1940 года).

Российские розенкрейцеры, продолжавшие свою деятельность в советские времена, дали две весьма яркие фигуры. Борис Михайлович Зубакин, мистик, не без элементов (не «элементалей») шарлатанства, создал еще в 1914 году ложу «Lux astralis» и возглавил ее под именем «епископа Богори II». В этой ложе, неоднократно распадавшейся и неоднократно воссоздаваемой Зубакиным, состояла, по данным А.Л. Никитина, Анастасия Ивановна Цветаева, в 1920 году в нее был принят молодой Сергей Михайлович Эйзенштейн. После высылки Зубакина в 1929 году ложа практически перестала действовать и полностью распалась

■ вслед за арестом Зубакина в 1937 году (в 1938 году он погиб).

Другой весьма своеобразной личностью был Всеволод Вячеславович Белюстин. Первоначально он был близок к Тегеру и Чеховскому, а в 1925 году основал свой Орден орионийцев. Целью Ордена было восстановление истинного розенкрейцства, познание древних тайн Розы и Креста, алхимические и астрологические изыскания, достижение «астрального посвящения», в результате которого посвященный мог одновременно пребывать в двух мирах: физическом и астральном. К орионийцам был близок (возможно, даже входил в их число) упоминавшийся в числе последователей А.А. Карелина А.А. Сидоров. Орден орионийцев был разгромлен в 1933 году, но большинство членов его либо избежали репрессий (среди них был А.А. Сидоров), либо отделались не очень тяжелыми по тем временам наказаниями. Сам Белюстин был арестован в том же 1933 году, но вскоре освобожден, в 1940 году арестован снова, приговорен к высшей мере за шпионаж и контрреволюционную деятельность, отказался подписать смертный приговор, обжаловал его, и (о чудо!) приговор был пересмотрен, обвинение в шпионаже снято, наказание смягчалось (?) до 10 лет лагерей, где В.В. Белюстин исчез навеки. Любопытно (если к трагедии приложимо это слово), что Белюстин объявлял себя новым воплощением Христиана Розенкрейца и графа Сен-Жермена, и его последователи доныне верят в это, считают, что он смог избежать ареста в 1933 году и расстрела в 1940 году благодаря магическим спо-

собностям и в лагере не погиб, а перешел в иное существование...

На этом, пожалуй, можно поставить точку (многооточие?) в рассказе об отечественном масонстве на родной земле и перейти к описанию судеб масонства, в том числе и российского, на Западе в межвоенную эпоху.

Иные берега: российское масонство в эмиграции

Российскому масонству на Западе было нелегко. Дело не только в том, что в эмиграции всегда плохо. Масонам как раз было, может быть, чуточку лучше, чем другим: сказывались традиции масонского братства, масонской филантропии, более состоятельные помогали бедным. Хотя Великий Восток народов России являлся «нерегулярным послушанием» и русским масонам пришлось идти на поклон к иностранным, в первую очередь французским (а кто в эмиграции не ходил на поклон?), все же усилиями восстановителя русского масонства, бывшего царского дипломата Леонтия Дмитриевича Кандаурова в 1921 году была учреждена первая русская ложа Астрея в системе Великой Ложи Франции, а в 1924 году – ложа Северная звезда в послушании Великого Востока Франции. Беда была в другом. По ехидному замечанию В.Ф. Ходасевича, «эмигрантское масонство – это смесь парламента и сиротского приюта для стариков». «Парламент» – сказано точно. Русское масонство было весьма политизиро-

вано, и это не исчезло за границей. Братья-каменщики постоянно обсуждали проблемы устройства ордена в будущей освобожденной от большевиков обновленной демократической России. Одним из создателей в 1921 году умеренно-правого Русского национального комитета, ставившего целью «вооруженную борьбу с большевизмом» «за единую и неделимую Россию», но выступавшего против «национал-патриотизма», стал видный масон Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (его сын, Дмитрий Владимирович, был мужем Елизаветы Юрьевны Пиленко, будущей знаменитой матери Марии).

К международной конференции Верховных Советов шотландского обряда в Париже в 1929 году русские масоны подготовили «Записку о русском франкмасонстве» за подписью Л.Д. Кандаурова и другого брата ложи Астрей Генриха Борисовича Слиозберга. Там, среди прочего, говорилось, что члены всех русских лож «объединены оппозиционностью к большевистскому строю, как основанному на насилии и отрицании всякой морали. По их твердому мнению, нормальная жизнь народов России может быть восстановлена лишь принятием подлинно демократической конституции, гарантирующей гражданскую свободу и равенство перед законом, принятой свободно избранным Учредительным собранием. <...> Они (русские масоны. – Д.Х.) учитывают результаты революции и убеждены, что в будущем не может быть и речи о привилегиях для одной категории граждан, ни о возвращении к бывшей помещичьей собственности. Русское масонство не намерено разрушать народную волю, а, напро-

тив, желает оказать поддержку установлению здорового строя на принципах нашего Ордена и в соответствии с народным волеизъявлением под знаком полной правовой свободы».

Эта позиция, вполне умеренная, но – как показали события – тогда абсолютно утопическая, вызывала раздражение всех. Масон князь Владимир Леонидович Вяземский вспоминал: «Нами заинтересовались с разных сторон и, может быть, более, чем мы того заслуживали. Травля шла на разных фронтах. Прежде всего, большевики – прямо и косвенно – всячески влияли на то, чтобы все наши начинания так или иначе проваливались. Делалось это негласно, скрытно, главным образом внедряя в нашу среду своих агентов. Гораздо глупее, но шумнее орудовали ярые монархисты – лекциями, в печати и личным влиянием, убеждая испуганных беженцев, что мы – те же большевики, что все большевистские вожди – Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек и т.п., все – жидо-масоны, а мы их агенты. Борьба с нами доходила до грубых уличных сцен... Появился ряд книг, журналов, газет, где нас выводили как исчадие самого дьявола. Ряд полковых офицерских организаций предложил своим членам-масонам на выбор: покинуть масонство или организации. К чести наших братьев скажу, что ни один из наших многочисленных братьев офицеров (у нас было 12 кавалергардов, несколько конно-гвардейцев, конно-артиллеристов) не дрогнул – никто от нас не ушел... Это, однако, не помешало Карловацкому Собору (имеется в виду проходивший в югославском городе Сремске Карловцы Собор Русской Пра-

вославленной Церкви за границей, то есть той части Русской Православной Церкви, которая не признавала юрисдикции Московской Патриархии, считая ее находившейся под властью большевиков. — Д.Х.) объявить масонство врагом христианства, так же как 4-й Конгресс Интернационала объявил его врагом коммунизма».

Эмиграция всегда подобна плохому генералу, стремящемуся заново переиграть прошедшую войну. Главный вопрос — «Кто виноват?» Причины такого подхода ясны. «Мы» всегда правы, «мы» всегда хорошие, «мы» выражаем мнение народное, а раз так, то «мы» проиграть не могли, «нас» предали, обманули и т.д. Правая часть эмиграции ненавидела левую и центристскую часть той же эмиграции куда более, чем большевиков, тем более что последние были далеко и борьба с ними являлась весьма затруднительной. На А.Ф. Керенского возлагали вину за победу Октября все, включая его прежних соратников. Никто из правых не желал помнить, что они и пальцем не пошевелили, чтобы защитить Временное правительство. Керенский писал: «Их стратегический план состоял в том, чтобы сначала не препятствовать успехам вооруженного восстания большевиков, а затем, после падения ненавистного Временного правительства, быстро подавить большевистский "бунт". Увы, выполнив блестяще первую, так сказать пассивную, часть своего плана, — "свергнув" руками большевиков Временное правительство, — наши "патриоты" оказались совершенно неспособными победить большевиков не только в три месяца, но и в три года».

Но признавать свою вину никому не хотелось. Нашелся главный внутренний враг – «жидо-масоны». Накал страстей был настолько велик, что в декабре 1922 года Высший монархический совет в Париже, рассмотрев вопрос о масонстве, пришел к выводу, что Орден вольных каменщиков не следует отождествлять с еврейскими организациями и, кстати сказать, осудил погромы как противохристианскую и противогосударственную меру.

Надо сказать, что эти нападки справа имели пусть и слабое, но все же основание. В особом циркуляре от 21 декабря 1919 года конвент Великого Востока Франции заявил: «Масонство, которое с горячим одобрением встретило падение царизма и с огромной симпатией наблюдало за освободительными усилиями русского народа, должно с полной беспристрастностью рассмотреть историю Русской пролетарской революции, доктрины и методы республики Советов, акции большевистского правительства и полученные ими результаты. Предпринимая свое объективное изучение, масонство должно сопоставить доктрину и практику большевиков с собственным идеалом и принципами Французской революции, сформулированными в Декларации прав человека и гражданина». То есть высказывалось пусть сдержанное, но все же одобрение советской власти. Да и среди русского масонства находились если и не во всем симпатизировавшие Советам, то все же не относившиеся к ним как к исчадию ада. Среди подобных «крайне левых» масонов был писатель Михаил Александрович Осоргин (настоящая фамилия – Ильин), который последовательно

выступал: в 1918 году – против развязывания Гражданской войны, в 1921 году – за сотрудничество с отдельными советскими государственными деятелями в организации помощи голодающим, в 1923–1924 годах – за возвращение на родину на достойных условиях, в 1925–1926 годах – против планов разработки военного похода на Россию.

В 1922 году Великий Восток Франции заявил, что власть Советов – диктатура, но это мало изменило политические симпатии. В леволиберальных кругах Запада, масонских и немасонских, отношение к Советской России и СССР было сдержанно-одобрительным – вспомним мнение таких властителей дум, как Дж.Б. Шоу и Г.Дж. Уэллс. М.А. Алданов, сам, кстати, масон, не без иронии писал о британских левых: «Учить их практической политике никому из нас не приходится; они своей страны большевикам не отдали... Большевиков они не любят. Они всю жизнь нападали слева; нападать справа им непривычно и неудобно. Многие из них были бы в душе рады, если бы генералы свергли большевиков: всем им было бы настолько приятнее ругать и поносить генералов». Впрочем, к французским левым Алданов отнесся тоже не очень снисходительно. Говоря об отношении лидера социалистов Леона Блюма к премьеру из правых Раймону Пуанкаре и генсеку коммунистов Марселю Кашену, Алданов замечает: «Казалось бы, ребенку ясно: будет у власти Пуанкаре – Леон Блюм может по-прежнему громить его с трибуны парламента и со столбцов газеты "Populaire". Будет у власти Кашен – не станет ни парламента, ни газеты "Populaire", ни Леона Блюма. Тем

не менее Пуанкаре – реакция, а Кашен, очевидно, прогресс».

Тяжело было всем не ультраправым эмигрантам (ультраправым, конечно, тоже было плохо, но по причинам более экономическим), опять же и масонам и немасонам – те, что не погибли в России, оказались в изгнании, их соратники по партиям – в советских тюрьмах, и их же винят либо во всех бедах, в том числе и собственных, либо в «недопонимании» смысла того грандиозного эксперимента, который проводился в СССР и за которым так приятно было наблюдать всем прогрессивным силам на сытом и безопасном Западе.

Скорбная стезя: масонство и фашизм

Впрочем, безопасность Запада не стоит так уж преувеличивать. Первая мировая война была для современников громом среди ясного неба, совершенно неожиданной катастрофой. Вторую мировую ждали все. Иные торопили ее, иные пытались предотвратить. Некоторые исследователи настаивают на том, что тот вариант завершения Первой мировой, который был закреплен Версальским мирным договором 1919 года, оказался наихудшим из возможных. Германия не была расчленена (на этом настаивал французский премьер Ж. Клемансо), сохранила экономический и человеческий потенциал, но сильно уменьшилась в размерах и была обескровлена репарациями (против этого возражал президент США В. Вильсон). Это взрывоопасное со-

четание провоцировало в Германии поддержку тех сил, которые выступали против «версальского унижения», за реванш, и давало возможности для этого реванша. Создание Лиги Наций было попыткой, пусть и – как выяснилось впоследствии – с негодными средствами, создать международный арбитраж, предупреждать конфликты. Споры о влиянии масонства на создание этой Лиги ведутся до сих пор; однозначно масонов можно связать с иным планом – с планом «Пан-Европы». В 1923 году молодой австрийский граф, масон Рихард Куденхове-Каллерги выпустил в свет книгу с таким названием. Основная идея – создание Пан-Европы, или Соединенных Штатов Европы, то есть федеративного (или конфедеративного) государства, противостоящего как американскому экономическому и политическому влиянию, так и советскому идеологическому и военному давлению. Эта идея, только сегодня обретающая какие-то реальные черты (имеется в виду Европейский Союз), тогда казалась (и оказалась) утопией. Победа фашистского и, главное, нацистского режимов поставила – не навсегда, но тогда об этом никто не думал – на этой идее крест.

Общеизвестно, что фашизм (в любой его модификации) безусловно враждебен масонству. Призывы масонов к добру, братству, миру, к объединению людей независимо от расы и религии, разумеется, неприемлемы для сторонников национал-тоталитаризма. Склонность некоторых масонских течений к мистике, оккультизму заставляла тех лидеров фашизма, которые, подобно Гитлеру, сами увлекались подобными учениями, видеть в масонах соперников.

Сами масоны не сразу заняли резко отрицательную позицию по отношению к фашизму. Надо, впрочем, отметить, что подобное было свойственно вообще многим западным либералам и левого и правого толка. Увлечение Муссолини было не меньшим, чем увлечение Лениным, — вспомним того же Шоу; простой западный обыватель, ездивший в Италию как турист, восхищался тем, что поезда наконец-то стали ходить по расписанию.

Двенадцатого февраля 1923 года Большой Совет фашистской партии Италии заявил о полной противоположности принципов и методов масонства фашистским, в начале 1924 года братства были распущены. Двенадцатого января 1925 года правительство Италии издало указ, позволявший преследовать всех членов запрещенных организаций, и среди масонов начались аресты. Международное масонство реагировало вяло. Отдельные ложи выражали протесты, но в декабре 1925 года председатель Совета Международной масонской ассоциации (АМИ), глава Великого Востока Бельгии, министр и сенатор Маньетт на вопрос, протестовал ли он против убийств масонов чернорубашечниками, прямо ответил: «Нет. Ложи пока не заняли никакой позиции. АМИ, собравшаяся в октябре в Женеве, даже не рассматривала этот вопрос». Лишь в 1926 году некоторые масонские организации США выступили против преследований масонов, и масонство Франции громко заявило об опасности фашизма.

Преследования масонов (и не только масонов) в нацистской Германии были более жестокими, нежели в Италии, да и вообще, немецкий национал-

социализм был и идеологически, и политически куда более свирепым, нежели итальянский фашизм. Уже в апреле 1933 года нацисты распустили все масонские организации в Германии, а многих бросили в концлагеря. Одна из старейших прусских лож «К Трем Земным Шарам» пыталась защищаться. Член руководства ложи Бордес в письме к Герингу заявил, что «его масонство нельзя смешивать с другими, ибо оно не является космополитическим и интернациональным, а лишь защищает рыцарские ценности вечной Германии». Руководитель другой ложи, «Ройал Йорк», Фейтскорн, предложил учредить «чисто арийский и рыцарский орден», упразднить название «франкмасон», прервать все связи с иностранными послушаниями, «полностью переделывать обрядники, исключив из них ссылки на древних иудеев, вдохновляясь исключительно нордической мифологией». Это позволило некоторым прусским масонским группам продержаться до 1935 года, когда и они были запрещены.

Со второй половины 30-х годов мировое масонство заняло резко антифашистские позиции, что, среди прочего, выразилось в стремлении, как говорилось тогда, «навести мосты» с СССР. Русские масоны подготовили к международной конференции лож «красного» масонства в Брюсселе в 1935 году доклад, где говорилось о «спиритуальной эволюции большевизма», о духовном ренессансе в России, который «окончательно определит, станет ли русская революция конструктивной или деструктивной силой западной цивилизации». В том же докладе говорилось: «Мы считаем, что приближается время, когда Россия

созреет для масонской деятельности, и мы должны организовать для ее немедленного начала. В течение последних лет повторялись попытки, исходящие всегда по инициативе советских кругов, со стороны представителей и агентов этого правительства по установлению контактов с руководителями русского масонства». Все это свидетельствует о редкостной наивности братьев, но и о весьма умелой работе НКВД.

Война нанесла жестокий удар по масонству оккупированных стран, в том числе и русскому во Франции. Позиции русских братьев в начале войны четко выразил уже упоминавшийся М.А. Осоргин. Выступая на одном из последних заседаний ложи Северная Звезда 31 марта 1940 года (незадолго до вступления немцев в Париж и — что важно — когда СССР после заключения пакта Молотов—Риббентроп сохранял благожелательный по отношению к Германии нейтралитет), он сказал: «Если этот мир должен выйти из победы оружием одной из сторон, то я хочу, чтобы это была победа западных демократий против страны всеобъемлющей государственности, деспотической Германии. Я этого хочу... для себя и для всех, думая, что победа этой стороны более обеспечивает Европе хотя бы остатки относительной политической свободы, которую народы демократий пользовались до войны. Может случиться, что тем самым отдалится пора социальных реформ, болезненно этим странам необходимым (обобществление земли, фабрик и орудий крупного производства), но опыт России показал, что решительнейшие социальные сдвиги не достигают цели без обеспечения свободы и независимости человеческой личности. Даже

если бы мне показали и доказали, что народы России стали счастливее прежнего и живут в довольстве, я все-таки остался бы при своем мнении, потому что довольство и счастье раба не считаю довольством и счастьем, достойным человека».

Четырнадцатого июня германские войска вошли в Париж, а 22 июня 1940 года было заключено соглашение между французским и германским правительствами о разделении Франции. Север был оккупирован немцами, на юге создавалась так называемая «свободная зона» с центром в курортном городе Виши, управляемая марионеточным правительством маршала Петэна. В обеих частях страны на масонов (конечно, не только на них) начались гонения. Седьмого августа Великий Восток заявил о прекращении своей деятельности; 13 августа масонство в «свободной зоне» было запрещено и чиновников обязали дать подписку о том, что они не состоят в тайных обществах; 19 августа все ложи «на территории Франции, Алжира, в колониях, в странах Протектората и на территориях, находящихся под мандатом», были закрыты особым декретом правительства Петэна. В октябре—ноябре 1940 года в Париже проходила бесплатная выставка «Разоблаченное масонство»; 31 октября оккупационные власти выступили с заявлением: «Люди, взятые из среды масонства (высших степеней), послужат заложниками в случае, если будет произведено покушение на устроителя выставки, барона де Ледэна». Одиннадцатого августа 1941 года по всей Франции масоны были приравнены к евреям, то есть им было запрещено занимать казенные места службы. С 15 октября того же года началась публика-

ция списков масонов, причем ведал этим директор Национальной Библиотеки Бернар Фаи (после освобождения Франции 5 декабря 1944 года он был приговорен к бессрочной каторге, конфискации имущества и «всемирному презрению»; в 1953 году – помилован). Девятого марта 1943 года в кинотеатре на Елисейских полях прошел просмотр кинофильма «Оккультные силы» под лозунгом «Связь масонов с английскими империалистами и социалистическим Интернационалом доказана». И т.д. и т.п. По официальным сведениям, среди масонов Франции из Великого Востока 5210 допрошены, 219 депортированы, 117 расстреляны; из Великой Ложи – 1250 допрошены, 520 депортированы, 180 расстреляны.

В эту волну репрессий попали и русские. Пронацистская группа в среде эмигрантов, возглавляемая Ю.С. Жеребковым, развернула с приходом немцев в Париж антимасонскую деятельность: масонам не выдавали удостоверений личности, их списки вывешивались в помещениях оккупационной администрации и т.п. Многие из масонов ушли в Сопротивление, сражались в рядах французской армии, были расстреляны или погибли в концлагерях. Всего за годы войны русские масоны потеряли около 150 человек из более чем 300.

Примирение и забвение: судьбы послевоенного масонства

Российское масонство во Франции после войны медленно умирало. Немалый шум произвело посе-

щение 12 февраля 1945 года, то есть после освобождения Франции, но еще до конца войны, группой эмигрантов во главе с В.А. Маклаковым советского посольства. Особое раздражение эмигрантов вызвало то, что за завтраком, данным советским послом, пили за здоровье Сталина. Поскольку В.А. Маклаков и почти все члены этой группы были масонами, снова пошли разговоры о «масонско-коммунистическом заговоре». На деле любовью к СССР тогда были охвачены не только эмигранты, да и среди них – не только масоны. Глава Русской Православной Церкви в Западной Европе (особой ветви русского православия, находившейся под юрисдикцией Константинопольской, а не Московской Патриархии) митрополит Евлогий посетил то же посольство еще ранее эмигрантов-масонов.

Масоны продолжали питать надежды на перерождение советского строя, на возрождение масонства на Родине. Ничего этого не произошло; наоборот, новые власти в странах, освобожденных Красной Армией, начали гонения на масонство. В 1946 году в газете «Работническое дело» вождь болгарских коммунистов и премьер Болгарии Георгий Димитров опубликовал статью «Масонские ложи – национальная опасность», где писал: «Имеется много данных, из которых видно, что у нас восстанавливаются масонские ложи. Они собирают старых масонов-болгар и усердно вербуют среди государственных и общественных деятелей новых масонов. Масонские ложи в настоящее время – это чужая шпионская и предательская агентура. Она представляет опасность для свободы и независимости нашего на-

рода и нашей страны... Нужно, чтобы каждый понимал, что это несовместимо – быть болгарским государственным и общественным деятелем – министром, депутатом, руководителем политической партии или общественной организации и в то же время быть масоном, зависимым от чужой воли и чужой дисциплины. (Видимо, герой Лейпцигского процесса не считал приказы из Москвы чужой волей, а подчинение им – чужой дисциплиной. – Д.Х.) Масонские ложи – это национальная опасность для нашей родины, и их, безусловно, нужно ликвидировать». И ликвидировали. Вместе с масонами.

Вообще, после войны влияние масонства постепенно падает во всем мире. Ему просто не остается места. Демократические принципы на Западе понимаются как нечто само собой разумеющееся (для своих, конечно); социальную помощь оказывает государство или благотворительные фонды; разнообразные пацифистские движения состоят в большинстве своем не из масонов, а из студентов; политические нравы уже не требуют какого-либо примиряющего надпартийного института, а любители мистики подались в буддисты, индуисты или поклонники Карлоса Кастанеды. С 1967 по 1990 год (других данных у меня нет) число масонов в мире сократилось на 40%, и все же масонство и в наши дни остается довольно мощной совокупностью организаций – чуть более 4 миллионов человек, но период его расцвета явно позади.

Н.Н. Берберова описывает состоявшуюся в 1985 году в масонском храме в Париже лекцию о таинствах масонов, его истории и символике от XVIII века

до наших дней. «Собралось одиннадцать человек, людей очень старых – четверо мужчин и семь женщин. Нам вынесли три стула, кое-кто из мужчин сел на пол. Лекторша говорила о том, что давно известно по энциклопедиям (в том числе и по БСЭ). Через четверть часа всех перевели в другой зал, куда потащили и стулья. Воспользовавшись перерывом, я подошла к лекторше и спросила ее, не будет ли особой лекции о 20 веке, о 1914 году, сороковых годах и нынешнем времени. Она быстро дала мне масонский знак молчания (правой рукой к левой стороне подбородка) и ответила, что таковой не будет, после чего я вышла из здания на улицу, решив, что возвращаться в будущем не имеет смысла, так как все книги, которые, запертые, стоят под стеклом в этом "храме" и о которых говорилось как о священных и таинственных, можно найти в США не только в Библиотеке Конгресса, но и в больших американских университетах, таких как Гарвард, Принстон и Йель».

Русское масонство за границей умерло вслед за уходом из жизни первого поколения эмиграции. Последнее заседание последней русской ложи в Париже Северная звезда состоялось 25 февраля 1965 года. Правда, с 1991 года ходят слухи о создании неких лож в России, о возникновении то ли в 1994, то ли в 1996 году регулярного российского масонства. Эти сведения автору настоящих строк подтвердил один его коллега, настаивавший, что в оных ложах категорически запрещено обсуждать религиозные и политические темы; что там происходит (если происходит), я, не являясь свободным каменщиком, не знаю.

Итак, почти за три века своего оформленного существования масонство было в той или иной степени близко ко всем основным течениям духовной и политической жизни как в мире, так и в нашей стране. Но именно – близко. Рядом, может быть, даже в гуще, но никак не являясь определяющим фактором. Масоны проповедовали братство, терпимость, самоусовершенствование, принципы мира, свободы и демократии, но не они изобрели и внедрили их. Масоны придерживались определенных политических принципов, стремились воплотить их в жизнь, и даже успешно, но все же торжество этих принципов зависело не от вольных каменщиков. Масоны и во Франции конца XVIII века, и в России начала XX века были среди стремившихся к революции, однако не они ее начали и провели, но именно они пали ее жертвой. Вообще, мне некий обобщенный масон представляется человеком образованным, весьма интересующимся тайноведением, стремящимся к добру, миру и терпимости, исповедующим либеральные (в самом широком смысле) принципы, но иногда впадающим в радикализм, оппозиционно настроенным к властям, но любящим их покровительство. Портрет типичного интеллигента (кроме, может быть, оккультных увлечений, да и это свойственно многим интеллектуалам).

Совершенно непонятно – как появился зловеющий образ масона, который виноват чуть ли не во всех бедах чуть ли не во все времена и чуть ли не во всех странах?

Зловещая темная сила: антимасонские мифы

И вот тут-то от реальности пора наконец перейти к образу. Проследим складывание этого образа. Нападки на масонство начались практически почти одновременно с его возникновением. Основные поводы – религиозная терпимость и секретность. Как многократно подчеркивалось в папских посланиях, в которых масонство подвергалось анафеме (таковых было от первой буллы 1738 года до снятия проклятия в 1983 году двенадцать), основная ересь вольных каменщиков состоит в том, что они признают все вероисповедания равными, причем имеется в виду не просто равенство перед законом (с этим Католическая Церковь к концу XIX века смирилась), но равенство в спасении. Другое обвинение – таинственность. Совсем не зараженные духом религиозной нетерпимости власти кантонов Швейцарии также преследовали масонов. В Берне ложи были запрещены в 1745 году. Любопытна мотивировка: «Истина не боится света, и честность в намерениях и действиях не нуждается в укрывательстве за закрытыми дверями, под таинственными образами».

Общественное мнение тоже иногда не жаловало масонов. Так, в Англии в 1740 году проходили антимасонские демонстрации лондонских подмастерьев, вышел в свет анонимный памфлет «Анатомированное масонство», но это происходило потому, что вольных каменщиков подозревали в связях со свергнутой династией Стюартов. Мы уже говорили о том, что Екатерина II не любила масонов скорее за связи с престолонаследником, нежели за их идеи.

Следует отметить, что идея мирового масонского заговора формируется постепенно. В многократно упоминавшейся булле Климента XII говорилось лишь о вражде масонов к алтарям и тронам. Неприятие существующих властей мартинистами, их, пусть и весьма неопределенные, идеи всемирного царства добра и свободы, попытки иллюминатов стать тайной властью — все это провоцировало, конечно, возникновение представлений о заговоре. В упоминавшейся книге Огюстена Баррюэля говорилось о Французской революции как деле рук масонов. Это уже теория заговора, но пока еще не всемирного. В том же 1797 году, когда вышла книга Баррюэля, в Англии появился трактат Джона Робинсона «Заговор против правительств и религии», где уже говорилось о том, что во французских ложах развились зародыши пагубных начал, разрушавших религию и нравы, и возник заговор против всех Церквей и правительств Европы. Эта теория развивалась и крепла на протяжении XIX и первой половины XX века.

Как некую квинтэссенцию и одновременно пример теории всемирного масонского заговора я хочу рассмотреть книгу Василия Федоровича Иванова «Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней», вышедшую в свет в Харбине в 1934 году и переизданную в Москве в 1997 году (все ссылки будут даваться на издание 1997 года с сохранением орфографии, пунктуации и шрифтовых выделений). Ее автор, бывший министр одного из «белых» правительств в России эпохи Гражданской войны, был крайне правым националистом и одним из ли-

деров профашистской эмиграции. Его позиция: «Масонство привело человеческие общества к разложению и коммунизму, который готов разрушить всякий существующий порядок, и к реакции против коммунизма – фашизму, поставившему своей задачей надеть смирительную рубашку и намордник на разъяренного человека-зверя» (С. 464). «Мы должны приветствовать фашизм и расизм (то есть национал-социализм. – Д.Х.) как здоровую реакцию против своеволия и разгула темных сил, но мы не должны забывать, что это только симптомы, а не окончательное выздоровление, что в этих движениях нет самого главного – положительного идеала, который мы имеем и которому обязаны служить до самозабвения» (С. 483). «Русские люди должны собираться не под фашистскими знаменами, не под знаменами гитлеровской свастики, а под священными хоругвями, на которых начертаны для нас бессмертные слова "Православие, Самодержавие и Русское Единодержавие"» (С. 502). Мне эта книга кажется репрезентативной и по обильному цитированию в ней антимасонской литературы, и по логике изложения, и потому, что она касается в основном нашего Отечества, и потому, что автор не скрывает своих симпатий к тоталитарным режимам Италии и Германии, каковые сегодня в приличном обществе принято скрывать, и ввиду того, что книга эта переиздана здесь и теперь, да еще и с восторженным предисловием.

Вот ее главные положения. «Ближайшая задача масонства – захват в свои руки политического влияния и власти и перевоспитание общества на новых

началах. Масонство должно охватить все сферы человеческой жизни в современных государствах» (С. 69). «Руководящими принципами масонской деятельности являются **атеизм и космополитизм**» (Там же). «Идея народовластия и народоправства (пресловутый "суверенитет народа") и теория разделения властей – все это зародилось в масонских головах и из масонских лож широко распространилось по всему свету» (Там же). «Отвергая положительную религию и восставая против влияния церкви на государственную и национальную жизнь, масонство враждебно настроено к монархическому государственному устройству народов и их национальному своеобразию» (С. 68). «Являясь обширной организацией пропаганды, масонство действует путем медленного внушения, подготавливая и распространяя революционное брожение. <...> После соответствующей подготовки умов на сцену выступают боевые террористические организации, которые заканчивают задуманную и подготовленную масонами революцию. В случае успеха плоды своей темной подпольной работы масонство собирает в свою пользу, а в случае неудачи и провала революции оно остается ни при чем, вина перекладывается на "разрушительные элементы революции", а масонство, как ни в чем не бывало, возобновляет свою основную работу в своих целях.

Принимая на себя обязанности беспрекословного подчинения ордену, масон должен без раздумья и колебания в интересах ордена принести все жертвы, пойти на страдания и смерть за масонские идеалы, сохраняя тайну и верность ордену. Девиз масо-

на: "Будь готов!"» (С. 64). И вывод: **«Конечный идеал масонства есть организация сверхгосударства в виде мировой атеистической республики»** (С. 71).

Эти коварные планы начали воплощаться в жизнь с момента возникновения масонства, причем когда оно возникло – неясно: «история самого происхождения масонства теряется в глубине веков и покрыта глубокой тайной» (С. 71). Почти все существеннейшие исторические события в мире есть следствие масонских действий: Реформация (С. 73–75), научная революция XVII века (С. 75–79), Английская революция (С. 80–81), Французская революция (С. 81–92), приход к власти Наполеона («Своим возвышением Наполеон обязан масонству и еврейству» – С. 91), падение его («Но тайные общества резко повернулись против него, когда он обнаружил желание восстановить в своих интересах стойкое, консервативное самодержавие» – С. 92), революция 1830 года во Франции и польское восстание того же года (С. 315–316), революция 1848 года и приход к власти Наполеона III (С. 319–322), Крымская война (С. 324–325), польское восстание 1863 года (С. 333–336), франко-прусская война и падение Наполеона III (С. 358–359), наконец, Первая мировая война (С. 398–401) («Масонством был поднят славянский вопрос – вечное яблоко раздора и повод для мировой потасовки. <...> Убийство в 1914 году в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда, послужившее поводом к мировой войне, было произведено масонами» – С. 395).

И уж конечно, вся история нашего Отечества есть борьба масонских и антимасонских сил, тем более

что для мирового масонства именно Россия, где высшая форма христианства – Православие и монархии – Самодержавие достигли полного расцвета, есть главный враг. Русская революция есть никак не результат объективных процессов, но следствие международного масонского заговора, орудием которого выступила интеллигенция: **«Россию и народ привела к гибели воспитанная масонством либерально-радикально-социалистическая интеллигенция».**

История русской революции есть история передовой, либерально-радикально-социалистической интеллигенции.

История либерально-радикально-социалистической интеллигенции есть по преимуществу история масонства» (С. 50).

Вся история России с петровских времен является историей последовательного разрушения ее масонами. Масоны убили Петра III («Переворот 28 июня 1762 года – одно из самых лживых и гнусных преступлений в мировой истории. Темная масонская сила торжествовала полную победу» – С. 178), Екатерину II («...не исключена возможность, что жизнь Екатерины пресекла та **"аква тофана", "которую, – по словам Фридриха-Вильгельма, – умеют отлично готовить масоны"** (иллюминаты)» – С. 216), Павла I («Масоны убили Павла и оклеветали его память» – С. 242), Александра I («Насильственная смерть Императора Александра нужна была масонам, которые ненавидели Государя как гонителя ордена» – С. 296), Николая I (**«Виновником смерти является всемирный масонский заговор»** – С. 328), Александра II

(«Царь-Освободитель... пал, злодейски растерзанный убийцами, которыми руководила мировая таинственная воля» – С. 347), Александра III («В смерти Царя-Миротворца много таинственного и загадочного, что не может не наводить на глубокие и тревожные размышления» – С. 366), Николая II («Зверское убийство Императора и его семьи по приказу масонов Ленина, Троцкого и Свердлова...» – С. 421).

«Антиправославная и антинациональная преобразовательная деятельность Петра наложила неизгладимый отпечаток на мирозерцание верхов и создала тип людей, враждебных национальной России» (С. 137) – и повинны в этом масоны: «Петр I стал жертвой и орудием страшной разрушительной силы, потому что не знал истинной сущности братства вольных каменщиков» (С. 140). Масонами-разрушителями были (или не были?) виднейшие представители культуры петровского и анненского времен: «Принадлежали ли Феофан (Прокопович. – Д.Х.), Кантемир и Татищев формально к масонству, то есть состояли ли членами масонских лож, прямых данных нет; но это и не имеет никакого значения, ибо все они, несомненно, находились во власти разрушительных идей масонства» (С. 157). То же относится и к елизаветинскому времени: «Воспитанники "шляхетского" (кадетского) корпуса и "всесословного" университета живо усваивают масонскую премудрость и создают кадры для борьбы против существующего порядка. <...> Отсюда вышли писатели-масоны Сумароков, Болтин и князь Щербатов, а их работу продолжили масоны Новиков, Радищев, Грибоедов и Рылеев» (С. 169). В екатерининскую эпоху темное де-

ло масонов продолжили Херасков, Фонвизин и тот же Радищев (С. 198–207). Масонство почти погубило Россию в войну 1812 года, ибо командовал армией масон М.И. Кутузов, который делал все что мог для собственного поражения (С. 266–271). Декабристское движение – чисто масонское деяние, «которое было подготовлено, организовано и руководилось масонами», а «центр, который руководил заговором декабристов, находился за границей» (С. 287). Главные виновники восстания 14 декабря 1825 года («масонское действо, известное в истории освободительного движения под наименованием “восстания декабристов”» – С. 303) ушли от наказания, ибо членами суда над ними были масоны Мордвинов, Сперанский, Бенкендорф и другие, стремившиеся наказать всякую мелочь (**«Масоны государственный мятеж представили Государю в невинном смысле, что бунтовщики – это заблудшие, которые не знали, что творили»** – С. 304) и сохранить основные силы. В развитии революционных идей, в покровительстве им немалую роль сыграл масон Александр Христович Бенкендорф: «Под флагом борьбы с политическими преступлениями Бенкендорф покровительствовал радикальным и социалистическим кружкам. Борьба с вредными идеями идет на словах. Эту борьбу ведут главным образом с Пушкиным, который ушел от масонства, отвернулся от декабристов и стал пламенным защитником Николая Павловича» (С. 314).

О роли масонства в русской революции и говорить не приходится: «Революция в России в 1917 году, как это теперь установлено, была подготовлена

и устроена масонами» (С. 401). То же можно сказать и о Гражданской войне: «Борьба между белыми и красными была, в сущности, борьбой между голубым и красным масонством» (С. 426).

И в эмиграции масоны продолжали препятствовать делу освобождения и возрождения России. Они разрушали истинно православную веру: «Ошалевший от учености Булгаков, книги которого даже образованному человеку нужно читать со специальным словарем, православный Франк, Зеньковский, злобный и пылающий ненавистью к царскому самодержавию и апологет масонства Бердяев и т.д. выступают в качестве "единственных и истинных" исповедников и хранителей православия» (С. 448). Масоны отравляют и русскую литературу в эмиграции: «...академик Бунин получил Нобелевскую премию. Но нет никакого сомнения, что Бунин получил эти крупные деньги по причинам именно формально красивого, филигранного своего творчества, разлагающего, безвольного, а каковы причины получения по существу – мы увидим ниже» (С. 461). Дело в том, что «к числу масонов принадлежат Амфитеатров... Мережковский, Алданов... и, по всей вероятности, Бунин, который при содействии масонов получил Нобелевскую премию, которая, как общее правило, выдается только масонам» (Там же). «Кампания, которая проводилась до выбора этого лауреата Нобелевской премии и особенно после, эти повсеместные чествования Бунина проводились также масонами. Шумиха, поднятая вокруг этого столь "знаменательного события", создавалась масонскими газетами...» (С. 463).

Не следует думать, что темные силы масонства не встречали отпора. Например, «пугачевщина – стихийное антимасонское движение за веру и закон, за элементарную человеческую справедливость, которую цинично попирали вельможные братья вольные каменщики» (С. 183). К истинно православным патриотам и антимасонским деятелям относятся Ф.В. Растопчин (С. 220–221, 262 сл.), архимандрит Фотий (С. 279–284), граф Алексей Андреевич Аракчеев, «великий русский патриот и верный слуга своего Государя», бывший «спасителем России, которую “освободители” тогда уже намеревались превратить в демократическую республику, сделать ее добычей инородцев и иностранцев и отдать русских православных в рабство» (С. 228, см. также С. 289–292), отец Иоанн Кронштадтский (С. 378–380), который один «в страшную эпоху богоборчества не побоялся выступить против Л. Толстого и указать народу, что он выполняет антихристову волю и является “антихристовым рабом”» (С. 378), и который отверг предложение стать почетным профессором Юрьевского университета **«наряду с безбожником графом Львом Толстым, злейшим еретиком нашего злополучного времени, превзошедшим в своем высокоумии и гордыне всех бывших когда-либо еретиков»**, назвав одного графа **«осатанелым писателем»** (С. 379). В эмиграции тем же темным силам противостоит митрополит Антоний (С. 448–455). Но всего этого явно было и есть недостаточно. Россия лежит разрушенная и униженная масонами, но должна стряхнуть их иго и возродиться.

Такова основная концепция этой книги, основная концепция теории мирового масонского заговора. Прежде чем проанализировать ее, отметим, что эта теория имеет явно ученое, книжное происхождение, не обладает глубокими корнями в массовом сознании. Если не считать весьма экстравагантной гипотезы о пугачевском бунте как о народном антимасонском движении, нам почти неизвестны идущие снизу выступления, направленные против масонов.

Народное антимасонство: дело Клинтона

Одним из немногочисленных исключений, или даже полуисключений, является история относительно массового антимасонского движения в начале 20-х – конце 30-х годов XIX века в США – стране, где никогда не было правительственного давления на вольных каменщиков. Завязка этой истории поистине детективная. В 1826 году в местечке Канандайгви на западе штата Нью-Йорк некий Уильям Морган попал в долговую тюрьму, был выкуплен оттуда и пропал. Незадолго до этого он поссорился с членами масонской ложи, в которой состоял, и готовился издать книгу «Иллюстрации масонства», где намеревался раскрыть масонские тайны. Пошел слух, что он был убит масонами. Несколько вольных каменщиков арестовали, и те признались, что именно они заплатили долги за Моргану, привезли его к Ниагарскому водопаду, возле которого он жил в заброшенном амбаре, а затем переправили в Ка-

наду, куда он хотел скрыться от издателей его антимазонской книги, заключивших с ним кабальный договор. Обвинение же настаивало на том, что масоны увезли Моргана насильно, а затем бросили его, скованного цепью, в Ниагару. Труп Моргана искали и в Ниагаре, и в озере Онтарио, но так и не нашли. В январе 1827 года обвиняемые были приговорены к тюремному заключению «за насильственное держание человека взаперти и тайный увоз за границу». В октябре 1828 года в озере Онтарио был обнаружен некий труп, как оказалось, канадца Тимоти Манро, утонувшего во время бури. Противники масонов заявили, что найдено было тело Моргана, а подкупленные вольными каменщиками судьи и эксперты скрыли этот факт. Останки эксгумировали, но вдова Манро опознала погибшего мужа, и дело прекратили. Дело, но не борьбу с масонством.

Суть в том, что в это время в правящей партии США произошел раскол. Двухпартийная машина дала в конце 1810-х годов сбой. Распалась основанная Джорджем Вашингтоном и Джоном Адамсом партия федералистов. Учрежденная Томасом Джефферсоном Республиканская партия (до 1794 года она называлась демократической, но затем сменила название из-за нежелательных ассоциаций с французскими демократами-якобинцами) разделилась в начале 20-х годов на две группы – демократическую и национал-республиканскую. В 1826 году на выборах губернатора штата Нью-Йорк столкнулись демократ Девиtt Клинтон (такое вот совпадение!) и национал-республиканец Уильям Рочестер. История с Морганом, всплывшая как раз накануне выборов, оказа-

лась на руку национал-республиканцам, ибо Клинтон был гроссмейстером Великой Ложи Нью-Йорка и членом общенационального Главного Капитула высших масонских градусов. Победа Клинтона на выборах лишь обострила борьбу. Пошли слухи, раздувавшиеся оппозиционной прессой, о страшных масонских обрядах. В 1827 году антимасонские группы выдвинули своих кандидатов на выборах в Законодательное собрание штата и добились некоторого успеха. В 1828 году была создана антимасонская партия штата Нью-Йорк, получившая на выборах около 12% голосов (губернатором все же был избран демократ). В том же 1828 году демократическая группа Республиканской партии оформилась в Демократическую партию США, существующую и доныне. Против лидера этой партии, Эндрю Джексона, ставшего в том же году седьмым президентом Соединенных Штатов, началась ожесточенная кампания. Значительное место в ней занимали обвинения в дружбе с «убийцей» Клинтоном и принадлежности к масонству.

Борьба вышла за границы штата Нью-Йорк. В 1829 году Законодательное собрание штата Массачусетс приняло явно антимасонский закон об уголовном преследовании «за принесение не установленной законом присяги». Обвинения сыпались на вольных каменщиков со всех сторон. Ложи прекращали свою деятельность. В 1830 году состоялся организационный съезд антимасонской партии, кстати сказать, первый общенациональный партийный съезд в истории США. В 1832 году антимасоны потерпели сокрушительное поражение.

ние на президентских выборах. Еще в 1830 году они предприняли попытку сближения с национал-республиканцами, выдвинув единого кандидата на губернаторских выборах в Нью-Йорке, причем в его программе был записан пункт о лишении масонов всех гражданских и политических прав, прямо направленный против Э. Джексона. Но в 1832 году Джексон все равно победил на всеобщих выборах, антимасонская партия влилась в группу национал-республиканцев, образовав, вместе с остатками федералистов, партию новых вигов. Эта партия пережила еще несколько расколов и в 1854 году преобразовалась в ныне действующую Республиканскую партию США, в программе которой нет ничего антимасонского, а многие лидеры ее принадлежали к вольным каменщикам. Антимасонская риторика исчезла из политического лексикона партии новых вигов и более не возобновлялась.

Этот политический триллер дает пример более или менее массового антимасонства. Конечно, оно было во многом инспирировано политиками, но политиками низшего и среднего звена, а не высшими руководителями страны. В глазах многих (но не большинства) масоны выглядели либо как злобные чернокнижники или сектанты, либо как лица, чьи принципы, по словам их противников, являлись «гибельными для политического равенства, опасными для свободного государства и враждебными правосудию». Ни о каком всемирном заговоре речь не шла, да это, скорее всего, широким массам было бы и не очень понятно.

Масон и еврей — близнецы-братья: поиск единого врага

Может быть, именно поэтому противники масонства (но не в США!) стремились связать его с известным и как раз хорошо известным народу врагом — евреями. Мы уже говорили выше о спорах вокруг принятия евреев в ложи, о том, что далеко не все вольные каменщики соглашались с этим. И все же призывы к религиозной терпимости делали свое дело, и, как мы также отмечали, евреев в ложах было не так уж мало, хотя они никогда не составляли там большинства. Увлечение, как мы не раз говорили, многих масонов каббалистикой также давало пищу заявлениям о «жидо-масонах». **«Известно, — считал видный отечественный антимасонский писатель А.Д. Философов — что франк-масоны шотландского ритуала прямо признают себя служителями Иеговы, и это не как Бога христианского, а как бога иудейского, освобождающего их от новых обязанностей, налагаемых учением Христовым»** (С. 52–53). Ему вторит митрополит Антоний: «Следует отметить, что масонство в своих ритуалах, посвящениях и символике носит ярко кощунственный характер. Так, например, ложа 18-й степени (Розенкрейцерская) украшена изображением Голгофы. На кресте изображена роза, над которой помещена таинственная еврейская надпись "I.N.R.I."» (С. 451).

Митрополит Антоний, «мировое богословское светило, авторитет которого признают даже в Ватикане» (С. 462), мягко говоря, неточен. «I.N.R.I.» есть

общеизвестная и общераспространенная кириллическая аббревиатура латинской фразы: Iesus (в средневековой латыни буква «J» не употреблялась и заменялась на «I») Nazareus Rex Iudeorum. В Писании сказано: «Пилат же написал и надпись и поставил на кресте. Написано было: Иисус Назорей, Царь Иудейский... и написано было по-Еврейски, по-Гречески, по-Римски» (Иоанн, 19, 19–20; ср. Матф., 27,37; Марк, 15,26; Лука, 23,38). Распятие с табличкой, на которой начертана указанная аббревиатура (на латинице I.N.R.I.), является распространеннейшим со времен раннего Средневековья иконографическим сюжетом и в западном и в восточном христианстве, и указанные буквы «таинственной еврейской надписью» никак не являются.

«Как известно...»: система доказательств и казус Лео Таксиля

Вообще, подлинность фактов, приводимых в антимасонской литературе, их интерпретация и способ подачи весьма хромают. Книга В.Ф. Иванова и подобные ей пестрят словами типа: «как известно», «несомненно», «конечно» и т.п. В тех случаях, когда никаких доказательств нет и привести основания невозможно, приходится ссылаться на нечто «общеизвестное» и «общепонятное». Например: **«"Всешутейший собор" (Петра I. – Д.Х.) имел весьма сложную организацию и, конечно, был создан не русской головой. Идею собора и его организацию дали протестанты-**

масоны» (С. 115). Наверное, русские головы к сложному не приспособлены.

Один из постоянных мотивов В.Ф. Иванова: **«СССР— самое последовательное в мире масонское государство»** (С. 465). Он обрушивается на большевиков, «проводящих неопишутый террор и истребление народа, небывалое гонение религии, особенно христианской, превращение целой страны в публичный дом, где узаконен всеобщий разврат и подвергаются растлению девочки в возрасте 10—13 лет, происходит обращение миллионов людей в бесправных и нищих рабов» (Там же). Я был бы готов подписаться под этими словами (несмотря даже на то, что их автор не заметил ничего подобного в Германии), если бы не заявления о девочках — в чем большевики, бывшие, как помнят представители моего поколения, борцами за нравственность через парткомы, неповинны; все это заимствовано из эмигрантской прессы, притом без указания источников.

Иногда аргументы еще хлеще. «Следуя в этом стремлении за лозунгами, данными Западной Европой и не кем другим как масонством (должен же был кто-то дать эти лозунги?)...» (С. 24). Логика такова: если неизвестно кто, то масоны. В современной частушке «Если кончились лосьоны, значит, выпили масоны; у пальто плохой фасон, значит, выкроил масон» такая логика выглядит весьма выпукло.

В доказательство того, что вся британская демократическая система — фикция, что формула «Король царствует, но не управляет» — ложь, приводит-

ся следующий аргумент: «Наконец, на самом верху, в качестве Великого Магистра (Гроссмейстера) всех лож, стоит английский король, который эту должность занимает наследственно и слово которого в этих ложах – закон» (С. 467). В действительности сокращенный титул британского монарха (монархини) таков: «NN, милостью Божьей король (королева) Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и иных владений, глава Содружества, защитник (защитница) веры, Великий Магистр рыцарских орденов». Современные британские рыцарские ордена – Подвязки, Бани, Святого Михаила и др. – сохраняют структуры светских рыцарских орденов Средневековья: орден есть содружество отмеченных особым почетом личностей; внешним проявлением принадлежности к ордену является орденская одежда и особый орденский знак (орден в современном смысле); такой орден возглавляет монарх как первый рыцарь страны. Но как раз Орден свободных каменщиков к таким орденам не относится, среди великих магистров масонов были члены королевской фамилии, среди братьев – монархи, но никогда ни один английский король не возглавлял братство франкмасонов. Так что несомненные факты довольно ловко искажаются.

В иных случаях, там, где есть более или менее четкие указания на источники сведений, оказывается, что они либо взяты из такой же антимасонской литературы, либо... «Бердяев... был в числе тех лиц, которые в 1905 году были приглашены к поэту Минскому... "со специальной целью испытать причащение человеческой кровью". <...> "Кровь действи-

тельно была получена от укола еврея-музыканта и какой-то еврейки, разболтана в стакане и выпита всеми присутствующими» (Розанов)» (С. 435). Серьезному исследователю следовало бы осторожнее относиться к свидетельствам Василия Васильевича Розанова, человека яркого, безусловно талантливого, но обладавшего весьма своеобразным отношением к фактам не ввиду лживости (нет, вралем в общепринятом смысле В.В. Розанов никогда не был), но из-за более чем пылкой фантазии и вообще особенностей психического склада.

Приведем еще одну, не упомянутую В.Ф. Ивановом любопытную историю, связанную с тайнами масонства, с его ужасными обрядами и т.п. Во второй половине XIX века во Франции был весьма известен публицист Габриэль Антуан Жоан-Пажес, писавший под псевдонимом Лео Таксиль. Воспитанник иезуитского коллежа, он стал ярким вольнодумцем и опубликовал целый ряд антирелигиозных и антиклерикальных книг, известных в свое время и у нас: «Забавная Библия», «Забавное Евангелие», «Священный вертеп». Ерническим тоном, кощунственными выпадами эти книги производят неприятное впечатление даже на завязтого атеиста, если тот обладает не то чтобы уважением к вере других, но хотя бы элементарным художественным вкусом. Но тогда эти книги были весьма популярны. В 1881 году Таксиль вступил в масонскую ложу, а в 1895 году сделал решительный шаг: он публично отрекся от атеистических и масонских убеждений, заявил о возвращении в лоно Католической Церкви и поставил свое перо на службу ей, особенно в разоблаче-

нии масонства. В книге «Братья трех пунктов» он заявил, что масоны собираются поработить сначала Францию, потом Европу, потом весь мир, что они исповедуют культ Люцифера, а все их ритуалы служат прославлению Сатаны, что Гибралтарская скала (Гибралтар, кстати сказать, тогда, как и сейчас, принадлежал Британии, и на это Таксиль обратил особое внимание) внутри полая, и там расположены мастерские, где люди-монстры из некой секты палладистов готовят атрибуты, необходимые для их оргий. Орден палладистов возглавляет некто Пайк, «первый папа Люциферова культа, высший вождь франкмасонов, проводящий регулярно каждую пятницу в три часа совещания лично с мессиром Люцифером». В США, в Чарлстоне, где в неизвестном месте живет Пайк, находится главный храм палладистов, а в нем хранится книга «Апандо», которую сам Сатана написал зелеными чернилами (кстати сказать, все эти фантазии имели некую реальную основу: в 1837 году американский масон из Чарлстона Алберт Пайк основал в Париже орден палладистов; одним из иерархов этого ордена был некий Маккей, заявлявший, что он есть воплощение Жака де Моле, чему, казалось бы, должно было противоречить его же заявление о том, что он и Пайк хранят в Чарлстоне череп последнего великого магистра тамплиеров). Обычное масонство есть лишь, по Таксилью, прикрытие для палладистов. На одной книге Лео Таксиль не остановился, были написаны другие, в которых некая София Вальдер, «бабушка антихриста и Пайка» (не вполне ясно, Пайк и антихрист – одно лицо или двоюродные братья), рассказывала о

лесбийских оргиях в женских ложах палладистов. Потом он выпустил в свет «Мемуары экс-палладистки», автор которой, Диана Воган, повествует о том, что она родилась от демона Битру, десяти лет от роду вступила в американскую ложу палладистов и была там помолвлена с князем тьмы Асмодеем. По-мрачение умов было таково, что вся эта чепуха воспринималась всерьез. В 1896 году по инициативе Таксила в североитальянском городе Тренто состоялся антимасонский конгресс, где присутствовали 36 епископов, 50 епископских делегатов и более 700 священнослужителей из Франции, Австрии, Германии, Бельгии, Нидерландов, США, Канады и Мексики и где всерьез дебатировался вопрос о причислении Дианы Воган к лику блаженных.

Все рухнуло 19 апреля 1897 года, когда в зале Французского географического общества, где собрался весь цвет Парижа, дабы послушать лекцию Таксила о палладизме, докладчик заявил, что все его писания, как он их охарактеризовал без ложной скромности, «мистификация века», что «бабушка» София Вальдер и прекрасная Диана Воган выдуманы им самим, дабы посрамить легковых и поглумиться над церковниками. И что же? «Факты», представленные Таксилем, и поныне воспроизводятся в антимасонской литературе, иногда дословно, иногда с вариациями. Так, недавно одна оппозиционная газета вполне серьезно повествовала о некой подземной комнате в Московском телецентре, где свершаются какие-то странные, кажется, «халдейские» ритуалы.

Значительными «неточностями» страдают приводимые В.Ф. Ивановым обвинения тех или иных

лиц в принадлежности к масонству или еврейском происхождении или и в том и другом – для антимасонской пропаганды это именно обвинения. В число масонов попали и «изувер и палач масон Кромвель» (С. 109) (даром, что он умер в 1658 году. а масонство в собственном смысле возникло в 1717 году), и Маркс (С. 421), и Милюков (С. 411 и др.) (как мы помним, он относился к масонству с огромным скепсисом), и организаторы Сараевского убийства, члены сербской террористической организации «Объединение или Смерть» (С. 395–397)¹. Кто не масон – тот пособник: «Сталины, Литвиновы, Горькие и прочие послушные приказчики мировой плутократии и ее союзника – масонства» (С. 482) (сколь эта лексика похожа на большевистскую пропаганду!). Гаврило Принцип, чей роковой выстрел послужил поводом (не причиной, конечно) к началу Первой мировой войны, – еврей (С. 397); в реальности он был сыном богатого крестьянина-

¹ Характерно, что выдержки из протоколов допросов террористов даны по книге разоблачителя масонства Л. де Понсена «Тайные силы революции». Дело в том, что материалы процесса над участниками покушения исчезли в 1918 году при загадочных обстоятельствах, сохранились лишь краткие отчеты журналистов и позднейшие воспоминания присутствовавших на процессе лиц, в которых ничего подобного не упоминается. Но время от времени появлялись и тут же подхватывались любителями сенсаций слухи о том, что кто-то видел эти материалы, прочел и прямо-таки дословно пересказал тому или иному «разоблачителю», причем в зависимости от политической ориентации одного «разоблачителя» подлинными организаторами убийства оказывались евреи, масоны, германские милитаристы, российская разведка и т.д. и т.п.

серб из Боснии (все это было бы смешно, если бы не было так грустно: по сообщению газеты «Известия», на сайте Интернета, посвященном обсуждению американских бомбежек Югославии, появилось высказывание – «Гаврило Принцип такой же серб, как Троцкий русский»). Идеолог «Пан-Европы» – «граф Куденхове-Каллерги, по отцу венгр с неопределенным количеством еврейской крови, женатый на еврейке» (С. 477). О последнем историческом персонаже следует сказать следующее. Мне не удалось найти сведений о супруге графа, но о его родителях я кое-что выяснил. Отец вдохновителя идеи «Соединенных Штатов Европы», действительно родившийся в Венгрии, принадлежал к европейской интернациональной аристократии: Куденхове – род фламандского происхождения, Каллерги – венецианского, но в истоках – греческого, род, переселившийся в XVI веке с Крита в Светлейшую республику (как называли свое отечество венецианцы), когда остров принадлежал ей. Количество еврейской крови в жилах молодого графа действительно «неопределенное», ибо определить его попросту невозможно за отсутствием таковой. А вот с матерью графа Рихарда все ясно – старший граф Куденхове-Каллерги был австрийским послом в Японии, где и женился на местной уроженке, так что в жилах его сына текло вполне определенное количество – ровно половина – японской крови. Но об этом В.Ф. Иванов, живший в Харбине, на территории, оккупированной японцами, в марионеточном государстве Маньчжоу-Го, сообщить, видимо, постеснялся.

Логика подачи материала в подобных антима-
сонских текстах также весьма хромает. На разных
страницах встречаются разные, порой прямо проти-
воположные утверждения. Некоторые противоречия
можно, правда, объяснить простой небрежностью.
Так, Христианская Ассоциация молодых людей
(Young Men Christian Association, известная YMCA)
основана то ли Вильямсом в 1878 году (С. 441), то ли
Вильямсоном, разумеется, евреем, в 1844 году (С.
443). Но никак не невнимательностью можно объяс-
нить иное. Одно из главных положений антима-
сонства: «Никакой разницы между французским и ан-
глийским масонством, как нередко пытаются ввести
профанов в заблуждение, не существует. Масонство
едино и имеет одну цель» (С. 51). При этом, вспо-
ним, Гражданская война объявляется борьбой меж-
ду различными масонскими послушаниями (С. 426).
Ладно, эту нестыковку можно объяснить тем, что
вольные каменщики дрались между собой для вида.
Но вот характеристики некоторых исторических пер-
сонажей: «Масон Фридрих II вновь стремился под-
чинить своему влиянию Россию» (С. 170) — и почти
тут же: «...король Прусский Фридрих Великий, дру-
живший с Россией...» (С. 209). Или касательно учас-
тия масонов и их приспешников в заговоре против
Николая II и Февральской революции: «Адмирал
Колчак не только сочувствовал перевороту, но и
принимал в нем деятельное участие» (С. 409), а не-
сколькими страницами ниже правительство Колчака
названо «национальным» (С. 424), а сам он — «до-
блестным адмиралом» (С. 425). И все остальное в
том же роде.

Антимасонство: логика мифа

На первый взгляд, вся эта антимасонская теория есть чепуха, бред безумца. Нет, «если это и безумие, то в нем есть своя последовательность». Мы поймем оную теорию, только если примем, что это вообще не теория, а миф. Я принимаю возражения, которые может вызвать мое высказывание. При чем тут миф? Ведь перед нами не заклинания какого-либо древнего жреца или шамана, но историческое исследование. Во всяком случае так его представляет М.Б. Смолин в предисловии к современному изданию книги В.Ф. Иванова. Правда, сам Иванов себя историком не считает: «Эта книга написана прежде всего русским национальным, политическим работником, который своей заветной целью ставит благо нашей родины – Святой и Прекрасной, но поруганной, униженной и оскорбленной России. В этом смысле я – политический трибун, который возбрался на возвышение и кричит, зовет, призывает внимание своего народа к вопросам, в которых заключается весь корень нашей общей распри» (С. 21–22). Но ведь и любой политический трактат Нового времени требует рационального подхода, научной системы доказательств и аргументов (то, что эти условия в большинстве таких трактатов не соблюдаются, не есть аргумент против самих условий). На эти возражения я готов ответить следующее: да, я, может быть, употребил слишком сильное слово «миф». Да, если отбросить все вненаучные значения этого слова («ложь, вымысел» либо «глубинное знание»), то мифом в собственном смысле

можно назвать лишь миф архаический, в полном своем значении существующий только у первобытных народов либо народов, сохранявших до недавнего времени такой уклад жизни. Однако простая и четкая дихотомия «мифологическое мышление/научное мышление» не работает на конкретном историческом материале. Разумеется, назвать все формы мышления Нового времени, не являющиеся наукой, мифом не вполне корректно, но иного термина просто нет, придется довольствоваться этим.

Естественно, мифы цивилизованных эпох никак не тождественны мифам первобытным. Гностические учения времен Поздней Римской империи, «натуральная магия» эпохи Ренессанса, повальное увлечение «животным магнетизмом» накануне Великой Французской революции – примеров не счесть. То, что миф о масонском заговоре возник лишь в конце XVIII века и достиг полного расцвета на рубеже XIX и XX веков, не удивительно. В 1815 году на Венском конгрессе создается Священный союз, некое наднациональное сообщество европейских монархий, поставившее целью борьбу с революциями в Европе, причем борьбу, допускающую, по решениям конгресса Союза, вооруженную интервенцию. В 1847 году организуется международный Союз коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом, в 1864 году – Первый Интернационал, в 1878–1879 годах – Анархистский Интернационал, в 1889 году – Второй Интернационал. В 1870–80-е годы в Германской империи, а в 1880-е – 1900-е годы во Франции разворачивается борьба против Католической Церкви, и в националистических кругах Германии и в либеральных кругах в

той же Германии и во Франции распространяются мнения о всемирном заговоре иезуитов с целью подчинения мира то ли папе, то ли им самим (кстати сказать, к ужасу либералов, а равно и ультракатоликов антимасоны России и протестантской Германии сближали масонов и иезуитов). Параллельно антимасонству развивается антисемитизм. В 1820-е годы во Франции в ультрароялистской публицистике появились первые упоминания о всемирном еврейском заговоре, в течение XIX века распространившиеся по всей Европе. В 1875 году сербский публицист Осман-бей выпустил на немецком языке книгу «Завоевание мира евреями», где сообщил, что осенью 1840 года в Кракове собрался всееврейский парламент, на заседаниях которого обсуждались средства для достижения евреями господства над всем земным шаром. В 1903 году появляется первая версия знаменитых «Протоколов сионских мудрецов», причем с весьма любопытным вариантом названия: «Протоколы заседаний всемирного союза франкмасонов и сионских мудрецов», в 1905 году – вторая, под названием «Отрывки из древних и современных протоколов Всемирного союза франкмасонов», в 1917 году – каноническая. Врагам – политическим, религиозным, национальным – приписывается создание тайных интернациональных сообществ, ставящих целью более или менее насильственное свержение существующих институтов. То есть для того, чтобы возникли представления о всемирной масонской (и/или еврейской) власти, должны были возникнуть представления о власти наднациональной; для того, что-

бы возникли представления о всемирном масонском (и/или еврейском) заговоре, должны были возникнуть представления о тайных политических организациях. А это все – детище XIX века.

Но продемонстрированная выше логика подачи материала свидетельствует о мифологичности антимасонских квазитеорий. Научный метод доказательства требует обоснования каждого элемента любой гипотезы, объяснения каждого наблюдаемого феномена. Иное дело – миф. Как показал известный французский этнолог и социолог Клод Леви-Стросс, если в мифомышлении подтверждается один элемент картины мира, то вся она считается истинной. Например, если в результате обряда вызывания дождя осадки хотя бы раз выпадут, то это свидетельствует не только о действенности данного ритуала, но и о том, что между всеми явлениями существует магическая связь, а значит, действенны не только аграрная, но и любовная, вредоносная, лечебная и иные магии. Неудачный же результат любого колдовства знаменует лишь неспособность либо неподготовленность колдуна или зловердное влияние враждебных духов, но никак не ложность исходных предпосылок. Вот В.Ф. Иванов клеймит Лигу Наций: «Лига Наций ставит своей целью:

- 1) прекращение войн и разрешение международных конфликтов судом Лиги Наций;
- 2) всеобщее разоружение;
- 3) международное разрешение социальных проблем, в частности – вопросов рабочего законодательства;

4) создание “патриотизма” Лиги Наций – отсюда внутреннее разложение национального духа народов и последующий захват влияния и власти изнутри;

5) соединение самостоятельных государств в международный союз с постепенным лишением прежних государств их прав и возможностей осуществлять свою национальную волю;

6) создание масонского сверхгосударства» (С. 478–479).

Первые три пункта абсолютно соответствуют действительности (мало что из заявленного было реализовано, но это совсем другое дело). Четвертый и пятый – полуправда, где смешаны истина и ложь. Шестой, последний есть чистый вымысел. Но ведь в этом и заключается логика мифа: если верен один элемент – верна вся система, если Лига Наций стремится к прекращению войн, то она жаждет масонского сверхгосударства.

По той же причине приводятся и прямо противоположные аргументы – хоть один из них окажется истинным, а значит, опять же, истинна вся «теория».

В научной картине мира истинность любого положения проверяется соответствием его реальности. В мифологической картине истинность есть соответствие неким заранее заданным этой картиной представлениям, причем несовпадение тех или иных положений с наблюдаемыми фактами не означает неистинности базовых представлений. Базовое представление: масон (еврей) = враг. Значит, в рамках логики мифа положение о том, что масонство = зло – первично, а все аргументы вторичны. Все факты, подтверждающие отрицательную оценку

масонства, подтверждают и антимасонские теории, а противоположные никак не опровергают, ибо являются лишь доказательством коварных замыслов масонов.

Сближение антимасонских идей с мифом имеет и еще одно, по-моему, даже более существенное, чем прежние, основание. Если мы окинем взором историю масонства, данную антимасонами, то увидим одну любопытную особенность. Масонство ведет свою зловредную деятельность более двухсот лет. Более того, если считать (а антимасоны так и считают), что было некое масонство до масонства, до его оформления в 1717 году, то эта деятельность идет по меньшей мере со времен Средневековья. В Россию враждебные силы стали проникать не позднее середины XVII века. Первое несчастье нашего Отечества – церковный раскол, погубивший истинное православие, которое в чистом виде сохранилось только в старообрядчестве (С. 96–105). «Углублению раскола и разделению единой православной церкви содействовали приезжие греки из захваченного турками Константинополя, зараженные католицизмом и лютеранством (да, греки-лютеране – это великое историческое открытие. – Д.Х.), окатоличенные киевские ученые и протестанты-масоны» (С. 96). То есть как минимум с XVII века идет черная работа по разрушению христианства (в первую очередь православия) и монархии (в первую очередь российского самодержавия). Существует коварный план создания мировой атеистической республики (см. выше). Но ведь тайная борьба за достижение тайных целей ведется столетиями, ведется испод-

воль, прорываясь на поверхность разве что при Французской революции, подготовка торжества темных сил занимает столько времени, что явно ни один из создателей плана до его воплощения не доживет и дожить не может. «Ведущие слои Англии, Франции и Германии, намеренно питая масонство в России, преследовали свои собственные интересы» (С. 23–24), но ведь это стало явным лишь в 1917 году. А в XVII или XVIII веке? Эти «ведущие слои» – они что, бессмертные, что ли? Или «собственные интересы» выходят за пределы человеческой жизни, а носители их добиваются целей масонских сообществ, не щадя своей жизни и не надеясь при этом на загробное воздаяние (атеисты!), совершенно бескорыстно, просто из любви ко злу и ненависти к добру?

Да, именно так. Если мы опять же поймем, что перед нами не историческая гипотеза, а квазиисторический миф, то все станет на свои места. Мы видим чисто манихейскую картину мира: с одной стороны Бог и силы Добра (Православие, Россия, русские, фашизм и национал-социализм), с другой – Дьявол и силы Зла (масонство, Запад, евреи, демократия и веротерпимость), и между ними идет вечная и беспощадная борьба. Для человека Средневековья не возникает вопрос, зачем Дьявол пакостит – такая уж у него сущность. Некий бес из средневековой легенды заявил, что «вечному спасению предпочел бы он погубить одну-единственную душу». То есть действует, как и наши масоны, безо всякой для себя выгоды.

Американский историк Джошуа Трахтенберг в 1943 году выпустил в свет книгу «Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с

современным антисемитизмом» (на русском языке издана в 1998 году), где показал, что истоки антисемитизма лежат в средневековых представлениях о том, что еврей (правильнее – для Средних веков – иудей) есть дьявол во плоти или приспешник Сатаны; иудаизм – не просто не христианство, но антихристианство. Потому опять же не возникали вопросы о том, зачем евреи пьют кровь христианских младенцев – они таковы, каковы есть. Менялись времена, менялись аргументы, религиозные обоснования зловредности иудеев более не действовали, и вот еще в конце XV века возникли, в XIX веке оформились и в XX веке расцвели расовые теории, в силу которых евреи, независимо от религиозной принадлежности, есть существа вредоносные по причине биологических свойств, присущих только их расе, – как какие-нибудь болезнетворные микробы или кровососущие комары. Также и масонство может восприниматься в качестве вечной «темной силы» (еще одно излюбленное словосочетание у антимасонов). Зло в подобной манихейской картине мира едино, но многообразно. Для человека Средневековья иудеи, мусульмане, еретики равно суть слуги Дьявола. В Новое время евреи и масоны (а для русских ультранационалистов вкуче с католиками, протестантами, революционерами, армянами и либералами) – по существу одно и то же. Антимасонский миф эксплуатирует более чем распространенные дуалистические, черно-белые представления о мире.

При подобном дуалистическом подходе естественен и еще один вывод: если некие идеи высказы-

ваются или разделяются носителями зла, то они должны быть отвергнуты без обсуждения. Если либерализм, демократия, социализм суть идеи масонские, то они плохи уже именно этим, никаких иных аргументов для опровержения этих идей и не требуется. В шутливой (но, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки) форме эта презумпция выражена в песенке из кукольного спектакля «Сыр-бор»:

Говорят, что Эдисон
Был по паспорту масон.
Значит, нам, едрена мать,
Надо лампочки ломать.

**«Как просто быть ни в чем не виноватым...»:
особенности антимасонского мифа**

Такова основа всех «анти»-мифов: антимасонского, антисемитского, антиимпериалистического, антикоммунистического и т.п. Но первый имеет свои особенности, делающие его привлекательным для многих (хотя, как уже говорилось выше, куда менее привлекательным, чем распространеннейший антисемитский). Упоминавшийся автор предисловия к книге В.Ф. Иванова М.Б. Смолин начинает это предисловие словами: «Мировое зло всегда боролось с христианскими обществами. На протяжении всей своей истории христианство находилось в состоянии борьбы с противодействовавшим ему сонмом тайных еретических движений и организаций» (С. 5). Дело не в основательности этого утверждения

(протестантизм никогда не был тайным движением или организацией, а ведь он для католиков и православных – ересь), суть в том, что здесь обозначено ключевое для масонов и антимасонов слово – «тайный». Масонство – тайное сообщество, это бесспорно. И это чрезвычайно облегчает антимасонскую полемику. «Масонство остается и по сию пору не менее таинственным фактором истории. Влияние в обществе умело им скрывается и проводится через его адептов, тщательно “воспитанных” в ложах в нужном для масонства духе. <...> При скудости источников, при строгом сохранении внутренних секретов в масонстве исследователи принуждены были брать на себя смелость при нехватке фактических данных высказывать предположения, строить версии и догадки. <...> Довольно часто в документах что-нибудь опущено, искажено или же свидетельств о том или ином событии вообще не сохранилось. Это должно во многих случаях извинять домысливание там, где без него невозможно продолжить историческое повествование, где без него нельзя связать разрозненные факты» (С. 6–7). То есть можно выдавать за истину самые невероятные слухи и измышления, ссылаясь на совершенную секретность и не приводя подлинных документов.

Еще одна причина относительной популярности разных книг о «тайнах масонов» и им подобных коренится в общем-то в лучших свойствах человеческой природы: люди любят тайны. Детектив – одно из популярнейших чтений. Так хочется отрешиться от будней, от опостылевшей повседневности и погрузиться в сладостный мир разгадки убийства или загадки Атланти-

ды. Потому и завалены лотки макулатурой на тему «Секреты Кремля» или «Тайные культы».

Другая причина – в иных, как лучших, так и не лучших особенностях человеческой психологии. Человек по природе своей или, вернее, по культуре своей – животное историческое. Ему нужно знать, «как это было на самом деле», по выражению знаменитого немецкого историка XIX века Леопольда фон Ранке. Но что значит «на самом деле»? Отвлечемся на минуту от исторических проблем. Любому знакомо выражение «Он не знает жизни», что значит – некто не знаком с ее теневыми сторонами. Предполагается само собой разумеющимся, что истинная жизнь – дурная, жестокая, гадкая. Это же можно сказать и о восприятии истории. Подвиги, победы, достижения, открытия, расцвет наук и искусств – все это официальная ложь (поскольку излагается от имени высших государственных инстанций, а кто и в какой стране верит начальству?). А вот то, что некое историческое лицо – негодяй или еще похуже, неперменная истина. Кутузов спас Отечество? Да он его чуть не погубил. Лев Николаевич Толстой – «глыба, матерый человечище»? Нет, на нем «лежит печать антихриста» (С. 378), «проповедь Толстого совратила многих с истинного пути, посеяла семена безверия, отрицания и анархии» (С. 379). В стремлении к исторической истине мы признаем таковой лишь грязь и мерзость, которые от нас, разумеется, скрывают всякие масоны.

Есть и еще одна причина. Н.А. Бердяев писал: «В основе концепции масонства, изобличающей его зловещую мировую роль, лежит философия исто-

рии, до крайности переоценивающая значение сознательно организованных и централизованных сил в мировой политике. В действительности в мировой истории огромную роль играют силы стихийно-иррациональные. У людей есть потребность искать сознательного организованно действующего виновника своих несчастий и злоключений». Действительно, тяжело, невыносимо чувствовать себя игрушкой слепых сил. Всегда хочется, чтобы твоими судьбами управляла некая разумная личность, пусть даже враждебная тебе, пусть даже и скрытая от тебя.

Наконец, последняя причина, наименее привлекательного свойства. История направляется «темными силами», причины ее скрыты от нас, а потому мы не ведаем, что творим. Как уверял террорист-народоволец Лев Тихомиров, «зловредная таинственность, при которой не только посторонние, но и сами члены союза не в состоянии распознавать истинных действий его, приводит к тому, что вполне знают эти действия, может быть, лишь те "невидимые" руководители, о которых ни сами масоны низших степеней, ни тем более посторонние люди не имеют никаких сведений». Значит, если мы и совершили что-то недостойное, так не корысти ради, а токмо волею пославших нас «темных сил». «Европейское масонство грубо и полностью эгоистично и занято только тем, что преследует свои национальные интересы... в то время как Россия, веря их проповедям, преследовала цели общечеловеческие, цели Всемирной Правды» (С. 23–24). Подобный взгляд чрезвычайно удобен: «Как просто быть ни в чем не виноватым»

(Б. Окуджава). Это все не мы, это все они, нас предали, нас обманули, нас «подставили», а мы ни при чем. Это не мы совершали революции и контрреволюции, не мы ставили и свержали царей, вождей, президентов, не мы споспешествовали или препятствовали своим участием или неучастием наступлению тех или иных событий, которые привели нас к нашему печальному состоянию. Мы не были ни глупыми, ни трусливыми, ни подлыми, ни жестокими, мы – лишь слепые орудия в чьих-то руках. Очень, повторю, удобная позиция. Мне и, надеюсь, моему читателю все же ближе другая:

«Нужно прежде всего взять на себя вину и ответственность, а не искать повсюду масонский заговор, что есть дело не христианское и духовно вредное, как и искание повсюду еврейского заговора»

(Н.А. Бердяев).

- Аверх А.Я.* Масоны и революция. М., 1990.
- Бакунина Т.А.* Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М., 1991.
- Берберова Н.Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков, 1997.
- Боровой А.* Современное масонство на Западе. М., 1922.
- Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М., 1997.
- Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990.
- Масонство в его прошлом и настоящем.* Т. 1–2. М., 1914–1915.
- Никитин А.Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998.
- Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990.
- Платонов О.А.* Терновый венец России. История масонства. 1731–1996. М., 1996.
- Серков А.И.* История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997.
- Соловьев О.Ф.* Масонство в мировой политике XX века. М., 1998.
- Соловьев О.Ф.* Русское масонство. 1730–1917. М., 1993.
- Тайные ордена: Масоны.* Ростов-на-Дону, 1997.
- Шустер Г.* Тайные общества, союзы и ордена. Т. 1–2. СПб., 1905–1907.

Содержание

Мнения	5
Немного методологии	10
Предыстория масонства: мастера-строители	12
Предыстория масонства: строительные легенды	21
Предыстория масонства: новые строительные ложи	24
Предыстория масонства: ученые сообщества . . .	34
Начало масонства: умиротворенная Англия. . . .	43
Другое масонство: «шотландцы» и тамплиеры . .	52
Путь к власти: мартинисты и иллюминаты	65
Терпимость и тайноведение: немецкое масонство XVIII—XIX веков.	72
Умеренная оппозиция за пиршественным столом: французское масонство до Великой революции	75
Золотой век гильотин и побед: французское масонство во времена Революции и Империи	84
Каменщики-политики: французское масонство в XIX веке	91
Всемирное братство и национальная идея: масонство и Первая мировая война	95
Самодержавное царство Астреи: российское масонство от возникновения до окончательного запрета	96
Между конституцией и революцией: новое российское масонство до 1917 года	130
Роза и Крест в ГУЛАГе: масонство при советской власти.	158

Иные берега: российское масонство в эмиграции	167
Скорбная стезя: масонство и фашизм	173
Примирение и забвение: судьбы послевоенного масонства	179
Зловещая темная сила: антимасонские мифы . .	184
Народное антимасонство: дело Клинтона	194
Масон и еврей — близнецы-братья: поиск единого врага	198
«Как известно...»: система доказательств и казус Лео Таксиля	199
Антимасонство: логика мифа	208
«Как просто быть ни в чем не виноватым...»: особенности антимасонского мифа	216
Литература	221

Харитонович Дмитрий Эдуардович
Масонство

Оформление серии *Пестрецовой А.А.*
Верстка *Сергеевой О.Н.*
Технический редактор *Кузнецова Н.А.*

ИД № 03510 от 15.12.2000
Подписано в печать 23.07.2001. Формат 70х90^{1/32}
Печать офсетная. Усл. печ. 8,19. Тираж 5000 экз.
Изд. № 13/01-И Заказ № 1628

ООО Издательство «Весь Мир»
Почтовый адрес: 101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Юридический адрес: 127214 Москва, ул. Софьи Ковалевской,
д. 1, стр. 52
Тел.: (095) 917-87-49, 917-80-46, Факс: (095) 917-92-59
E-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru; <http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 577770146-9

9 785777 701466

«Исследование любого исторического и — шире — гуманитарного феномена сразу наталкивается на трудности. Что мы изучаем: реальность или представления об этой реальности? ...Масонство мы будем рассматривать в двух ипостасях — "поэзии" и "правды", в терминах Гёте, пусть "правда" будет далеко не так увлекательна, как "поэзия", пусть "поэзия" будет далеко не всегда правдива».

Дмитрий Эдуардович Харитонович — историк, специалист по культуре Средневековья. Работает в Институте всеобщей истории Российской академии наук.

Библио-Глобус

Москва, Мелнички А
http://www.bibliogloss.ru

Тел: 928-32-87
928-46-80

7111

Харитонович Д.Э. Масонство, -М.

Цена 44,00

Тираж 3000 экз. 12,01

www.vesmirbooks.ru